

Андрей Фролов Мытарь

<http://www.fenzin.org>

«Андрей Фролов. Мытарь.»: АСТ; Москва; 2005

ISBN 5-17-030298-3

Аннотация

«Свободная зона».

Прибежище мутантов, бандитов, речных пиратов...

Там НЕТ ЗАКОНА – кроме права сильного.

Там скрываются от возмездия за содеянное преступники, твердо знающие, что полиции их НЕ ДОСТАТЬ.

Но на этот раз, похоже, один из «королей» криминального мира ПРОСЧИТАЛСЯ...

Чтобы найти и арестовать его, в «зону» отправляется СУПЕРПРОФЕССИОНАЛ из особого отдела полиции.

Ему помогают киборг Гонзо и девушка, РОЖДЕННАЯ и ВЫРОСШАЯ в «зоне».

Он принесет Закон в АД!

Глава 1. Луна-парк

Пошел раз Андрей-стрелок на охоту. Ходил, ходил целый день по лесу – не посчастливилось...

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

Говорят, что совсем недавно – лет пятьдесят назад, если человек долго смотрел в небо, казалось, что можно упасть вверх, словно небеса и брменная земля неожиданно менялись местами. Тогда небо затягивало, кружило голову и, как рассказывают, даже опьяняло своей девственной синевой. Трудно поверить, да?

Если долго смотреть в небо в наши дни, может показаться, что сейчас так и рухнешь в эту серую зловонную лужу. Все как раньше – стихии меняются местами, хотя нет... они просто слились в одно целое, стирая грани, и понятие горизонта кануло в небытие.

Андрей опустил голову, отрешенно разглядывая свое отражение в мутной воде у ног. Какая разница, куда смотреть – вниз или вверх? Везде одно и то же – серая, до омерзения блеклая пелена. Лужа на грязном асфальте также смотрела в облака, плотным дышащим покрывалом окутывающие небо над городом. Как зеркала, небеса отражают черную землю, а вода вторит им – везде серая пелена. Отражение отражений. В таком зеркальном лабиринте легко потеряться навсегда.

– Не потерять бы в серебре ее, одну... – одними губами напел Андрей строчки старой песни, глубоко затаился и разжал пальцы, роняя окурок в собственное колышущееся лицо. Вода зашипела, и отражение подернулось рябью, – заветную... День-то какой поганый.

Подержав ментоловый вкус на языке, Андрей медленно выпустил дым и машинально провел ладонью по коротко стриженным волосам. Еще немного, и придет пора носить шапку. А там, глядишь, и до зимы недалеко...

Аттракцион наконец набрал достаточное количество желающих повеселиться. Закрыли жестяную дверку, хозяин бодро убежал в операторскую кабину, загудел мотор, и карусель медленно поползла по кругу. Воздух наполнился протяжной и безнадежно фальшивой музыкой, написанной, должно быть, века полтора назад. Да на этой карусели, наверное, еще сам Николай Второй катался... Какой ужас.

Андрей втянул шею в короткий воротник куртки, спрятал руки в карманы и отвернулся, отойдя к самому парапету набережной. Ветер порывами бил в лицо, принося с собой запахи шашлыков, тины и солярки. Взгляд лениво заскользил по речной глади Оби, по старым мертвым баржам и огням небоскребов на другом берегу. Еще с полчаса, если, конечно, его стукач вообще не соврал.

– А в облаках застыл луны неверный... Может, опять напиться? – Андрей прикусил губу, в очередной раз ловя себя на том, что думает вслух. Все по накатанному расписанию... Осень, тоскливая сибирская осень. И не дай бог, чтобы об этом хоть краем уха прознал штатный психолог.

Тяжело вздохнув, Андрей локтем оперся о грязный раскрошившийся бетон парапета, краем глаза поглядывая на гуляющих по набережной людей.

Подумать только – Луна-парк! Конечно, приди сюда он в другом настроении, может, все и не выглядело бы столь ужасно, но сейчас... Раскинувшийся вдоль всей набережной Луна-парк, со всеми его павильончиками и аттракционами, ларьками и кафе, гуляющими людьми и детским смехом казался Андрею пиром во время чумы. Единственный положительный момент – сколько ни выглядывай, нигде на всей протяженности парка (а он занял немаленькую по размерам набережную между Старыми Мостами) не было видно ни единого игрового автомата. Ни одной «сатанинской машины», как называл их Лексеич, ни следа разноцветных железных коробок, агрегатов со свисающими вдоль бортов нитями проводов и капканами виртуальных шлемов, исторгающих из себя стрельбу и взрывы. И это несмотря на то, что такие сегодня можно было наблюдать где угодно – от метро до дешевых забегаловок. Вероятно, хищные механизмы, заманивающие перемигиванием огоньков в приоткрытые недра голо-кабин, сюда попросту не допускались администрацией. Словно хозяева парка решили построить своеобразную машину времени – разноцветная сладкая вата на палочках и кулдыканье шарманки над куполами павильонов. Шаг назад, так сказать, но только не смотрите в залитую бензином реку...

Спешите! Спешите, всего три дня, наш всемирно известный Луна-парк радует вас своими ржавыми каруселями, умоляющими о смазке качелями и комнатами страха, испугаться в которых можно, лишь предварительно получив передозировку «романтики». Приходите и приводите детей!

И ведь люди шли, подумать только. Отрывались от домашних компьютеров, отрывали своих чад, платили за билеты и шли. Шли, рассказывая своим детям и внукам, как ходили когда-то в детстве вот также в приехавший на это самое место старинный Луна-парк. Народу набралось... Кусочек истории. Вот ведь где романтика. И даже Пашка, чтоб его передернуло, узнав об операции, умудрился проникнуться и даже начал втолковывать это Андрею.

Встреча с детством.

Среди людского потока мелькала шпана – у каждого свой пост, и стоит хозяину аттракциона отвлечься, как условный сигнал собирает у входа всю ораву, и пацаны, словно стайка воробьев, ныряют внутрь. Андрей помнил. Чтобы вернуться в детство, совершенно необязательно тащиться в Луна-парк... Невольно Андрей подумал о Грише Демине. Первый раз малец, поди, такое увидит...

Грязный, похожий на ходячую кучу драного тряпья, бомж осторожно приблизился к Андрею, и из лохмотьев появилась длинная шея, увенчанная плешивой головой. Неестественно ярко сверкая белком единственного глаза, бомж принялся высматривать под ногами Андрея пустые бутылки.

Сморщившись и едва удержавшись, чтобы не зажать нос рукой, Андрей обернулся, негромко процедив сквозь зубы:

– Пшшел вон, урод!

Бродяга дернулся, словно его со всего маху двинули палкой, и отшатнулся.

– Вы действительно считаете новый режим лучшим?! А отчего бы, – многозначительно возразил он внезапно, при этом так вращая глазом, что тот, казалось, сейчас выпадет на землю, – и ничего плохого в процедурах не вижу! Как быть?!

Андрей неохотно развернулся к бомжу, вынимая из карманов руки, но тот проявил недюжинную для юродивого сообразительность и мигом растворился в толпе гуляющих, отвечая на гневные вскрики добропорядочных горожан нелепыми и путаными фразами. Водя глазами по поглотившей бродягу толпе, Андрей рассеянно потер щеку, словно рассчитывал ладонью соскрести трехдневную щетину. Собрался было снова вернуться к созерцанию речной глади, как тому учили крупные знатоки дзен-буддизма, как тут в голове зазвучал голос Мельникова.

– Всем постам, внимание! Ребята, соберитесь. Объект появился, проходит в зону. Повторяю: объект проходит в зону. Объявляю общую готовность!

Ох, что ж так неожиданно-то! Андрей отработанным движением расстегнул короткую кожаную куртку и пристально вгляделся в толпу, еще миг назад существовавшую для него не более чем безразличным фоном. Натянул тонкие черные перчатки.

– Это Костин, вас понял, «Центральная», готовность подтверждаю.

Хорошо, когда появляется работа. Даже серое небо над головой в такие минуты как будто светлеет, а голова хоть немного начинает соображать. Люди в парке внезапно стали очень четкими, наполненными мелочами и индивидуальностями, они медленно текли мимо Андрея, радуясь жизни и с удовольствием тратя деньги.

Взгляд вонзился в человеческий поток, высматривая, сравнивая, выискивая, и Андрей медленно направился к выходу, стараясь лишний раз никого не задевать.

– Костин, объект у паровозов, слева от входа. Охрана – три человека, коротко стрижены, одеты в серые куртки одинакового фасона, держатся чуть поодаль. Начинаем сближение.

– «Центральная», понял вас, направляюсь на сближение. – Андрей спрятал губы за углом ворота куртки, где крепился передатчик.

– Осторожнее, ребята, охрана крепкая. Не торопимся, траектория сближения в норме, не ускоряемся. Визуальный контроль через две секунды, Круглов, на два часа, внимание!

Андрей собрался для возможного рывка сквозь толпу, отчетливо представляя себе, как Пашка сейчас выходит в зону видимости охранников.

– Объект остается на аттракционе. Сближайтесь! Давайте-давайте, ребята, работаем, пошли-пошли, быстро!

Паровозики – кольцо железной дороги с маленькими детскими вагончиками, располагались прямо возле входа в Луна-парк, справа от билетной будки. Вглядываясь в обступившую аттракцион толпу, Андрей сразу приметил трех широкоплечих молодцов, так неприметно отиравшихся возле забора из крупной сетки-рабицы. Через секунду из человеческой реки вынырнул, на ходу сворачивая газету, и Круглов. Приподняв свои в

общем-то неуместные при такой погоде солнцезащитные очки, Павел обменялся с напарником короткими взглядами и направился прямо к аттракциону. Андрей чуть задержался и тоже двинулся вперед, не спуская глаз с телохранителей. Что там под куртками? Автоматы? Вряд ли... Скорее всего как всегда.

Павел смешался с толпой.

Дальше – быстрее.

Невнятный, но такой знакомый вскрик Круглова: «Господин Демин, вы арестованы!» Движение за спинами людей и приглушенные звуки борьбы, быстрее рева сирены расшвыривающие зевак прочь.

Демин вырвался и ринулся прочь, совершенно забыв про малолетнего сынишку, радостно уезжавшего в жестяной тоннель на полном ребятни поезде. Прямо по лужам рванулся к выходу, что-то крича на ходу и смешно размахивая лапами дорогого плаща. Люди Демина сработали четко, мгновенно и без капли стеснения обнажив из-под курток короткоствольные пистолет-пулеметы, чем мгновенно вызвали в толпе панику.

Один из них прыгнул за хозяином, лихорадочно высматривая приближающуюся из мечущейся толпы угрозу, второй перелетел невысокое ограждение в попытке догнать исчезающий поезд. А третий осмотрительно прикрыл отход, взглядом внезапно наткнувшись на приближающегося Андрея.

Иногда Андрей готов был спорить. Скажем, на тему того, что выживает сильнейший. Выживает быстрее, будет он после, мучительно долго, гонять эту мысль за бутылкой. Хватило времени обдумать даже это, а ведь было необходимо еще расстегнуть «оперативку» под левой рукой, отключить предохранитель и прицелиться.

– Оружие на землю! – прокричал Андрей и сразу нажал на спуск. Телохранитель так и не навел оружие, как «Тигр» харкнул с обоих стволов, превращая человека в подушку для двух титановых игл. Бритоголовый дернулся назад, роняя пистолет, и повалился в лужи, головой едва не своротив ограду аттракциона.

«Тигр» бьет бесшумно. Ну или почти бесшумно, и окружающие, часть из которых еще не успела осознать, что же все-таки вообще происходит, даже не поняли, что случилось с упавшим телохранителем. Зато когда второй бритоголовый, сграбастав Демину-старшего в охапку, практически не целясь, дал длинную очередь по бегущему за ним Павлу, люди, кажется, прозрели.

Истеричный женский крик мгновенно потонул в целом хоре детских воплей и плачей, отцы семейств бросились к своим малышам, все же свернув ограду павильона, а зеваки разбежались, унося панику в глубину парка. За последние сорок лет так и не сумев привыкнуть к регулярным взрывам и перестрелкам на улицах родных городов, толпа отреагировала мгновенно, неумело и оттого еще более дико. На асфальт начали валиться сбиваемые с ног люди.

Павел упал на землю, выдернул из-за пояса пистолет, что-то крикнул Демину. Телохранитель уже выталкивал хозяина из парка и, присев за билетной будкой, снова целился в Круглова. Раздались выстрелы, Павел ответил и перекатился в сторону, прикрываясь перевернутой тележкой для приготовления сахарной ваты и воздушной кукурузы. Ох и будет же он потом вопить по поводу испорченной одежды...

– Костин, охрана уносит мальчика через северный выход! Твою мать, Костин, бегом!

Андрей обернулся, быстро приблизился, не спуская раненого телохранителя с прицела, наклонился, рукой прикасаясь к шее.

– «Центральная», на главном входе необходима медицинская помощь. Продолжаю преследование... – Длинным скачком перепрыгнув поваленное ограждение, Андрей побежал к тоннелю, пригибаясь и держа оружие перед собой. За спиной продолжали стрелять, вопили люди.

Быстро заглянув в пустой поезд, застрявший на выходе из трубы, он метнулся к забору парка. Ветки кустов, еще не успевшие облысеть к приходу сентября, отчаянно колыхались. Кусты, забор, скамейки. Андрей нагнал телохранителя, зажавшего ревущего пацана под

левой рукой, за Комнатой Страха.

– Стоять! Мальчишку в сторону, оружие на землю, руки чтобы я видел! – заорал Андрей, падая на одно колено и ловя широкую спину в прицел.

Охраннику словно поставили подножку. Он качнулся, будто готовясь упасть, но удержался на ногах и застыл, не оборачиваясь.

– Я сказал, быстро оружие на землю и отпусти пацана! Телохранитель медленно повернулся и присел, внезапно выставив мальчика вперед.

– У-у-у, суки! – тихо взвыл он, кладя ствол пистолета на плечо пацана. – Замочу мелкого, мусор поганый! А ну бросай ствол! Быстро, козлина, а не то грех на душу возьмешь! Ну, кому сказал?!

«Тигр» дрогнул в руке, но Андрей не опустил оружия. Внимательно, очень внимательно следил он за каждым движением, за каждым вздохом здорового бугая, прятавшегося за спиной плачущего девятилетнего мальчугана.

– Ты чего это, падаль, удумал, – негромко, но отчетливо проговорил Андрей, – хозяйским сыном прикрываться?! Я тебе не мент, меня твое прошлое не волнует. Мальчишку отпустишь – тогда и поговорим. Давай без глупостей, ты мне и не нужен вовсе.

Лицо охранника исказила неопределенная гримаса, и он повел стволом пистолета:

– А мне все одно! Я сидеть не буду, понял, падла! Я вообще... – Он немного привстал из-за детского плеча, и Андрей, коротко выдохнув, выстрелил.

Бугай исчез из-за детского плеча, словно его стерли ластиком. А мальчишка даже не шелохнулся. Продолжал опасно коситься назад и не успевал смахивать предательские слезы. Человек, которого он знал всю свою сознательную жизнь, лежал за его спиной с железной стрелкой в голове. Человек, которому он привык доверять. Человек, который так любил катать его на руках и приносить апельсины. Защищавший и оберегавший. Осмелившийся предать.

Тело бритоголового тяжело осело в лужу, выпавший из руки пистолет откатился прочь.

– Все хорошо, Гриш, – Андрей осмотрелся и медленно спрятал оружие, – больше бояться нечего...

Демонстрируя открытые ладони, Андрей осторожно подошел к ребенку. Опустился рядом на корточки, прикоснулся к плечу. Мальчишка не переставал всхлипывать, но заплаканные глаза поднял.

– Ну, будь мужчиной... – Андрей запнулся. На этом весь его лексикон разговора с плачущими девятилетними мальчиками полностью себя исчерпал. Он неумело притянул пацана к себе, настороженно всматриваясь в неподвижное тело охранника. Кровь медленно капала с идеально выбритого лица, ручейком втекая в грязную лужу.

– «Центральная», – Андрей прикоснулся к передатчику, – у меня ребенок. Доложите обстановку.

Мельников ответил не сразу, совсем не сразу, и тишина эта насторожила Андрея больше, чем десять негров с битами в ночном подъезде.

– «Центральная», ответьте первому посту. Требуется обеспечение отхода, как меня поняли? Что там у вас происходит?

– Да-да, первый пост, понял тебя, это «Центральная»... – Голос Мельникова долетал словно из далекого космоса.

– Лексеич, что с ним?! – Догадка пришла мгновенно и уверенно, словно только и дожидалась, когда можно будет бедой громыхнуть. Гриша вздрогнул, когда Андрей стремительно поднялся на ноги.

– Ранен он, Пашка твой... – Мельников тяжело вздохнул, – Демин, сука, уйти-таки смог. Упустили гада. Ладно, давай, Андрюша, веди мальчонку... Я ребят послал, выход обеспечат.

Словно во сне Андрей взял пацана за плечо и направился к воротам парка, совершенно не замечая ни встревоженных лиц зевак, ни дороги через газоны, по которым шел.

Глупая усталая бессонная ночь. Солнце, пользуясь прорывом в грязной пелене,

скрывавшей Новосибирск от его светлого взгляда, ласкало просыпающийся город блеклыми лучиками. Лучики путались в зеркальных стенах небоскребов, антеннах и нагромождении высотных строек, которые, наверное, так никогда и не будут закончены.

– Давай помедленнее, ага? – Андрей осторожно пошевелил затекшей ногой и повернулся к окну, любуясь восходом. Кибернетический таксист – ухоженный мужчина средних лет, послушно наклонил голову и снизил скорость. Такси пересекало пустынный мост, и Андрей прижался лбом к прохладному стеклу, наблюдая, как танцуют на речной воде солнечные зайчики. С Левого Берега стартовали два вертолета и, едва не касаясь проводов, бесшумно унеслись в сторону Речного Вокзала.

Взгляд Андрея упал на набережную с едва заметными из-за портовых построек и подъемных кранов шатрами и разноцветными домиками дремавших аттракционов.

– Доброе утро, чтоб ты сгорел вместе со своими клоунами... – невольно поморщился Андрей, откидываясь на спинку сиденья.

– Прошу прощения? – все так же вежливо осведомился водитель.

– А, нет, ничего, давай, отец, гони дальше... – Тот снова кивнул, и машина стремительно понеслась вперед.

Новый день, а если разобраться, то просто не окончившийся вчерашний. Суета, страх, спешка, паника, отчаяние, машины реанимации, больница, бар через дорогу, опять больница. «Пожалуйста, выйдите отсюда, вам сюда нельзя... ох, парень, да ты пьян! Ох, да ты не просто пьян... Стой, скотина, это же приборы! Кто-нибудь помогите мне вывести его наружу. Вызывайте милицию в конце концов». Ну и что? Не каждый ведь день, слава богу, увозишь в реанимацию напарников и друзей.

Машина скользнула под железнодорожный мост, и Андрей заерзал на сиденье, устраиваясь поудобнее. Новый день...

Сотовый запиликал, сбивая дрему прочь, и Андрей неловко зашарил по карманам.

– Да? – Холодный пластик приятно прикасался к заросшей щеке.

– Костин?

– Он самый, Юрий Алексеич, точно так!

– Как Павел? – Мельников тактично не замечал пьяной медлительности ответов Андрея. – Ты возвращался к главврачу?

– Да, Юрий Алексеич, вернулся я... Все вроде. – Андрей отстранился от трубки, трижды сплюнул через левое плечо и замер со сжатыми в кулак пальцами, пытаясь отыскать в обшитом пластиком кебе хоть что-то деревянное. Рассеянно осмотревшись, легонько постучал себя по лбу. Водитель, с застывшей на лице нейтральной улыбкой, внимательно посмотрел на него через зеркальце заднего вида. – Вроде все в порядке. Легкое удалось заштопать, он сейчас в... – Андрей с трудом удержал зевок, – в реанимации, хотя уже должны были перевести в палату.

– Ну, слава тебе, Господи! – Андрей очень красочно представил себе, как Мельников истово крестится. – Сам как?

– Я? – Андрей удивленно посмотрел на телефон, краем глаза заметив, что проехали высоченные купола ЦУМа. – В меня-то в общем ничего не попало, Алексеич... Ни пульки.

– Не хами, Андрей. Выпивший? – В голосе шефа не было и капли привычной суровости.

– Выпивший. Маленько...

– Знаю я твое маленько, Костин. – Мельников пошелестел бумажками. – Ладно. Дуй домой, на работе раньше двух чтоб тебя не видел... зато потом держись... Римма Ивановна тобой очень тут заинтересовалась...

Только через мгновение Андрей понял, что сматерился прямо в ухо своему непосредственному начальнику.

– Ой, Юрий Алексеевич, виноват, сорвался!

– Да ладно там... Езжай, отсыпайся... Конец связи.

Андрей закрыл трубку, короткой тонкой антенкой почесав лоб. Значит, можно

поспать... Это хорошо. А вот заинтересованность штатного психолога его персоной – это уже хуже, но ладно... это все завтра. А сейчас постель, постель и еще раз постель... Как в том анекдоте. «Вчера приперся домой в три. – Так поздно? – А что сказала жена? – Я не женат. – Да, а тогда чего так рано?»

Снаружи проплывал город – еще только начавший просыпаться, такой холодный и пустой. И такой родной. Андрей любил этот город. Как любил города вообще. Каменные лабиринты, ловушки душ. Он вырос в городе, всю свою жизнь в нем прожил, и ему очень нравилось ощущать себя своим в этом мире. Город лечил, радовал, заставлял думать и позволял отдыхать. Ночные улицы были полны какого-то мрачного, фундаментального раздумья о судьбах Вселенной. Андрей мог чувствовать себя здесь совершенно свободно и легко. А особенно обладая спрятанной в кобуре силой, позволяющей ему не оглядываться лишний раз в темном переулке или практически без страха гулять по рассветной набережной. Он дышал городом полной грудью и другого не хотел.

Мебельный магазин, гастроном, ларьки, ларьки, банк, институт, магазин тканей, парикмахерская, кафе, школа, ресторан, магазин, рынок, почта. Улицы мутными слайдами мелькали в окне.

– Площадь Калинина, прибыли. – Ну не умеют наши делать человеческие модуляторы голоса. Точнее, человеческие-то они и делают, только получается, как всегда, как из унитаза... Таксист обернулся к Андрею и посмотрел на него с таким видом, словно только что исполнил арию Пьеро.

– Очнь хршо... – Андрей чиркнул банковской карточкой по автомату оплаты и буквально вывалился из машины.

Черт! Как назло, когда хочется поплакать, нет дождя! Андрей немного постоял посреди двора, провожая взглядом такси, и поплелся к подъезду, глубоко дыша утренним воздухом. Перед глазами стояла картинка, та самая, которую он всю ночь безуспешно пытался утопить в водке, – лежащий лицом вниз Пашка и растекающееся из-под груди ярко-красное пятно.

В трех шагах от дверей Андрея вырвало. Одной водкой.

Несколько минут постоял, сосредоточенно пытаясь вспомнить, где находится, с трудом открыл дверь и вошел внутрь.

Глава 2. Медалька и коньяк

*В некотором государстве жил-был царь, холост – не женат.
Был у него на службе стрелок по имени Андрей.*

**«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.**

Девять, восемь, пять, девять, пять, десять, восемь, восемь.

Андрей удовлетворенно покивал головой и опустил стволы «Тигра» в стойку. Вот теперь полный порядок – сколько ни приходилось ему сталкиваться с похмельем, так и не нашел средства лучше, чем стрельба.

Стянул наушники и с любовью покачал пистолет на ладони. Сегодня в Управлении многие предпочитают стандартные образцы, а то подчас чтобы еще и разрывными били. Нет, мы не убивцы! За четыре года службы Андрей так и оставался верен своему пневматическому «Тигру». Два вертикальных ствола, широкое ложе, сдвоенный магазин на двадцать игл, баллон со сжатым газом, одной зарядки которого хватает выстрелов на сто, возможность установки оптики и инфракрасного прицела. Скорость полета иглы составляла что-то около семиста метров в секунду – некоторые предпочитают сильнее, но Андрей еще ни разу не оставался недоволен. А внешний вид! Сколько раз в детстве, пересматривая на лазерном проигрывателе старенькую копию «Бегущего по лезвию бритвы», Андрей мечтал о подобном оружии. Прямо как в кино. Мишень, покачиваясь, подползла в упор и замерла, красуясь измочаленным иглами кругом.

– Как всегда, на высоте! – Андрей обернулся на голос, перезаряжая пистолет. – Ты прямо снайпер, Костин! Лупишь, как в кино, даже похмелье не мешает. Мне бы твою закалку. Кстати, смотрел тридцать четвертого Бонда? На прошлой неделе с мужиками ходили, атас!

Невысокий крепыш в камуфляже, подошедший от соседней позиции, картинно раскинул ноги и поднял перед собой потрепанный «Макаров-уникум».

– Один из лучших боевиков года! А спецэффекты, я тебе скажу, – вообще закачаешься!

– Куда уж лучше-то... – совершенно не стараясь перекричать несущуюся со всех сторон пальбу, ответил Андрей, натянуто улыбнулся и вернулся к перезарядке.

Нет, в целом Артемка нормальный парень и работает четко, вот... только debil. Как, собственно, и половина личного состава этого злчного места. Бывшие спецназовцы, сотрудники федеральной службы, ветераны горячих точек – им в общем-то думать не обязательно. Всегда будет тот, кто выведет их на объект, даст необходимую информацию и скоординирует операцию. Можно животик надорвать, читая дипломы этих «специалистов с высшим образованием»... Были бы деньги, так можно и диплом президента купить.

Нет, конечно, Андрей вполне нормально и по-человечески относился к своим коллегам... да и снобом в общем-то не был, не задибался... так, нормально. Но иногда хотелось пронести с собой через пост бомбу и взломать личный сейф какого-нибудь из таких вот артемов... Дуболомы. Андрей еще раз улыбнулся и замер, ожидая продолжения тирады. Тот еще недолго постоял, глупо выставив оружие перед собой, кисло улыбнулся в ответ и отвалил, что-то бурча себе под нос.

Заполнив обойму, Андрей отстегнул старый, с шипением отошедший от клапана использованный баллон и, отстрелив специальные пазы рукояти, зарядил пистолет. Спрятал оружие в кобуру, снял с планки использованную мишень и повернулся к выходу, другой рукой сдергивая с крючка куртку.

– Так и знал, что найду тебя здесь! – У Мельникова была просто врожденная способность появляться неожиданно, незаметно и в самый неподходящий момент. – Почему первым делом не у меня?

В глазах шефа сверкали недобрые искорки, и Андрей понял, что не пройдет и часа, как Лексеич устроит ему типовой разнос. Неуверенно пожав плечами и закатив глаза к потолку в поисках ответа, Андрей отступил обратно в кабинку. Понимающе качая головой, Мельников выдернул из его руки мишень и принялся внимательно изучать. Ну хоть какие-то качества он в своем работнике ценил, и то ладно.

Юрий Алексеевич Мельников, начальник отдела, в котором и выпала честь служить Андрею, был невысоким, крепко сложенным мужчиной. Вот уже четыре года, что знал его Костин (а поговаривали, что такое было и много раньше), безупречно выглядел на сорок один год, не без гордости нося облысевший лоб и седые виски. Его визитной карточкой были неизменно отглаженный галстук, способность набрасываться на подчиненных из-за угла и безумная любовь к армянским коньякам.

Одобрительно покачивая головой, словно сам с молодых лет обучал Андрея стрельбе, он отложил мишень на стойку и поднял свои темные глаза на подчиненного:

– Пойдем, стрелок, поговорим, пока беда не пришла...

Вот выпрыгну сейчас, подумал Андрей, и побегу по стрельбищу! Все лучше в реанимации рядом с Пашкой, чем у шефа на ковре, да еще после подобного обещания. Но внешне Андрей не изменился – выглядел молодцом... только помятым слегка.

Мельников развернулся и вышел из тира, не оборачиваясь более. Андрей нагнал его уже в коридоре. Неспешно направились вверх, вместо лифта воспользовавшись широкими аварийными лестницами.

– Я только что звонил в клинику. Круглову лучше, завтра перевезут в Городок.

– Я звонил утром. – Андрей не без удовольствия погладил свой выскобленный подбородок.

Пауза затянулась, звуки шагов по металлическим ступеням гулко отражались от

железных стен. Мельников покачал головой и искоса взглянул на Андрея.

– Дело можно считать закрытым, – Андрей послушно кивнул, но глаз не поднял, – Демин еще в бегах, его объявили в федеральный розыск. Теперь это работа ФСБ и Четвертого отдела.

– А мальчишка? – Андрей запоздало закашлялся, понимая, что голос его выдал. Мельников нахмурился:

– Не волнуйся, за ним присмотрят...

– Четвертый отдел?

Юрий Алексеевич замедлил шаг.

– Ты мне это бросай, Костин. Сказано тебе, что дело закрываем и передаем, так чего дергаешься? Да, Четвертый отдел. И что? Как ни крути, а эти свою работу знают. – Но вот он и сам сбился и раздраженно куснул. – Теперь словят точно, только время дай.

– Ага, на живца... – не утерпел Андрей и поспешно отвернулся, с неподдельным интересом разглядывая указатель второго подземного уровня. Мельников остановился:

– Ну, знаешь, голубая каска ты моя! Миротворец хренов. Это служба наша! Работа, я бы сказал. И не на себя, не на дядю какого – на страну, понял?!

Андрей вздохнул. Потер щеку, глядя в глаза начальника.

– Знаю, Алексеич, присягу давал... Только легче ли с этого? С Четвертым отделом всего два раза общался, и знаешь, как душой испачкался, – они неторопливо продолжили подъем, – теперь-то хоть квартиры его нашли?

– Теперь нашли, конфисковали, а что толку? Он, может, уже в Майами жопу, прости, Господи, под солнышко подставляет да с оффшорных счетов монпансье кушает! Ох, плохо, что ушел...

– А если и на сына не клюнет?

– Ну... – протянул Мельников, – а ну и черт с ним! Сказал же тебе: забудь. Это уже не наша с тобой забота. Это к гестаповцам нашим...

Они поднялись на нулевой этаж, и Мельников остановился, положив тяжелую ладонь на ручку двери, но не торопясь открывать.

– Мы с тобой, – медленно проговаривая слова и глядя на Андрея в упор, произнес он, – сейчас идем к Назарову.

Впервые за весь этот похмельный день Андрей без страха поднял глаза на шефа и, сам удивляясь собственной наглости, в упор спросил:

– А чего не к Президенту России?

Пропустив реплику мимо ушей, Мельников чуть подался вперед и, понизив голос, договорил. Негромко, с волнением:

– Сегодня с утра приказ получил – «Костина, мол, ко мне, и ты с ним». Я, Андрюша, честное слово, не знаю зачем. Может, за вчерашнее по шее надавать, а может, и приласкать...

Андрей снял с плеча куртку и оделся. Юрий Алексеевич усмехнулся, пальцем тыча в его плечо:

– Костюмов тебе никогда не покупали, что ли? Или галстуков каких. Ты что, в коже своей, может, еще и спишь?

– Иногда и сплю... – Андрей внезапно снова почувствовал слабость и невероятную усталость. Командир подразделения и управляющий боевыми группами – С.Д. Назаров. Взяв его за руку, Мельников буквально втолкнул Андрея в холл, осторожно прикрыв за собой двустворчатые двери.

– Чем бы все ни закончилось, Андрюха, – едва слышно прошептал он, – коньяк с меня!

Они вышли в огромный, с высоченным потолком, главный холл Управления в самом дальнем его конце, из-за грузовых лифтов. Андрей дождался шефа, и они не спеша вступили в гудящий человеческими голосами зал. Как всегда, каждый божий день попадая сюда вот уже несколько лет подряд, он задрал голову, разглядывая символ, когда-то вселивший в него безбрежный океан уверенности, правоты и патриотизма, а после и призвавший на службу.

На одной из стен зала, занимая ее практически всю, распахнул над пробежавшими внизу

человечками свои широкие крылья двуглавый российский орел. Голограмма была выполнена просто великолепно, и птица казалась живой, только замершей на миг в ожидании чего-то или просто в момент триумфа. Золотые короны, гербы на небесно-синей ленте, держава и скипетр сияли начищенным металлом, а мудрые глаза птицы, казалось, замечали каждого. Думалось, подуй ветерок – и огромные перья зашевелиятся, а над холлом полетит шелест.

Опустив глаза ниже, Андрей прочитал то, что и без этого знал наизусть каждый (ну, почти) работающий здесь.

«Мы тот самый камень, о который разобьется волна хаоса. Мы тот самый камень, с которого начнется возрождение. Служить честно. Защищать закон. Управление финансовой полиции Российской Федерации».

Андрей взглядом поймал удаляющегося Мельникова. Догнал. Когда-то эти слова были для него чем-то вроде молитвы. Они давали силы и убеждали в верности выбранного пути. Если откровенно – то Андрей и сейчас верил в них. Только как-то... по-другому.

Герои страны. Защитники закона. Да, это так, но гордость и преисполненный надменности взгляд куда-то ушли. Стране нужны герои? Андрей считал, что они у России есть. Финансовая полиция. Нет, не армия, не милиция, не спецслужбы, не элитные воинские подразделения. Нет. Именно они.

Войны шли, и шли до сих пор. Солдаты были нужны всегда, они отправлялись на войну и умирали, оставляя свои места пришедшим следом. Армия стала настолько обеспеченной и современной структурой, что попросту перестала беспокоиться о проблемах внутренних, полностью посвятив себя войнам на рубежах – Кавказ, Монголия, Литва, Узбекистан. Они были героями, но они лишь оберегали страну.

Безопасники ловили шпионов и воевали между собой, закон стал размыт и ненадежен, как проселочная дорога после осенних дождей. У подразделений Кибернетической Федеральной Безопасности работы было не в пример больше. Эти тоже герои, но, как всегда, незаметные, скрытые от взоров людских и играющие в собственные игры.

Милиция вообще перестала быть какой-либо силой. Устранения уличных беспорядков, с которыми в невероятно разросшихся, а следом и опустевших мегаполисах она справлялась еле-еле, штрафы за неправильную парковку, регулирование движения. В милицию, как и в конце прошлого века, шли те, кто желал поносить пистолетик, покататься бесплатно на городском транспорте и получить в финале неплохую пенсию. Герои...

Но армии были нужны боеприпасы, ФСБ – новые агенты, а милиции – фонды на пенсии. И добывали все это... Андрей в этом месте всегда улыбался... именно они.

Ну не хотел народ честно, особенно на фоне хаоса и войн, платить кровные, заработанные на спекуляции китайскими товарами денежки тетечкам-инспекторам. В конце концов это стало серьезной проблемой. Государственной проблемой. И тогда... Постепенно трансформировавшись и практически полностью поглотив такие институты, как Налоговая инспекция, полиция от финансов к середине двадцать первого века превратилась в самый влиятельный, богатый и уполномоченный орган в стране. Управление, сосредоточившее в своих руках основные информационные и денежные потоки, в дела которого государственные и правоохранные структуры просто не имели полномочий вмешаться. Структура подготовленных, специально обученных финансовых полицейских, обладающая возможностью осуществлять запросы на выяснение коммерческих, государственных и военных тайн. Сила, равная силе Президента Федерации и стоящая бок о бок с ним над всей страной.

Как любил говорить Пашка, они, словно древние дружинники князя, следили затем, чтобы охраняемый ими народ исправно кормил сам себя и охрану. Но, как и всегда, народ ничего подобного не хотел. Тогда заговорили по-взрослому.

Налоговый полицейский в России 2052 года имел полномочия большие, чем агент любой внутренней службы страны. Большие, чем у судьи Дредда из буржуйских комиксов прошлого века. Полицейский третьего и выше уровня был уполномочен проводить самостоятельные расследования, конфисковывать, арестовывать, применять оружие и

проводить судебные разбирательства на местах. Если стране были нужны деньги, которыми она, дурная, после кормила собственных детей, у нее они появлялись. Да, приходилось и стрелять, но княжеские дружины сжигали не одну деревню, пока получали причитающиеся князю шкуры, мед и зерно. А это еще не упоминая Четвертый отдел... От произвола же силы полицию, по мнению Андрея, удерживали две вещи.

Во-первых – сотрудники были настолько обеспечены и защищены, что брать взятки или играть втемную было просто смешно. А во-вторых, работали здесь одни фанатики. Борцы за идею. Во всяком случае, так хотел думать Андрей. Бывшие военные, спецназовцы, агенты и просто светлые головы, отобранные еще на институтских скамьях, за какие-то тридцать лет превратили полицию в мощный дисциплинированный и неподкупный (ну, почти) механизм. Так в России появился высший орган исполнительной и государственной власти, день за днем дающий стране надежду и возможности для завтрашнего нелегкого роста. Как в старых советских газетах... Андрей улыбнулся собственным мыслям.

Улыбка тут же слетела – Мельников подошел к ряду лифтовых дверей. «Дорога-не-запнись», как называли сотрудники эти лифты, везущие очередные жертвы на этажи руководителей рабочих групп и отделов.

– Ты, Андрюша, держись, вообще. Не запинаясь, – Лексеич вызвал лифт, – что бы ни случилось, мы своих не бросаем...

Андрей не ответил, проходя в распахнувшиеся створки кабины. Лифт рванулся вверх, и приятный женский голос стал методично отсчитывать этажи. Мельников принялся поправлять и без того безупречно уложенный галстук, Андрей невидящим взглядом уставился в дверь.

– Может, он тебя к повышению представить хочет... – В отражении отполированной металлической двери Андрей разглядел натянутую улыбку шефа. Шутка повисла в воздухе.

– Седьмой этаж, – женским голосом сказал лифт, створки с шипением разошлись, и они вышли на красную ковровую дорожку.

– К царю-батюшке на поклон, – пробормотал Андрей, отрешенно наблюдая, как подошвы его ботинок утопают в ворсе. Они двинулись по коридору, минуя ряды дверей с табличками фамилий сотрудников пантеона.

У большой двустворчатой двери без таблички Мельников остановился и по-отечески сжал плечо Андрея. Держись!

Лексеич постучал, и дверь мгновенно открылась. Секретарша (Андрей с трудом подавил вздох) быстро осмотрела пришедших и отступила, пропуская внутрь:

– Юрий Алексеевич, шеф вас уже ожидает.

Они прошли, упорно стараясь не смотреть на девушку. И ведь не киборг! Но какова?! Где, интересно, Назаров такую нашел? И где она, скажите, при таком платье прячет табельное оружие.

Секретарша провела их через приемную, по размерам превосходящую квартиру Андрея, и, обуглив мужчин взглядом изумрудных глаз, приоткрыла внутреннюю дверь.

– Сергей Данилович? Мельников и Костин... Да. Проходите. – И они вошли в кабинет.

За все время работы Андрей был здесь только раз, после самого оформления и присяги, но за прошедшие годы ни кабинет, ни его хозяин не изменились ничуть. Минимум мебели – длинный стол, десяток кресел по краям, встроенный в стену шкаф, вот и все.

Назаров сидел во главе стола, под голографическим гербом России на стене, открыв окна сразу двух вмонтированных в стол голокомпьютеров. Его руки покоились на трекболах, а взгляд цепко хватался за пробегающие по воздуху строки, совершенно не интересуясь вошедшими. За спиной Андрея со звуком падающей на гроб крышки закрылась дверь.

Не отрывая глаз от экранов, Назаров неопределенно махнул рукой. Мельников, а за ним и Андрей опустились в черные кожаные кресла. Последний при этом сел ближе к двери, предусмотрительно оставив Лексеича между собой и генеральным. Опустился на скрипящую кожу и едва не присвистнул. Ортопедическое кресло мягко трансформировалось, принимая очертания его тела в деловом режиме. Бешеных бабок стоит такое. А их тут дюжина...

Сергей Данилович Назаров медленно отключил машины и наконец-то повернулся к пришедшим. Руководитель боевых групп, главный координатор операций и начальник Третьего Блока по новосибирскому региону больше всего напоминал Андрею мастиффа. Именно от этого большого, во всех смыслах слова, человека зависело, кого, когда, где и насколько будут раскулачивать такие, как Андрей.

Назаров был похож на квадратную глыбу, одетую в темно-синий костюм, сидящий (ну хоть убей, так похоже) на нем словно военная форма. А форму этот человек, прежде чем сесть в дорогущее кожаное кресло, носил три десятка лет. И не где-нибудь, а на югах... Гладко выбритые подбородки Назарова невольно приковывали взгляд, и Андрей задумался, сколько же у координатора в таком случае складок на шее... Мастиф, одно слово.

Сложив огромные ладони перед собой, Назаров не спеша осмотрел обоих, и едва ли не впервые Андрей почувствовал себя в своей любимой куртке словно полный идиот, припершийся в театр в акваланге.

– Андрей Владимирович Костин, – низкий и рокочущий голос Назарова как нельзя лучше подходил к его внешности, – полицейский третьего уровня, отдел конфискации.

Андрей осторожно кивнул:

– Точно так...

– У вас неплохой послужной список, Костин, – это что, подвох?

Андрей попытался заерзать, но кресло уже не пускало.

– Хочу проинформировать вас, что операция «Аттракцион», непосредственным участником которой вы являлись, – продолжал Назаров, не отводя взгляда, – в конечном итоге завершилась успешно.

Мельников осторожно скосил на Андрея глаза. Понял, да?!

– Дело передано в Четвертый отдел и официально числится закрытым. – Мастифф легонько прихлопнул по столу ладонью. – Вычисление местонахождения господина Демина более не составляет труда... во всяком случае, для нас. Дело вели вы, Костин и ваш напарник, Круглов Павел Сергеевич, под непосредственным контролем и координацией Юрия Алексеевича Мельникова.

Андрей вновь кивнул, чувствуя, как язык присыхает к нёбу.

– Коротко. У меня для вас, Андрей Владимирович, две хорошие новости. – Назаров опустил глаза в стол, но тут же мгновенно вскинул их на Андрея, ловя его взгляд. – Первая – отдел персонала и непосредственно я, на основе ваших достижений на службе в полиции и успешно, – Назаров сделал едва-едва заметную паузу, – проведенной последней операции и дела Демина в целом, принял решение о повышении вас по службе до уровня номер два и переводе в отдел индивидуальных расследований. Юрий Алексеевич, – он перевел взгляд на Мельникова, – это мы с вами обсудим чуть позже. Оформлением формальностей и переходом на новое место работы можете начинать заниматься уже завтра. И второе, – снова пауза, – нам стало известно, что при выполнении операции вы устранили непосредственную угрозу жизни мальчика. За это вы представлены к получению государственной награды «За отвагу», Андрей Владимирович. Необходимая информация уже поступила в ваше личное дело. – Назаров жестом фокусника извлек из-под стола плоскую черную коробочку. – Примите саму награду.

Вот так, как на войне, – ни церемонии, ни оркестра. Медалька и стопка водки. Андрей встал, стараясь всем своим видом не выдавать бушующий в нем ураган эмоций, и осторожно принял из рук командира футляр.

– Поздравляю, Костин, вы отличный полицейский. – Назаров поймал руку Андрея и медвежьей хваткой пожал. Еще раз внимательно посмотрел в глаза. – Я знаю, что при выполнении захвата ваш напарник был ранен?

Что тут сказать?

– Да, Сергей Данилович.

Лицо мастиффа растянулось в улыбке.

– Так передайте ему, Андрей, что по возвращении его ждет приятный сюрприз. –

Андрей кивнул, опускаясь обратно в кресло. – Пусть поправляется. Ваше первое дело носит разряд испытательного, Андрей Владимирович. – Назаров без паузы сменил тему разговора и еще раз повторил фокус с ладонями, выкладывая на блестящую столешницу серебристый компьютерный диск. – Можете приступать к ознакомлению с делом. Еще раз поздравляю. Это все.

Краткость, сестра начальства, подумал Андрей. Пригласил, помиловал, наградил. Добрый у нас шеф, а то мог бы и застрелить... На негнувшихся ногах поднявшись с места, Андрей подхватил со стола диск и, поймав многозначительный взгляд Мельникова, направился к двери.

– До свидания, Сергей Данилович. – Но Назаров не ответил, уже начав разговор с Лексеичем. Андрей вышел, на этот раз совершенно не обратив внимания на секретаршу. В одной руке он, подобно гербовому орлу, сжимал коробочку с орденом, в другой диск.

И только в коридоре, когда, привалившись спиной к стене, Андрей закрыл глаза и перевел дух, на него со всей силой навалилось понимание произошедшего. Ух, Лексеич, зараза, накаркал в лифте. Но кто бы мог подумать?

Упустили клиента, один агент ранен, а тут тебе... Андрей отогнал эти мысли прочь, кто бы там разобрался в этих верхах?

Ну дела! Сколько раз, просматривая информационные файлы, Андрей втайне завидовал возможностям второго уровня. И это если учесть, что у него самого их было очень немало. Боевой гараж, сеть избирательного доступа, повышенный оклад, премии, пенсия, льготы, возможность индивидуальных расследований (глядишь, повезет и отправят ловить Демина на Карибы), расширенный арсенал и... кольнула предательская мысль о Пашке... новый напарник. Да непростой.

В общем, теперь он, Костин Андрей, сам себе президент, начальник боевой группы и исполнитель в одном лице. Трепещите, враги государства. Интересно, что бы сказала Светка? Андрей поморщился и отлепился от стены. Вот этих-то мыслей он точно не звал...

Произошедшее надо обмыть. Завороженно глядя на коробочку и все еще не решаясь ее открыть, Андрей на прямых ногах отправился в кабинет Мельникова. Диск с испытательным заданием в другой руке был безнадежно забыт до завтра.

Глава 3. Миссия выполняма

Царь посылает за Андреем.

– Сослужил ты мне две службы, сослужи третью: сходи туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что. Сослужишь – награжу по-царски...

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

– Площадь Ленина, приехали. – Таксист, киборг парня лет двадцати пяти, выжидающе посмотрел на пассажира в зеркало заднего вида. Андрей кивнул, рассчитался и вылез из каплевидного болида. Такси, такси. И почему он не обзаведется собственной машиной. Или флаером, это же раз плюнуть... Наверное, потому, что слишком часто приезжает домой пьяный. Вот примерно как вчера, после посиделок у Мельникова.

Юрий Алексеевич прибежал тогда в сильном возбуждении (видно, генеральный приласкал и его), сразу же отпустил Нину Александровну, свою неизменную секретаршу, способную дать фору самой миссис Хадсон, и сразу же распечатал потайной бар.

Нет, спорить нужды нет, коньяк и правда был хорош. Выпили за успех, обмыли Андрееву награду – алую звезду с желтым гербовым российским щитом и подписью «За отвагу», позвонили в больницу, и дежурный врач успокоил их по поводу Пашкиного состояния. За это, конечно, тоже выпили. Потом наконец был тост за переход в отдел индивидуальщиков, но Лексеич держался. Но вот когда его повторили рюмок через шесть, не вынес – сграбастал Андрея в объятия и словно отец, провожающий сына на войну,

выплакался в жилетку. За это тоже выпили. Потом еще трижды звонили в больницу, еще раз обмакнули награду, выпили за какие-то там повышения Алексеича и, наконец, последние – за удачу, чтоб в сторону не вильнуло, и на посошок. Ну и конечно – за полицию.

Какая тут машина, а?

Андрей осознал, что вот уже пару минут не двигается с места, застыв на обочине, ежась под порывами продувающего проспект ветра и безразлично рассматривая громаду полицейского Управления. Отстроили ее лет сорок назад, прямо на месте взорванной террористами Архитектурной академии. Тогда в Новосибирске и возник этот памятник фундаментализму мегаполиса, город в городе, подавляющий своей высотой и мощью монолит.

Андрей закашлялся, приподнимая воротник. Вчера-то на самом деле было неплохо. А вот сегодняшний день еще ничего хорошего пока не сулил. С самого начала своего – настойчиво-беспокойного звонка на трубку. Звонила, конечно, Римма Ивановна. У них в отделе, мол, есть стенограммы, записи переговоров и смоделированные профили поведения всех участников последней операции, и ее несколько беспокоит поведение ряда сотрудников Управления. Ну поболтал сам с собой, и что? Вечно эти дотошные психологи лезли к полевым рабочим со своими тестами и проверками. Ну что, скажите, может дать такая информация начальству? Чего Алексеич, например, и так о нем не знает?

Просила пока не принимать последующих дел и по прибытии в Управление сразу же связаться с отделом персонала. Не хочет она, мол, чтобы повторилась та история. Хуже пиявки... Ну осень, ну грусть, хандра, если хотите, ну а кто застрахован от подобного – возвращения старых теней? Все равно, как тогда, уже не будет, да и Светлана, кажется, в Барнаул работать перебралась...

Он нащупал в карманах перчатки и неловко натянул. Холодало, и усиливался ветер. В узкой щели неба, образованной громадами Управления и Центрального Комплекса Посольств через дорогу, над Красным проспектом быстро стягивались тучи.

Андрей взглянул на парящие над дорогой светофоры. Ну, преодолевая похмелье и нашаривая в аптечке все возможные для спасения головы таблетки, он, конечно, с Риммой Ивановной поболтал, чего-то пообещал даже... а потом уже не первый раз с момента повышения порадовался новым возможностям. Многие сулили они новообращенному, но один пункт Костину приглянулся сразу – «не лимитированный срок появления на рабочем месте, допускается возможность работы с использованием домашнего персонального компьютера и специального доступа в сеть». Что означало, по сути, что на работе Андрей теперь мог появляться хоть в обед. Как, собственно, и сделал сегодня.

Люди – бесконечный, увлеченно спешащий по делам живой поток, – они пихались и ругались, неприязненно озираясь на замершего посреди тротуара остолопа. Нашел место с открытым ртом ворон считать. За спиной пронеслись, поднимая из вчерашних луж стены воды, два подростка на реактивных досках, едва не обрызгав Андрея. Прохожие возмущенно зашумели, и толпа мгновенно обрела голос, проклиная цветы жизни на сто голосов. Этого еще не хватало... Дети. Гоняют как безумные на своих досках, роликах и мини-флаерах или врубаются в сеть и прожигают насквозь мозги в нейрокостюмах. Они ведь даже не знают, кто такой Христос, – полагают, что это такой крутой израильский провайдер, а священников в последнее время вообще перестали пускать в школы.

Андрей понял, что в очередной раз пропустил зеленый свет. Голова, невзирая на огромное количество сожранных препаратов, до конца не прояснилась. Тучи собирались все стремительнее, грозя с минуты на минуту грянуть ливнем, по улицам суетливо заспешили в укрытия люди. Даже бомжи и попрошайки, оккупировавшие подступы к Управлению, убрались под навесы. В воздухе неприятно усилился запах смога, и Андрей достал сигареты.

Буквально через минуту, когда он с уже раскуренной сигаретой прошел во внешний тамбур Управления, за спиной рухнула стена дождя. Андрей немного постоял, сквозь пуленепробиваемое стекло наблюдая за залитой водой улицей и мокрыми машинами, докурил, с удовольствием и не спеша вдыхая ментоловый дым, а после вошел внутрь.

Идентификационный значок полицейского второго уровня. Сидящие на вахте парни – кого-то он знал, кого-то нет – понимающе заулыбались и закивали. Ну, теперь дорога наверх словно по маслу, а там, глядишь, и до руководителя группы недалеко... Прямо как Василий Жданов!

Андрей улыбнулся, проходя в холл и привычно скользя взглядом по гербу России. Жданов – легенда полиции. Еще свежи воспоминания, как этой легендой в новичках-стажерах четыре года назад воспитывали дух полиции и страсть к работе. Полицейский второго уровня, он вел дело одного из соучредителей крупной компании, занимающейся нефтью, индивидуальное расследование. В Алтайском крае. Старожилы рассказывали, что Жданов проник в личную крепость своего клиента, ухлопал кучу народа и под стволом пистолета заставил последнего совершить компьютерный перевод взимаемой суммы на счета полиции. А потом даже уйти.

Андрей остановился у лифтов и заглянул в карточку. Теперь его кабинет на двадцать втором, в отделе индивидуалов. Комната 22-75. Личные вещи доставлены службой персонала, необходимые рабочие и конфиденциальные файлы прилежно скопированы на новую машину. Так, сначала в кабинет, после в гараж... хотя нет – сначала за напарником, потом в гараж. Лифт рванулся вверх.

Кабинет оказался небольшим, но уютным – не сравнить с их с Павлом столами в общем муравейнике Алексеича. Современный, встроенный в стол «пень» с топографическим дисплеем и проектором во всю стену, шкаф, тумба, электронная мусорная корзина, несколько стульев. На стене за столом – герб России и распаковывающаяся карта Новосибирска. Андрей включил неяркий свет и, выложив на стол «Тигр», сотовую трубу, диск с заданием Назарова и личный значок, набросил куртку на вешалку у двери.

Подумать только, а ведь он сегодня утром даже диск просмотреть успел... Правда, почти ничего не понял. Работа в области, к северу от города, крупный бизнесмен, занимается цветными металлами, что-то там с конфискацией в особо крупном размере... Андрей опустил за стол и включил компьютер.

Так, проверим систему... Андрей быстро пробежался глазами по таблицам и спискам, отмечая особенности новой работы. Сеть стала больше. Появились недоступные ранее ресурсы. Он удовлетворенно кивнул и дотянулся до лежащего на краю стола диска. Круглая пластина с легким щелчком скользнула в щель компьютера, и Андрей развернул дело на экран.

Прошло не менее десяти минут, пока на лице Андрея возникли какие-либо признаки эмоций – все это время он с непроницаемым лицом всматривался в строчки и чертежи, повисшие в воздухе. Сначала он закрыл глаза, затем поджал губы и поднес ладони к лицу, массируя лоб. Когда Андрей отнял от лица руки, по его глазам можно было сказать, что он похож на человека, которому сообщили, что лотерейный билет с выигрышем в пару миллионов зеленых оказался просроченным.

Тяжело вздохнув, Андрей еще раз пролистал информацию.

Новосибирский бизнесмен, Воротов Илья Игнатьевич, 2007 года рождения, русский, единственный сын в семье риелтора и программистки из отдела робототехники, очень любит зарабатывать деньги, делиться не любит. С 2041 года занимается скупкой и продажей цветных металлов, руководитель и соучредитель нескольких фирм Новосибирска, Барнаула и Красноярска, несколько раз был особо отмечен ОБЭПом – спекуляции запрещенными металлами, генеральный директор развалившегося в прошлом году крупного концерна «СибМет Омега». Неуплата налогов, тысяча и одна уловка, суды, банкротство – в общем, все это и привело личное дело Ильи Игнатьевича Воротова в руки полицейского из отдела индивидуальных расследований. А почему именно сюда? Да потому, что обычные агенты на таких поездках не специализируются, здесь же – вот тебе коробок спичек, мешок соли, топор и марш в тайгу на выживание. Конфискация имущества на... Андрей присвистнул, откидываясь в кресле... довольно немалую сумму. В металле.

Перед самым обвалом своей карьеры Воротов занимался платиной. Недолго пошарив

по сетям ограниченного доступа и сделав пару запросов, Андрей понял, что именно ее, родимую, искать и придется. Партия платины на... сколько-сколько? Еще раз присвистнуть, да и только. Ну а от всемогущего правосудия Илья Воротов укрылся в собственном охраняемом особняке недалеко от давно заброшенного местечка Болотное, что в ста тридцати километрах к северу от столицы Сибири. Мечтал о судьбе полицейского Жданова?! Получай.

Сейчас, откинувшись в кресле и созерцая белый пластиковый потолок, Андрей уже не был уверен, что повышение по службе это так хорошо. Пробное задание, сказал Назаров, приступайте, как ознакомитесь... Медаль, оставленная дома на головизоре, сейчас казалась позорным ярмом.

Поездка за город. Андрей негромко выматерился в воздух. Рассыпанные в воздухе строчки стерпели.

Да, конечно, бывают люди, которым часто, а особенно в случае хандры, бывает просто необходимо убежать, вырваться, покинуть четыре стены и насладиться девственно-грязным куполом неба над головой. Андрей был не из тех и знал это совершенно четко, как и то, что в конце октября ему исполнится двадцать восемь. Он вырос в городе, и город стал его вторым отцом. А что такого, если человеку нравится бетон? Да, Андрей не мог без города, без пульса магистралей, без бетона и стекла. Лес? Хорошо, но только на пару часов, и то ради любимой девушки. Что там ловить, в этих загаженных и разбитых местах?

А дорога в Болотное обещала именно это. Анархия пятнадцатого года, окончательно развалившая сельское хозяйство сбухавшихся поселков новосибирского региона, превратила эти места не просто в неприятные, а в опасные для любого горожанина районы. Вдали от высоких стен и постов милиции немногочисленные местные жители считали тебя представителем чужой расы. Опасной и незнакомой расы. Туда нельзя отправляться без личной армии. Там легко могут убить за хороший ремень или банку сухпая. А после и съесть. Причем не консервы.

А наделавший шума подрыв неизвестной даже местным базы «Сибирь-19»? Андрей хорошо помнил, как на «холодильнике» лишь случай забросил его в регулярные части 3-й Кавказской армии, а не в спецотряды, участвовавшие в зачистке северных областей от «мутировавших организмов».

Болотное. Места, превратившиеся в идеальное поле битвы за выживание для жуткого контингента северных колоний и резерваций. От поселка, вернее, от того, что осталось, налево к западу, еще с двадцать кмэ. Деревня Старый Елбак! Каково?! Ну и урод же ты, Воротов, коли забрался в этот долбаный Ст. Елбак! Край мира, об который разбиваются волны Атлантики, ей-богу...

Ограничения ресурсов – нет. Ограничения арсенала – нет. Интересно, а танк дадут?

Андрей тяжело вздохнул. Нужно будет спросить совета напарника. В комиксах самые крутые полисмены всегда так поступали. Андрей щелчком отключил компьютер и отодвинулся от стола. Вниз – за напарником.

Через шесть минут грузовой лифт привез Андрея на этаж технической поддержки.

Что-то кольнуло внутри. Тонко и противно, но, как обычно, он предпочел не заметить. Что толку терзаться? Да, угрызения будут, само собой. Но с Кругловым у них теперь пути иные. Как и напарники. Он же не бросает старого друга, он ведь просто получает новое оборудование. В очередной раз почувствовав себя мягкотелой сволочью, Андрей с гадким облегчением признал, что стремление обладать новым напарником затмевает любые муки души. Круглов поймет, друзья всегда понимают.

В конце длинного коридора, перед узкой дверью из железной сетки, сидел старик Никифорыч, который, казалось, свою униформу полицейского не снимал года эдак с семнадцатого. Причем с тысяча девятьсот семнадцатого...

Андрей подошел к столу, непринужденным покашливанием отрывая Никифорыча от чтения газеты.

– День добрый, Никифорыч!

– Ой, Андрюшка. – Старик отложил газету, убрал очки и огладил седые усы, каким любой казак бы позавидовал. – С повышением, что ли?! Ну дак проходи!

– Ну, вроде того. – Андрей улыбнулся, замечая, как пляшут в глубоких и искренних глазах охранника озорные искры. – Не ждал поди, что в гости к тебе наведаюсь? Так вот встречай, показывай хозяйство свое подземное.

– Да ну тебя, шалопа! – Старик притворно отмахнулся, улыбаясь. – Целыми днями только и делаю, что тебя дожидаюсь

Они посмеялись. Старик предложил кофе. Андрей отказался. Старик спросил о погоде. Андрей ответил, что хреново. Замолчали. Никифору в полицию устроил сам Костин. По старой дружбе старика с отцом Андрея. Так вот теперь и общались после смерти отца, каждый раз ни о чем. Один из подвалов, другой с высоких этажей. Чай пили пару раз.

– Ты бы это, Андрюша, на кладбище-то съездил, – внезапно сказал Никифорыч, с ошутимо преувеличенным усердием принявшись сворачивать газету и не поднимая глаз, – а то был я там намерен, поразмысли там усе... Поправить надо бы, а мне тяжело...

Андрей невольно нахмурился, куснул губу и, как обычно, предпочел поспешно сменить тему. Наклонился, кладя руку на плечо старика:

– Ну, ты это, Никифорыч. Ждал? Считай, значит, дождался. – Старик поднял глаза, прищурился. Напряжение ушло. Проехали. Забыли. Как всегда. – Напарник мне нужен. Вот бланки, выписывай. Ну и это...

Тот закричал, улыбаясь и вновь оправляя усы. Сколько же молодых инспекторов приходило к нему вот так, стандартно начиная издали, чтобы задать самый главный вопрос?

– Да чтоб покрасивше была... – решился Костин – она, значит, нужна. Женская модель, в смысле, – Андрей внезапно для себя покраснел, наблюдая, как улыбается дед, – ну, чтоб девушка...

Никифорыч вдруг снова прищурился, вынул из кармана очки. Вздыхнул.

– Ох, молодежь. – Старик покачал головой, но на этот раз отчего-то не улыбнулся. Стал жутко деловой, бумаги открыл, на нос очки нацепил. – Ну ладно, ты иди, выбирай, тут вот карточкой чиркни только. – Никифорыч как-то вдруг замялся и опустил глаза. Опять снял очки, повертел в пальцах, потер оправу, дунул на стекло. – Только, Андрюша, не ждали нонче повышений-то. Ты повыбирай там, по номерам сверься, оно, глядишь, и найдешь что сурьезное. А дак и нет там почти ничего...

– Ничего, бать, – Андрей подмигнул охраннику, по-дружески пожимая ему плечо, – подберу чего...

– Ну и хорошо. – Старик набрал номер на терминале, приложил свой пропуск, Андрей провел карточкой по пульту и прошел в открывшуюся дверь склада.

Глава 4. Напарник

– Сват Наум, хочешь у меня служить?

– Отчего не хотеть? Ты, я вижу, человек добрый.

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».

Русская народная сказка.

– Это что такое?!

Молчание и сопение.

– Это что такое?!

Шуршание газеты и еще более громкое сопение.

– Это что такое?!

– Да ведь, Андрюша, – старик виновато поднял взгляд, – покончилось все. Не ждали повышения мы... Ты бы, может, по номерам сверился, верхние полки проверил...

Андрей встретил взгляд Никифору гневно, без шуток и тяжело постучал пальцем по

крышке пластиковой коробки, стоящей на столе:

– Это что, все, что есть?! Что ты меня по номерам отправляешь, сам ведь склад этот наизусть помнишь. Отвечай, дед, это все, что есть?

Старик очень медленно кивнул, вжимая голову в плечи.

– Слушай, Никифорыч, – Андрей понизил тон и наклонился к охраннику, – каждому полицейскому второго уровня, работающему в отделе индивидуальных расследований, по штату полагается кибернетический напарник. Как табельное оружие, понимаешь? А это что?

– Дак ведь больше не осталось ничего... Ты ж меня тоже пойми, Андрей, я ж тебе энтых киборгов не рожаю. Мое ведь дело какое? Мне груз привезли, я его принимаю, на учет ставлю, по складам определяю, потом выдаю. Девки всякие, собаки, змеи, птицы... – Он покрутил в пальцах очки. – Я за наполнением склада не слежу, так чего ж вы все – как что кончилось, так Никифорыч виноватый? Это вам наверх нужно ругаться идти...

Андрей глубоко вздохнул, стараясь лишний раз не смотреть на коробку.

– Меня повысили, понимаешь? Понимаешь, дед? Радуюсь за меня? Такое происходит не часто, поверь. Так будь же любезен, прямо сейчас отправь запросик на стройную невысокую брюнетку годочков эдак двадцати двух! И побыстрее!

Никифорыч громко шмыгнул носом, откладывая очки на сложенную газету. Посмотрел в сторону. Туда же и ответил:

– Дак, ведь это не меньше чем на три недели...

Сколько? Андрей поник плечами, уперся обеими ладонями в стол, нависая над коробкой. Опустил глаза, стараясь дышать ровнее. Коробка, размерами чуть больше обувной, вся в необходимых кодировках, печатях доступа, пломбах и индикаторах состояния. Вскрытая...

Андрей, конечно, слышал и читал про симуляции млекопитающих. Боевые псы-киборги, птицы-киборги, даже лошади-киборги – настоящему полицейскому из индивидуалов нужен надежный титановый друг. Но чтоб такое?

– Назаров, наверное, с повышением пошутит...

– Чего, Андрюша?

– А-а, – отмахнулся тот, – не важно, – и в который раз открыл коробку.

– А по-моему, очень даже мило, – сказал Никифорыч.

Склад Управления был пуст. Пустовали стойки-капсулы для киборгов-гуманоидов, были пустыми кабины боевых механизмов, было тихо в вольерах для кибернетических животных. Только на одном из металлических шкафов, запыленная и забытая, стояла обнаруженная Андреем коробка.

– Но ведь это же крыса!

– Ну дак и что? – Старик так естественно удивился, что на какой-то миг Андрей и сам подумал – а правда, ну и что? Но только на миг.

– Крупная белая крыса-киборг, да? Напарник полицейского второго уровня?

Старик многозначительно промолчал, почесывая морщинистым пальцем висок.

– А ну вас всех. – Андрей закрыл коробку и подхватил ее под мышку. – Бывай, Никифорыч! Не болей. Будет поступление – дай знать!

– Ага, – старик приподнял фуражку, – ну конечно, Андрюша, конечно. Ты это... извиняй, ежели что. Не моя это вина, ты ж понимать должен...

И Андрей унес коробку в свой кабинет. Отличный день, слов нет.

На этот раз, вернувшись на место работы, он запер дверь. Пластиковый ящик лег на стол между пистолетом и сотовым телефоном. Не спуская глаз с коробки, словно одной силой мысли он собирался превратить лежащую там белую крысу в очаровательную девушку, Андрей медленно взял телефон и набрал внутренний номер Мельникова.

– Мельников у аппарата!

– Привет, Алексеич. Слушай, у меня вот тут вопрос возник – они там что, охренели?

– А? Ты чего, Андрюша? – Сказать, что бывший шеф тормозил, означало бы не сказать ничего – сказывались вчерашние посиделки. – Ты это, давай-ка не ругайся мне, внутренний

телефон все-таки, а рассказывай. В больницу звонил?

– Нет еще, только утром из дома.

– Ну и чего там с моим Пашкой?

Ага, с его Пашкой, значит... Тяжело старику все-таки с уходом Андрея.

– Все, на поправку пошел. Современная медицина, подогретая солидными фондами, творит чудеса. Врач сказал, что завтра ему уже будет можно разговаривать.

– Ну и слава богу! – Андрей выждал положенные три секунды, отведенные Алексеичу на перекреститься. – Чего там у тебя, устроился? Не болееешь? Я вот что-то помираю... Может, водку зря брали?

– Ну, в общем, устроился, – ответил Андрей самым замогильным тоном, – и даже напарника подобрал. А сам не болею, нет, ничего, даже голова не болит...

– Ну здорово, Андрюша, хоть тебе сейчас хорошо...

– Вот он тут передо мной в коробочке лежит. Напарник мой.

В трубке наступила тишина, прерываемая тяжелым дыханием Мельникова.

– Птица, что ли? – осторожно поинтересовался он наконец.

– Рыба, Юрий Алексеич, говорящая! – Андрей левой рукой приоткрыл коробку, словно Мельников мог увидеть зверя. – Знал бы ты, шеф, чего мне подсунули...

Трубка понимающе промолчала.

– У Жданова вот, – с придыхом сказал Андрей, – кречет был. А у меня крыса.

– Кто?! – На другом конце провода прыснуло, и Андрей негодуя уставился на трубку. – Извини, Костин, кто? Крыса? Ну... – Вновь тишина, но Андрей чувствовал, как Алексеич борется со смехом. – Это еще ничего, бывает, там только насекомые остаются. Разведчики.

Андрей помолчал, взглядом оплавляя клавиатуру телефона, а затем процедил:

– Ладно, Юрий Алексеевич, позже созвонимся – дела у меня тут...

– Ага, – сказал Мельников виновато, словно сам позвонил и от забот оторвал, – ты если полечиться задумаешь, меня предупреди. – И они повесили трубки.

Насекомые, значит. Андрей бросил трубу на магнитные рычаги и осторожно, почти безгласно вынул зверька из коробки. На ощупь тот оказался неожиданно теплым и приятно живым. Будто спал. Ирония какая-то, розыгрыш. Все утро морально насилуя себя, пытаюсь определить, не является ли смена напарника предательством по отношению к старому боевому другу, и получить такое...

Андрей аккуратно опустил крысу на столешницу и извлек из коробки пластиковую карточку с инструкцией.

– Ладно, – он уселся за стол, – попробуем... Легким нажатием на правое ухо активировать систему слуха. – Андрей подтянул крысу через стол за тонкий розовый хвост и надавил ей на мохнатое ухо. Зверек дернулся, Андрей отдернул пальцы. – Так, дальше. Снять с инструкции предохранительную ленту и активировать кибернетический организм прочтением личного кода допуска. Пауза между символами не должна превышать две секунды... Так.

Полоска пластика с треском оторвалась, обнажая двенадцатизначный код из цифр и букв, и Андрей начал читать, внимательно глядя на крысу, словно поднимающий мертвецов некромант. На последней цифре крыса внезапно пошевелилась, перевернулась на пузо и села на задние лапы. То, что произошло потом, повергло Андрея в легкий шок.

Зверек лениво приоткрыл мутные, словно заспанные, красные глазенки и начал деловито умыться передними лапками, изредка бросая на Андрея осторожные взгляды и пробуя носом воздух. Так прошло, наверное, минут пять. Андрей снова посмотрел в инструкцию. Она требовала нового хозяина «аналогового организма» представиться.

– Меня зовут Андрей Костин, – словно объясняя это умственно отсталому, по слогам произнес человек. Крыса прекратила умывание и серьезно кивнула в ответ.

Дальше инструкция требовала дать «аналоговому организму» постоянный позывной. Здесь человек впал в ступор. Как можно назвать белую крысу? Из всех белых крыс в своей

жизни Андрей знал только одну – белокурую девочку с дикими гусями в голове, безответно добивавшуюся его любви лет семь назад. Ну не Оленькой же ее называть!

Зверь сидел на столе, выжидаяще уставясь на Андрея алыми бусинами глаз.

– Гонзо... – внезапно выдал из себя Андрей, тут же едва не разбив себе лоб ладонью. Гонзо? Он сказал, Гонзо? Единственный образ, пришедший из старинного кукольного шоу, что гоняли вечером по головидению... Классно. Просто шикарно.

– Приветствую, Андрей Костин. Аналоговый организм модификации «крыса-альбинос», порядковый номер два-два четыре нуля семь, активация произведена, системы запущены, идет сканирование, – произнесла крыса, точнее Гонзо, тонким голосом. Через минуту тишины голос раздался вновь. Казалось даже, что крыса не просто модулирует голос изнутри, но и шевелит при этом губами. – Сканирование завершено, все системы работают нормально. Рад познакомиться. Если Гонзо – женское имя, внеси поправку.

– Да нет вроде, – промямлил Андрей, – мужик вроде...

– Прошу задать мне допустимый уровень общения с вышестоящим напарником – от фамильярного, до строго делового. – Крыса подобралась поближе, стуча коготками по столешнице, и всем своим крысиным видом изобразила внимание.

– Да чего уж там, давай на «ты»...

– Активизировать чувство юмора?

– Да сколько хочешь...

Гонзо поднял правую лапу и задумчиво поскреб затылок. Выжидаяще посмотрел на человека:

– Ну и чего там дальше в инструкции?

– А? – Андрей взглянул в карточку. Далее предписывалось вступить с активированным «организмом» в речевой контакт и в режиме диалога закончить настройку. И все, – да, как бы все...

– Ну и хорошо. – Гонзо шмякнулся на бок, едва ли не по-человечески подпирая голову лапой. – Что думаешь делать дальше?

– Выглядишь ты как живой... – нашелся сказать Андрей.

Крыса вопросительно посмотрела на него:

– Да, в общем, я и есть живой. Во всяком случае, согласно третьей поправке сто девятнадцатой статьи, принятой в ООН на заседании комиссии по вопросам развития робототехники в позапрошлом году. Аналоговый организм. Разведчик, боец, колонизатор и первопроходец. Хочешь потрогать?

Андрей нерешительно замотал головой. Да ну, чего там...

– Да не бойся ты, что, крысу никогда не гладил? Вперед, напарник. – И Гонзо весьма демонстративно развалился на столе. – Имитация натурального продукта составляет сто десять процентов!

Андрей протянул палец и осторожно почесал мягкий теплый пушок на пузе Гонзо. Тот довольно прикрыл глаза, откинув голову на стол.

– Классно. – Андрей недоверчиво потер пальцы, еще хранившие тепло живого существа.

– А то! – Крыс снова перекатился на бок.

– Ну... а чего ты умеешь, Гонзо?

– Разведка, запись и перехват сообщений, хранение информации до пятидесяти гигабайт, проникновение в компьютерные системы, воровство, ну это сколько упру, а в сети вообще любые операции... Можно сказать, что я прирожденный хакер! Ну, могу, конечно, и драться. – Гонзо приподнял свободную лапку и с едва слышным щелчком выдвинул полусантиметровые когти. – Впечатляет?

Андрей покачал головой:

– А это... я у тебя вообще первый? В смысле напарник.

– О, – многозначительно сказала крыса, пряча когти в подушечки, – тут, солнышко, извини, я себя до свадьбы не уберег. Хотя остаточные импульсы в моем отчищенном блоке

памяти говорят мне, что до этого у меня был лишь один хозяин и он, кажется, был полным мудаком. Не говоря уже о том, что его пристрелили...

Из открывшихся ворот гаража ударил запах смазки, бензина и горелой бумаги. Андрей поморщился, едва удержавшись, чтобы не прикрыть ладонью нос, но решительно вошел внутрь. Практически сразу из лабиринта расставленных по подземному ангару автомобилей, мотоциклов, флаеров и даже вертолетов выскочил невысокий крепкий мужичок лет сорока, облаченный в форму транспортной поддержки налоговой полиции. Приветливо помахав рукой, он первым делом закрыл ворота и лишь после этого подошел к Андрею.

– Эти зазнайки из арсенала говорят, что если ворота открыты, у них там все прованивает гарью. – Он пальцами показал кавычки и протянул Андрею широкую мозолистую ладонь. – Кузнецов Михаил, старшой по всему этому безобразию. Давайте обратно прикроем, а то шуму будет... А вы, должно быть, – продолжил он, улыбаясь и не давая Андрею открыть рта, – то самое повышение, о котором мне сегодня с утра сообщили? Да? Вот и чудно! Сказали, вам наверняка транспорт нужен будет, прошу! Ждал с утра, но да ничего.

И он хозяйским жестом обвел гараж, по которому то здесь, то там вспыхивали ослепительные вспышки сварочных аппаратов. Андрей кивнул, озираясь, и представился:

– Мне необходим хороший внедорожник, Михаил. Достаточно обеспеченный электроникой, чтобы иметь выход в сеть, и все такое, понимаете?

Механик почесал нос и бодро кивнул.

– А как же, что ж непонятного. За город собираетесь? – пришла очередь Андрея кивать.

– Новое дело, в области...

– Понимаю. Идите за мной.

Андрей послушно направился вслед за Кузнецовым, петляя между легковыми машинами и вездеходами, обходя грузовики и поставленные на бетон флаеры. Гонзо внезапно забеспокоился под курткой, цепляясь коготками за рубашку и ремни кобуры, попытался выбраться на плечо.

– Ты чего? – Андрей замедлил шаг и расстегнул куртку. Пропустил массивный автоматический подъемник, морщась от постоянных вспышек и мигания аварийных ламп грузовых роботов.

– Скажи ему, чтобы машину оборудовали тарелкой и средством удаленного наблюдения. Может пригодиться. – После этого зверек весьма по-настоящему зевнул и, беспечно отцепившись от плеча, плотным комочком провалился в недра куртки.

Андрей догнал механика, когда тот уже осматривал выбранную машину.

– Вот, прошу жаловать! – И Андрей уставился на багрово-красный пятидверный джип. – Полноприводной японец, как раз под ваши требования. Левый руль, коробка полуавтомат, эта модель даже с резервным двигателем поставляется – на случай внезапного отказа. – Кузнецов дернул себя за козырек форменной кепки, довольно посмотрел на полицейского. – Фирма «Мицубитхи». Все, что заказывали, – компьютер, электроника. В багажнике цельная ремонтная мастерская. Пуленепробиваемое стекло, радары всякие, антирадары. Просту осмотреть.

Джип был и вправду японский, фирмы «Мицубиси». Андрей одобрительно покачал головой и обошел машину. У левого борта в нерешительности остановился возле помятого переднего крыла. Михаил подошел, присел и провел пальцами по оцарапанной краске:

– А, это ничего, пустяк, так, помял кто-то слегка. На качестве не скажется! Будь спок!

Андрей пожал плечами, открывая дверцу водителя. Кресло высокое и удобное, руль как на гоночных болидах.

– А есть возможность установки на машину спутниковой связи и системы удаленного наблюдения? – спросил он Михаила, все еще сидящего у помятого крыла. Тот задумчиво поднял лицо к потолку, прищурился, пожевал губу и утвердительно кивнул:

– А чего, есть, конечно! Японец никак! Только это не к нам, вы в отдел электроники

запрос сделайте. Они нам железо с третьего этажа докинут – а тут смонтировать дело двух часов.

Андрей еще раз довольно кивнул и вылез из машины. Гонзо, мирно посапывавший под курткой (и зачем только моделировать крысе сон?), перевернулся на другой бок.

Глава 5. Дорога

Подхватил Андрея буйный вихрь и понес – горы и леса, города и деревни так внизу и мелькают.

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

Красный.

Андрей притормозил, с неудовольствием слушая, как сзади в багажном отсеке с глухим звоном перекатилась плохо закрепленная канистра с водой.

– Слушай, напарник, – Гонзо, сидящий на приборной доске, оторвал взгляд от маятником качающихся «дворников» и взглянул на Андрея, – а ты узлы вообще вязать умеешь?

В ответ крыс оскалил маленькие точеные зубки. Видимо, это должно означать усмешку. Ладно. Значит, придется останавливаться и крепить жбан. Не слушать же это бряцание всю дорогу до Болотного?

– Зеленый, – сказал Гонзо, вложив в голос все крысиное презрение. Андрей очнулся и, не отвечая на несущиеся сзади сигналы, тронулся. Багровый джип снова влился в волну движущихся по Красному проспекту автомобилей, двигаясь на север, от реки. Вот они и в пути. Андрей тяжело вздохнул и покосился на крысу. Испытательное задание. Как Жданов!

Сегодня с утра Мельников старательно не отвечал на звонки. Гад. Дальнейших распоряжений по поводу задания не поступало – ты теперь сам себе и царь и холоп, так что действуй как знаешь.

Правда, вчера в очередном забеге между отделом электроники и арсеналом его таки догнал один телефонный звонок. От Риммы Ивановны, что-то про уточнение психопрофиля или мотивационной решетки, но Андрей что-то пробормотал на бегу и, сославшись на важность, продолжил беготню по этажам. А беготня была.

В кабинете, усадив Гонзо за компьютер скачивать с полицейской сетки всю информацию, касающуюся Воротова или любых следов его деловых отношений, сам Андрей, словно молодой сайгак, скакал между всевозможными отделами, готовясь к предстоящей командировке. Если так вообще можно назвать эту поездку в давно забытые Богом земли, на один, от силы два дня.

Отдел вооружения, электроника, гараж, продовольственные склады, походное снаряжение (плюс краткий курс выживания в природных условиях, в течение получаса зачитанный огромным усатым егерем с сигарой в зубах), снова арсенал. Потом оформление по повышению, регистрация награды, подпишите здесь, чиркните там... Как Гонзо удалось-таки разбудить Андрея сегодня в девять, понять было нелегко.

Однако вид полностью экипированного джипа во дворе значительно поднял настроение. А стакан хорошего чая и ментоловая сигарета только закрепили его. И вот теперь они едут на север, стараясь выбраться из пульсирующих на проспекте пробок. Если бы не нужно было сегодня заезжать на работу для регистрации отбытия, они гораздо легче выбрались бы от андреевского дома, что на площади Калинина.

Теперь час по городу, часа четыре-пять, если считать состояние дорог, до Болотного, потом еще с часок на запад, и они вступят в личные, хоть и незаконные владения господина Воротова. Что делать дальше, Андрей еще не решил.

Нырнув направо, Андрей выехал на улицу Мичурина. Тут движение в основном было воздушное, так что он прибавил газу, с привычной опаской поглядывая на проносящиеся

между высотными зданиями флаеры. В молчании (лишь радио, включенное Гонзо, тихонечко бормотало про очередной взрыв на заводе Химконцентраторов) они доехали до улицы Писарева. Свернули направо и по ней добрались до отворота на Сухой Лог, к одному из крупнейших в городе торговых центров.

Гонзо, что странно, молчал, изредка с фырканием почесываясь.

– Расскажи мне, что вчера накопал. – Андрей притормозил, пропуская длинный состав многоэтажного автобуса, и выключил радио. Гонзо заинтересованно обернулся и сел, пожевывая кончик хвоста.

– Так... ну, в целом ничего принципиально нового, чего бы не вошло на твой диск с заданием... – Он смешно повел носом, отчего усы растопырились в разные стороны. – Только вот, например, предположение. Два года назад, в пятидесятом, Воротов довольно плотно общался с неким господином Мамукашвили, гостем снежной Сибири из солнечной Грузии. Вообще делом этого джигита занималось ФСБ, а Воротову тогда удалось легко отъехать от заварухи и остаться в принципе чистым. Так вот, по непроверенным, но легко предполагаемым сведениям, Воротов «потерял» со складов «СибМета» для дорогого друга Мамукашвили пару-другую тонн... кажется, нихрома. Это при том, что, как известно каждому парню из ФСБ, в упомянутый период господин Мамукашвили плотно занимался оружием. И, что также можно предположить, со своей стороны потерял пару ящиков огнестрельного товара где-нибудь в районе дачи Воротова. – Гонзо выжидающе замолчал и, наклонив головенку набок, уставился на Андрея.

– Успокоил...

– Предупрежден – значит, спасен! – изрек зверь, звонко щелкнув хвостом по панели управления. – Но предупреждаю, информация непроверенная...

Впереди из серой пелены мелкого дождя выступили огни и заграждения аварийных служб. Установленные за ночь знаки указывали объезд, и Андрей свернул на Народную, присоединяясь к длинной металлической змее машин. Прохожие, прячась от мороси под зонтиками и дождевыми плащами всевозможных расцветок, спешили по тротуарам, опасливо косясь в сторону завывающих за Сухим Логом сирен. Может, стоило взять флаер? Так они ведь горючку жрут, как не скажу кто... Еще не хватало грохнуться на пузо, скажем, на полпути до цели.

– Удалось построить еще какие-либо гипотезы? Может быть, Воротов торговал армейским ураном и меня ожидает бомба? – с легким оттенком насмешки поинтересовался Андрей. Гонзо выплюнул хвост. – Или ты нашел на него компромат?

– Ну, скажем так – в силу своих нечеловеческих способностей, пардон, если кого задело, я попытался составить психологический портрет этого человека. Воротов Илья Игнатьевич, замкнутый, не особенно склонный к общению человек – по старым психологическим шкалам, исчезнувшим с появлением нейропсихологии, это называлось «интроверт». Замкнут, угрюм, трудоголик, резко и напористо идет к реализации собственных планов. Изучение биографии объекта наталкивает меня на мысль, что тот скорее всего склонен к внезапным вспышкам гнева и, возможно, насилия. – Крыс встал на все четыре лапы и с видом Холмса принялся расхаживать по панели. – Скорее всего Илья Игнатьевич получил в детстве психологическую травму. Скорее всего это связано с матерью или с занятиями онанизмом, которые он начал довольно рано. Одно из немногих слабых мест в характере Воротова – его страсть к красивым девушкам. Ради них он готов на все. Сказать честно, они могли бы послать на это дело и представителя женского пола, глядишь, шансов было бы больше...

Андрей вцепился в руль, по пустому тротуару, нагло и мимо правил, обгоняя зазевавшуюся «тойоту».

– Вот это да! Вот это портрет! Дрочила, работяга и садист, питающий слабость к женщинам. Я могу поинтересоваться, откуда ты это все взял?! – Что-то в рассказе Гонзо неожиданно заставило Андрея разозлиться. Однако казалось, зверь не заметил изменения в тоне напарника. Или виду не подал.

– Видишь ли, – он вдруг замер и задумчиво посмотрел в окно, – моя склонность к синтезу подчас необъяснимых элементов мозаики вряд ли станет понятной при объяснении. Подчас разрозненные кусочки складываются в причудливые узоры, нужно лишь угадать как. Огромную роль также играют личный опыт и знания. Ну, может, насчет психотравмы я и загнул, но практика показывает, что они есть у каждого, называй – не ошибешься. И чаще всего именно связанные с матерью. А про девушек и страсть к работе, так это все из личного дела. Ведь не каждый готов в неполные двадцать лет заработать первый миллион только для того, чтобы жениться на фотомодели?

Андрей косо взглянул на безмятежного с виду Гонзо. Кажется, ясно... В очередной раз Костин неохотно признал, что дело в нем самом. Привык к общению с Кругловым, который, может, парень и неплохой, но, кроме пива и рыбалки, интересов не имеющий. А уж чтобы так заливать... А тут послали Бог с Назаровым крысу-самоучку. Всезнайка с чувством юмора. Да и сам молодец, мог бы досе внимательно изучить, да не с похмелья, а на ясную голову, старательно. Ну ладно, крыса, посмотрим еще, кто в доме хозяин... Стараясь говорить спокойнее, смотреть на дорогу и не выдать улыбку, он спросил:

– Слушай, а как ты отключаешься? – словно невзначай.

Гонзо стремительно развернулся и сел, вопросительно взглянув на напарника. Вся его поза говорила о крайней заинтересованности.

– Ты чего, разозлился? Я слышу раздражение в твоем голосе, – невинно поинтересовался он.

– И все-таки? – Машина свернула на Учительскую.

– Аналоговые организмы моего класса отключаются через сутки после сброса информации о гибели напарника в сеть полиции. Ты чего так взъелся? Завидуешь?

Андрей резко затормозил, выворачивая к обочине.

– Просто треплешься много. И сдается мне, все-таки не по делу. Несешь пургу про психотравмы. Неверю я тебе, Гонзо. Тебя вполне серьезно спросили, что ты нашел полезного, а ты тут мне...

– В наше время любая информация может стать оружием, пользоваться уметь нужно. И вообще, аналоговые организмы моего класса не врут напарникам, – отчеканил Гонзо. Однако в его голосе слышалась обида. Андрей несколько секунд смотрел на крысу, сейчас казавшуюся такой беззащитной, а затем открыл дверцу и выскользнул под дождь. – Вот увидишь его, сам проверишь, – бросил ему вслед напарник и, пока Андрей сзади гроыхал жестянками, крепя канистру, сосредоточенно разглядывал свои когти.

Андрей захлопнул заднюю дверь и вернулся в машину, стряхивая с волос воду.

– Ладно, проехали. – Он снова вырулил на дорогу. – И все-таки чего-нибудь посущественнее у тебя нет?

– Нет, если все вышеупомянутое для тебя пустой звук, – резюмировал Гонзо и снова уставился в окно.

Они проехали старую трамвайную развязку и устремились к выезду из города. Дождь постепенно стихал. А через пять минут воткнулись в небольшую пробку, собравшуюся перед контролирующим выезд блокпостом.

Многоуровневые милицейские вышки, как для наземного транспорта, так и для флаеров, строго возвышались над протекающей внизу лентой машин, строго наблюдая за потоком. Дальнобойные грузовики, легкие машинки приезжих из области, машины фермеров, правительственные и военные автомобили, спешащие на расположенные за городом базы или с них, и просто неведомо как попавшие сюда горожане – вроде Андрея, которым было необходимо проникнуть в мегаполис или покинуть его.

Настроив радио на не особо популярную в народе волну, передающую старый рок и блюзы, Андрей лениво оперся на руль, изредка поглядывая на дорогу. Бархатный голос Элвиса наполнил салон. Гонзо прислушался к гитарным аккордам, почесал ухо, отвернулся и ничего не сказал.

Андрей никогда не винил государство. Ну, почти никогда, И даже многочисленные

милицейские кордоны, обыски и контрольные мероприятия, подчас и способные взбесить рядового гражданина, всегда были оправданы в его системе понимания мира. После Шестой Чеченской кампании и начала войн в Саудовской Аравии, Эмиратах и Израиле против католической Европы политика всех крупных городов России и мира свелась к строжайшему контролю собственных границ и всего, что происходит внутри. Это в конечном счете и привело к превращению городов в автономные крепости благополучия и относительной цивилизации середины двадцать первого века. Мир, лежащий за чертой любого города, стал миром потусторонним, и данное определение в понимании горожанина было далеко не метафоричным. Учитывая, что Новосибирск еще полсотни лет назад претендовал на звание мегаполиса, судьба категорического отделения от окружающего мира не обошла и его. Если бы это еще помогало...

Солдаты поста городской, охраны тщательно проверяли каждую из пересекающих грань машин, постепенно подпуская джип Андрея все ближе и ближе. Городские ворота приближались, накрывая автомобиль массивной тенью. Костин проводил взглядом отпущенную сержантом старомодную «камри», стремительно унесшуюся на север, и опустил окно.

– Сержант Баилов. – Немолодой уже для сержанта милиционер в серой осенней форме усталым жестом взял под козырек, другую руку с автомата не убирая. – Ваши документы, пожалуйста, из машины не выходим.

Андрей приглушил радио и протянул сержанту заранее приготовленные идентификационные карточки, внимательно изучая пулеметные гнезда на вышках и автоматчиков за спиной Баилова. После 2048 года, когда многочисленные банды томского атамана Гахина едва не ворвались в северные пригороды, этот пост, перемещенный за сожженные и порушенные бандитами районы города, укрепили до уровня полноценной боевой точки. В сороковые Тайгинская Вольница, помнил Андрей, гуляла вовсю.

Листающий карты сержант наконец дошел до личного значка и немедленно вытянулся в струну, уже более резво вскидывая руку к фуражке. Андрей небрежно кивнул, внезапно обратив внимание, что сидящий на панели Гонзо замер, до невероятности став похож на пластмассовую игрушку.

– В Томск направляетесь? – предупредительно наклонился к окну Баилов (или как его там), возвращая Андрею документы.

– Ну, не совсем. – Он спрятал значок.

– Дорога там просто... Совсем, говорят, одичала. Вы бы лучше воздухом... Можете не пройти местами, я думаю...

– Воздух туда не ходит. – Андрей натянуто улыбнулся сержанту. – Я могу ехать?

Тот развел руками – обижаешь, полицейский, – и отошел в сторону, давая отмашку черно-белым жезлом. Андрей кивнул и вырулил на пустынную четырехколейную дорогу. Обогнавшая его на посту «камри» давно исчезла из виду. Еще мгновение – и город остался за спиной, окруженный облаком смога и выхлопами заводов. Остался за спиной... Как дверь захлопнули.

Другой мир, другая цивилизация, иная раса. Трасса М53, практически прямое полотно бетона, уводящее на север. Пройдет полчаса, и все выходящие из Новосибирска машины начнут сворачивать, кому направо, кому на запад, а идущий навстречу жидкий поток фермерских и военных машин и вовсе прекратится – останется лишь пустая дорога, ведущая в никуда.

Андрей подумал, что, попади он на Луну, так пейзажи местных колоний показались бы ему более живописными и привлекательными, нежели то, что он мог сейчас наблюдать за окном своего джипа.

Навстречу пролетел, совершенно не сбавляя скорости на ухабах, дальнотойный грузовик. Дорога снова была пуста. Андрей снизил скорость и через силу заставил себя присмотреться к расстилающейся снаружи картине.

Иной мир, иная цивилизация все еще живущих на этих землях людей, чьи дети смеются

над стариками, не желающими покидать кое-как обжитых отравленных деревень. А затем дети открывают глаза и внезапно осознают, что пришла собственная старость, и вот уже никуда не уйти с мест родных, и пришел черед смеяться их детям. Мир, где шесть пальцев на ноге уже давно не является дикостью или отклонением, где едят все, что бегают на четырех ногах, а подчас даже и на двух. Мир, где забыли запах пороха и вот уже лет тридцать, как здесь царят цепь, нож и арбалет, дуга которого сварена из автомобильной рессоры местным кузнецом за три банки тушенки из просроченного армейского пайка.

Свалка. По обе стороны дороги, пока еще вполне проходимой и ровной, тянулась свалка. В мышлении горожанина весь этот мир был лишь огромной выгребной ямой, а приходившие из города самосвалы просто находили не засыпанный участок и вываливали прямо с обочины. Хлам, мусор и отходы городской цивилизации. Пластмасса, стекло, ненужное железо. Пластиковые бутылки, ящики, старые игрушки, испорченная бытовая техника, которую бывший хозяин поленился сдать в утилизатор. Хлам и мусор, под которым в желтой и неживой траве снова виднелся хлам и мусор, но более старый, привезенный сюда еще лет десять назад.

Послышался гул, и джип едва ощутимо качнуло. В следующее мгновение прямо над крышей, очень низко, прошли два грузовых флаера. Пронеслись вперед на пару сотен метров и свернули вправо, в негустую рощу корявых, словно искусственных деревьев, стараясь держаться заросшей и заброшенной проселочной дороги, кое-как виднеющейся внизу.

Андрей глубоко вздохнул и покосился на Гонзо, столбиком застывшего у лобового стекла.

Свалка закончилась. Вернее, она стала не столь заметна, примелькалась. Поля и рощи, раскинувшиеся к северу от Новосибирска, были так или иначе покрыты мусором. Весь этот загородный мир был свалкой, это точно... И деревни, заброшенные, покинутые и разграбленные, недостроенные заводы, железнодорожные платформы и даже люди, ютящиеся и выживающие в этих местах, – все это было давно никому не нужным, годящимся только на слом мусором.

Машина проскочила первый десяток километров, и дорога резко изменилась, скрывшись от глаз города. словно женщина, пришедшая из театра и смывающая косметику, она вдруг сбросила маску и внезапно окончательно потеряла свой приличный вид. Швырнула под колеса джипа проплешины, поросшие травой, ухабы и разломы бетона, осыпанные края и остовы разобранных машин прямо посреди полос. Притворяться больше не было нужды – разбитая и давным-давно не отремонтированная дорога, по-прежнему уходящая в никуда, вела Андрея на север.

Разломанные и поваленные указатели. Часть из них упала, но часть стойко, как солдаты разбитой гвардии, возвышалась то справа, то слева от асфальтового полотна, демонстрируя поблекшие названия давно умерших деревень. Андрей еще немного сбросил скорость, старательно объезжая препятствия. Дорога в тех местах, где ею все-таки пользовались фермеры и водители грузовиков, превратилась в одноколейку.

Остовы машин гнили по обочинам, словно скелеты давно вымерших чудовищ. Сожженные и разобранные. словно путевые столбы, здесь, вот там и там. Еще и еще.

Деревни и поселки. Когда-то здесь жили люди. Небольшие деревушки, теснящиеся друг к другу так, что невозможно точно сказать, где граница меж двумя поселениями, – сейчас пустые и мертвые. Заросшие улицы, обожженные пальцы балок, торчащие в грязное небо. Преданные забвению огороды, где мутировавшие овощи захватили власть и правят по сей день, разрастаясь бурным цветом. Выбитые стекла, сорванные с петель двери.

Разграбленные магазинчики и ларьки, сожженные забегаловки и кафе, взорванные бензоколонки. Порученные школы, в которых уже некого учить, поваленные столбы линий электропередач. Оборванные и чудом еще не растащенные провода, словно петли шибениц, раскачиваются под порывами ледяного ядовитого ветра. Кладбища, заброшенные и давно забытые, забетонированные холмы братских могил – память о заводских авариях и эпидемиях, словно доты. Бетонные кресты. Те, кто доживал здесь последние дни, не сильно

утруждали себя похоронами собратьев и родных. Они просто свалены в канавы вон за тем лесом. И вон за тем тоже.

Средняя крыса тут весит килограммов сорок. Человек – столько же.

Дорога продолжала капризничать, в некоторых местах и вовсе превращаясь в проселочную – покрытую толстым слоем размытой дождями грязи. Джип рычал и перепрыгивал ухабы.

По стопам Жданова, значит? Андрей еще крепче вцепился в руль. Да будь она проклята, такая поездка. Они что, вертолетом туда группу отправить не могли?! Человек-гора, могучий командир Назаров уже не казался хорошим человеком и мудрым руководителем. Мудаком он казался, как и любой начальник на этом свете. Черт, надо успокоиться... Андрей сосредоточился и задышал ровно, с большими интервалами. Работа не всегда бывает чистой. А если этот хрен – Воротов – умудрился забраться в такие гребеня, то и ему, Костину, это по силам будет. Да, точно надо было летающее транспортное средство просить. Хотя, учитывая, сколь велик выбор на складах Управления (крыса, настоящая крыса?), нужно сказать спасибо, что не мопед дали.

Гонзо осторожно покосился на напарника, но ничего не сказал. Машина шла не больше тридцати километров в час. Практически не начавшись, поездка обещала быть интересной. Очень.

Небо посветлело, и внезапно оказалось, что оно тут вообще не такое, как в городе, более густое и светлое, что ли... Похожее на свежее замешенный цемент. Через рваные облака кое-как проглядывало солнце.

Андрей постарался стряхнуть тоскливое оцепенение, навеянное пейзажами, и протянул руку к приемнику. Салон вновь наполнился гитарными перезвонами. Косящая под латиносов группа довольно пристойно вытягивала медленный, до обалдения мелодичный блюз:

Ты войдешь, как только закат придет,
Мир наполнишь стоном темноты...
Я искал, но тех, кого знал, не в счет,
Рождена моею только ты...

Серое небо, практически продираемое верхушками низеньких, сгорбленных деревьев, казалось, давит на крышу машины, проминая жечь. В городе по-другому – там есть дома, они держат купол, не дают ему тебя расплющить. Там всегда можно спрятаться под мощный бетонный козырек, засесть в квартире и отключить прозрачность окна. А тут все рядом. И это страшно.

Ветер усиливался, поигрывая разбросанными по равнинам рощицами, словно побегами трав. Дорога бежала через поля, вдаль и справа, и слева виднелись небольшие поселки. Поля эти были дикими, заросшими, изредка иссеченными заброшенными проселочными дорогами. Дорожные знаки, покореженные указатели «Томск, Кемер...», ободранные и полинявшие даже под таким блеклым солнцем. И ни души, ни автомобиля.

В зеркальце заднего вида Андрей видел, как догоняющие его от Новосибирска вездеходы и флаеры сворачивают с трассы, направляясь в одному Богу известно где находящиеся места. Туда, где суровые фермеры, подобно первым американским поселенцам, ведут борьбу со вновь одичавшей природой, пытаясь выдавить из умирающей земли последние крохи, позволяющие прокормить семью.

Жизнь твоя – как водопад,
Незачем смотреть назад,
Не напиться из ручья,

Чья вина, что ты ничья...

Гитары умело вытягивали из души все, что ты желал в ней спрятать. Начал накрапывать мелкий дождик. Андрей снова включил «дворники».

– Ну и что скажешь... – как можно непринужденное поинтересовался он у руля. Стоящий посреди огромного поля бетонный остов недостроенного колхозного элеватора с немим укором провожал идущий по трассе багровый джип. Стая крупных черных птиц с шумом сорвалась с придорожных деревьев и скрылась за лесом. Слева потянулась автомобильная свалка, сотни старых ржавых каркасов. Ограждение – порванная и втоптанная в грязь колючая проволока, давно кануло в Лету.

Гонзо едва заметно подернул хвостом.

– Признаться честно, – сказал он, – даже у меня от такого зрелища мурашки по коже.

– Ты умеешь успокаивать. – Андрей ухмыльнулся и достал из куртки сигареты.

– Никогда не был за городом, – созналась крыса, – один раз, и то на вертолете, а так...

– А ведь тут еще живут, – Костин вернул на место автомобильный прикуриватель и глубоко затянулся, – и немало народу, надо сказать...

– Угу, – Гонзо развернулся и перебрался поближе, прямо за руль, – только можно ли этот народ людьми назвать?

– Ну, – Андрей ловко объехал сожженный бензовоз, – что за расизм? Люди есть люди. Приспособились, не дали умереть нескольким поселкам, живут... Научились обходиться без света и огнестрельного оружия, живут охотой и тем, что дает земля. Взять тех же фермеров, к примеру.

– Они не живут, – Гонзо опять взял менторский тон, – а медленно умирают. Поколение за поколением порождая мутантов и уродов от инцестных связей, они превратили твои возрожденные поселки в самые настоящие лепрозории. А фермеры, так это вообще одни сплошные убытки. Из ста процентов ввозимых в Новосибирск продуктов только тридцать четыре проходят тесты на контроль чистоты и качества. Скоро и они вымрут...

– Когда живешь, – Андрей покатал ментол на языке и медленно выпустил дым из ноздрей, – в городе, совершенно не задумываешься обо всем этом. Это все город. Он меняет сознание...

Дорога быстро, словно стесняясь, пробежала через мертвый поселок, перепрыгнула заросшую железнодорожную линию, обогнула выгоревшую заправку с парой обугленных магазинчиков под боком и нырнула в лес. По обе стороны ее потянулись ряды редких кривых берез. Голые ветки, словно заломленные в отчаянии руки, нависали над машиной. Но было заметно – тут еще ездили, пусть не часто: поваленный столб был заботливо оттянут на обочину, а сама дорога стала ровнее. Андрей прибавил газу.

– Нет, не город, – крыс сел на задние лапы, повернувшись мордочкой к Андрею, – это сделала система. Система городов, система мировоззрения, система жизни страны. В конце двадцатого века мы гнались за прогрессом. Нам, русским, – Андрей приподнял бровь: ого, заявочки, – хотелось быть похожими на тех, кто жил на Западе. Города росли, все остальное не имело значения. Ты этого не застал – все, что лежало за городской чертой, было вынуждено или прокармливать себя самостоятельно, либо умирать, спиваясь самогоном на картофеле. А земли было много, вот и подумали: а чего бы не использовать ее по назначению? За зеленые деньги. Закопай ты пару тонн отходов где-нибудь между Мошковым и Витаминкой, и кто про это узнает? Только правнуки.

Гонзо возмущенно повел усами.

– И тогда система потеряла баланс. Отдельные точки ее росли – все остальное гнивало. Потом были смуты. Народ, тот что подрос и в психотравматическом детстве всего этого хватанул, стал уходить в вольницы, добывать пропитание чем может. Чаще силой. Потом были аварии. И даже катастрофы. Выброс, другой. Утечка. Армия была направлена для устранения последствий и подавления недовольств. В других странах это называется

гражданской войной. Потом был голод. Взгляни в окно. Знаешь, чего тут много летом, кроме возвращенной тобой самим картошки и свеклы?

Андрей послушно повернул голову. Поля, мертвая трава. Следы пожаров. Нет, он не знал.

— Правильно, — неожиданно сказал Гонзо, — именно грибов. А то, что народ начал травиться чуть больше обычного, а дети рождаться чуть более странными, это вроде ничего страшного. Это, наверное, от водки.

Андрей осторожно покосился на напарника сквозь облако ментолового дыма. Несколько неожиданно было слышать подобные размышления, сдобренные изрядной порцией горечи, досады и, пожалуй, даже обиды, от киборга. Тем более от крысы.

— Витаминка-три! — продолжал Гонзо, нервно перебирая коготками по пластику приборной доски. — Ты думаешь, придет в голову хоть одному нормальному селянину так называть свое поселение?! Бред. Так называются объекты. Военные. Чаще всего, как показывает практика, стратегической важности. А для живущих здесь людей это всего лишь поселок. А дачные участки? Порочная практика совка. На генетическом уровне зашитые твоим предкам привычки откупать себе халупку на краю города и в поте лица выращивать там корявенькую свеклу и подсолнухи! А ведь процентов сорок всех этих вот брошенных деревень — это именно поселки дачного типа...

Гонзо умолк, сосредоточенно разглядывая левую лапу. Его уши довольно-таки смешно поникли, но Андрей сдержал улыбку. Лучше и точнее он и сам бы не сказал!

— Вам закладывают эмоциональные центры?

— А то! — не без гордости вскинул морду Гонзо. — Кто еще будет болеть за человечество, как не аналоговые организмы?! Сами люди, что ли?

Андрей приоткрыл окно и щелчком выбросил окурок. В кабину ворвался едкий, неприятный запах. Так пахнет старый, несколько лет назад сгоревший деревянный дом. Андрей поморщился и включил вентилятор.

Слева от дороги началось кладбище. Старые, забытые людьми и, казалось, Богом могилы были покрыты травой и густо посыпаны опавшей грязно-желтой листвой. Холмики, скамейки и оградки покосились и поржавели. Памятники в большинстве своем были повалены либо разграблены — то тут, то там на груди гранитных и мраморных изваяний светлыми пятнами выделялись рубцы ободранных пластин. Медь и латунь. На этом сделали деньги.

Огромные кладбищенские вороны крупными стаями облепили немногочисленные деревья. Их хриплый гвалт был слышен даже через закрытые окна.

Кладбище кончилось, за рощей открылась деревня — вполне жилая, с дымками, выходящими над крышами, с ревом тракторных моторов и лаем собак. Андрей хмыкнул, разглядывая дозорные вышки и колючую проволоку, ограждающую деревню от окружающего мира. Дорога, ведущая к поселку, была ухожена и накатана. Сразу за деревенскими воротами стоял старый, обшитый железными листами и переделанный под броневик автобус.

На небольшой, едва заметной за крышами домов церквушке зазвенел колокол.

— Тут все же живут. — Андрей заметно оживился. Люди — настоящие, живые и упорные, цепляющиеся за свои дома крепко и решительно, здесь, в этой бесплодной земле отчего-то произвели на городского полицейского эффект стакана воды в пустыне. Вид жилых домов успокаивал. Чувство одиночества, а это было именно оно, накатывающее с самого отъезда из города, посрамленное и побежденное, отступило.

Гонзо внимательно вглядывался в удаляющуюся деревню, запоминая, возможно, фотографируя. Дорога пошла вниз, начались холмы, покрытые коротенькой, еще не увядшей травкой и редкими группками невысоких деревьев. Тускло блеснуло справа мутное зеркало пруда, заброшенная железнодорожная станция за ним, разгромленные вагоны сброшенной с рельсов электрички.

— Ага, — сказал Гонзо, глядя за спину Андрея, — тут и правда еще живут.

В зеркале заднего вида показались два тяжелых мотоцикла на воздушных подушках. Легко перепрыгивая ухабы и ямы, они с глухим ревом и шипением пронесли мимо джипа, обогнав машину с двух сторон. Таким машинам бездорожье не помеха.

Андрей слегка притормозил, пропуская мотоциклы, и разглядел водителей – лохматых байкеров, в авиационных куртках на меху, кожаных шлемах и огромных, подкованных не хуже конского копыта ботинках. Тяжелые приземистые машины, с огромной натяжкой напоминающие изящные классические «харлеи» двадцатого века, поднялись на лежащий впереди холм и скрылись из виду.

– Каждый из них, – сказал Гонзо, все еще глядя вслед ушедшим мотоциклам, – такой же грабитель и мародер ночью или при подходящем случае, какой днем честный фермер или простой деревенский парень.

– Ну, – Андрей побарабанил пальцами по рулю, – ты про фермеров зря так... Это вообще люди, как мне кажется, заслуживающие уважения.

Вот сейчас показалось или крыса фыркнула? Гонзо как ни в чем не бывало поднял на Андрея честные бусинки глаз и комично развел лапами.

Капли перестали сыпаться с неба, ветер немного стих. Дорога поднялась на холм, обогнула овраг, заваленный мусором, поднялась еще на один и вывела машину Андрея к небольшому поселению, примостившемуся слева от дороги у самой ее обочины.

Пара домиков, небольшая генераторная будка, железнодорожный вагон, переделанный под кафе; будка туалета и бензоколонка. Над всем этим довольно уютным местом, приваренная к огромным (определенно, спертым с обочин) столбам, громоздилась широкая жестяная вывеска, полинявшая и обшелушенная. «Не проскочи!» – кричала она, хотя по такой дороге проскочить данное заведение можно было разве что на самолете. На залитой бетоном стоянке справа от построек стояли длинный крытый грузовик с серым кузовом без надписей, выдавший виды пикап и пара недавно обогнавших его в пути мотоциклов.

– Полагаю, ты не станешь возражать против моей идеи. – Андрей свернул с дороги, паркуясь рядом с железными скакунами. – Не знаю, как ты, а мне ноги размять не помешает. Смотри, Гонзо, тут есть даже свои оплоты цивилизации!

Крыс ничего не ответил, а джип мягко въехал на бетонную площадку, останавливаясь рядом с синим мотоциклом.

И эта машина, и вторая – черная, при ближайшем рассмотрении оказались щедро покрыты толстым слоем засохшей грязи. Выключив мотор, Андрей старательно не смотрел на напарника.

– Я также полагаю, тебе лучше остаться охранять машину. – Гонзо молча посмотрел на него, и Андрей готов был поклясться, что крыса презрительно сощурила глаза. – Я не долго... – И он быстро выскользнул из машины под пронизывающий ветер.

Глава 6. Запах жареного мяса

Мужичок с ноготок, борода слопток, сел возле быка, вынул нож точеный, начал мясо порезывать, в чеснок помакивать, покушивать да похваливать

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

Над кафе-вагоном, выкрашенным в красно-коричневые цвета, виднелась короткая металлическая труба. Ветер подхватывал лениво выползающий из нее дымок и наполнял стоянку ароматными запахами жареного мяса.

Раскачивающийся на двух цепях ниже основной вывески «Не проскочи!» фанерный щит, если его удавалось разглядеть в перерывах между порывами ветра, пояснял, что в данном месте путник может отведать шашлыков, испить горячего кофе, заправить машину и много-много чего еще, от сувениров до холодного пива.

Андрей захлопнул дверцу джипа и поежился, с удовольствием ловя запахи мяса.

Пожалуй, подумал он, стаканчик кофе не помешает. А то и перекусить, пока на дороге еще есть такие вот оазисы...

Он вынул из карманов перчатки и поспешно натянул, задумчиво рассматривая бурую корочку, намохшую на пальцах. Поскреб ногтем. Кровь. Пашкина. Сразу вспомнился Луна-парк, машины «скорой помощи», чувство вины и беспомощности. Безрезультатно поскоблив мягкую кожу, Андрей направился к вагону, на ходу приподнимая короткий ворот и доставая из кармана трубку. Сигнал, проложенный через системы автомобиля, отсюда еще должен был достать.

Набрав номер, Андрей вошел в кафе, встретившее его запахами горячей еды, теплом и тихой, ненавязчивой музыкой.

– Алло? Здравствуйте, Костин моя фамилия, из Управления... Да, совершенно верно. По поводу друга своего, да. Александр Денисович? Добрый день, это Андрей. Да. Как там... Перевезли уже. В Городок, да? Отлично! Там все в порядке, да? Говорить начал? Нет, я...

Андрей внезапно осекся, как вкопанный остановившись на пороге с телефоном в руке. Вся немногочисленная публика кафе, а это бармен (он же, видимо, и хозяин) – тучный мужчина лет сорока пяти за стойкой, водитель грузовика – бородатый пожилой фермер, доедающий пельмени за столиком в дальнем углу, и два мотоциклиста, дюжие парни, затянутые в авиационную кожу, у стойки потягивающие пиво, молча и внимательно рассматривали Андрея.

Тот быстро пробежался взглядом по четырем парам бесцветных глаз, что-то сконфуженно и невнятно пробормотал доктору и быстро, насколько было возможно, спрятал телефон. Большой эффект, пожалуй, в этом заведении могло бы вызвать только появление пары-тройки смертельно пьяных марсиан, требующих прямой звездолет до дома либо еще одну ноль семь «Смирновки».

Тишина, опустившаяся на кафе и нарушаемая только негромкими звуками музыки, висела еще с полминуты. Сюткин тихо и печально просил для чего-то одну ночь и один день, а там, мол, все сама поймешь, при этом старинная запись отчаянно шипела. Андрей натянуто улыбнулся, кашлянул и неестественно медленно прошел к стойке. Фермер вернулся к трапезе, лишь бросив единственный, но очень многозначительный взгляд на вычищенные сапоги Андрея, а мотоциклисты продолжили тихую беседу.

Андрей облокотился о стойку, старательно изучая меню. Бармен тактично ждал, бессмысленно передвигая стоящие под стойкой бутылки. Мотоциклисты замолчали, отошли в глубь зала и уселись за один из столиков.

– Кофе, пожалуйста. – Андрей взглянул на бармена. Тот, избегая его взгляда и пряча глаза в пол, принялся исполнять просьбу. Над стойкой поплыл синтетический запах растворимого кофе. – И, – Андрей перевел взгляд на аппетитно румянившиеся в жестяном камине шпашки с мясом, – консервированную пиццу...

В последний момент нечто, отдаленно напоминающее благоразумие, заставило его отказаться от шашлыка. Откуда тут вообще мясо?

– Два губля, сожок копеек, – пробормотал бармен, выкладывая на стойку пластиковый пакет пиццы и придвигая к нему дымящийся одноразовый стакан. Андрей изучающе взглянул на него и потянулся за кофе. Напиток приятно обжег губы. Он отпил, поставил стакан, снял перчатки и принялся открывать пакет.

– Кого жарим? – Андрей непринужденно кивнул на шашлыки, источающие удивительно вкусные ароматы.

– Козлятина, – настолько быстро и машинально ответил бармен, что у Андрея сперло дыхание. Небрежно, но чтобы было заметно Андрею, хозяин передвинул поближе широкий разделочный нож. Необходимо сменить тему, должно быть...

– И как идет торговля? Не проскакивают? – бодро поинтересовался он. Рыхлый здоровяк отвернулся к полкам, тиская в руках передник, засаленный и грязный.

– Да в общем-то помаленьку. – Похожий на переваренную картофелину – рассыпчатую и мягкую, хозяин забежаловки бросил мять фартук и принялся переворачивать шашлыки. –

Спасибо, что заехали...

– Бизнес идет? – Андрей откусил холодную пиццу, не спуская глаз с бармена. Тот заколыхался, пожимая плечами:

– Да, с Божьей помощью... – И обернулся в зал, бросая осторожный взгляд на Андрея.

– Я слышал, пошаливают тут у вас, – наклонившись на стойку, доверительно и негромко сказал Андрей, – беспокойно вроде, да и людям житья нет...

Бармен повернулся к нему, изображая на широком лице вымученную улыбку.

– Да что вы, все у нас тут ногмально... не хуже, чем у других, вы уж повежьте. – Андрей отложил недоеденную пиццу, взял стакан с кофе и полуобернулся в зал, успев ухватить поспешно спрятанные взгляды мотоциклистов. Изучающие, любопытные. Жадные.

Парни словно по команде встали, двумя глотками приканчивая пиво, поставили бутылки на стол и направились к выходу. Андрей снова повернулся к бармену, нервно обтиравшему фартуком покрывшийся испариной лоб.

– Местные? – осторожно поинтересовался Андрей, кивая головой в сторону мотоциклистов. Бармен дернул губой:

– Да чегт их знает... Тут вообще много кто заезжает, этих тоже пагу газ видел... – Андрей прищурился, внимательно глядя в водянисто-мутные, словно нечищенные аквариумы, глаза хозяина.

Бармен врал. Врал неумело, безбожно и некрасиво. За все три года сотрудничества и взаимопонимания с местными группировками он так и не научился правильно врать заезжим водителям. За что был неоднократно избиваем.

Он отлично знал и Чокнутого, рослого парня двадцати лет, владеющего ножом, словно Рафаэль кистью, и его ненормального друга Санька, насильника и мясника. Он отлично знал, на чем бандиты перемещаются по местным дорогам, какие к их мотоциклам нужны запчасти, сколько человек в банде и когда нужно платить.

Хозяин «Не проскачи!» повернулся к Андрею спиной и принялся снимать с огня едва не пригоревшие шашлыки.

– Чегт их знает... – повторил он себе под нос. Андрей завернул недоеденную корочку в целлофан и сбросил ее в стоящую под стойкой корзину. Допил кофе. Снаружи заревели два мотора, кто-то посигналил, и шум затих вдаль.

– Карточка?

Бармен колыхнулся, словно его пнули под зад, а сидящий за спиной фермер громко фыркнул. Рука Андрея замерла на полпути к карману.

– Нал... наличные, пожалуйста, мы какточки не пганимаем... – Бармен не смотрел на Андрея.

Нуда, в общем-то какие тут карточки? Андрей выгреб из кармана штанов мелочь. Оставил немного сверху, забрал перчатки и обернулся к выходу.

Фермер закончил трапезу, отодвинул от себя пустую посуду, подобрал со стола шляпу, с пола охотничье ружье и поднялся на ноги ровно тогда, когда мимо проходил Андрей. Бармен молниеносно сгреб со стойки деньги и проводил их испуганным взглядом бегающих глаз. В двери вагона Андрей и фермер вышли вместе.

На импровизированном крыльце фермер остановился, пропуская Андрея вперед, и неторопливо надел шляпу.

– Вы, должно быть, мил-человек, из города будете, – небрежно обронил он, вытягивая окончания слов.

Андрей остановился и обернулся. Отвечать на этот вопрос не было смысла. Фермер – высушенный ветром старик (а может, и не старик еще) с изрубленным морщинами лицом и темной, седеющей бородкой, поднял на плечо ружье.

– Осторожнее будьте, вот вам совет. – Он не поучал, нет. Его голос, приятный даже, глубокий и чуть хрипящий, просто излагал факты, а там уж думай сам. – Тута все по-другому, вот что. Не как в городе, поверьте. А на то, что вас тут как своего примут, вроде как этот толстожопый урод, даже и не рассчитывайте. Тута недоверие и опасливость превыше

всего идут. Потом страх. Потом злоба. И так везде.

Он неспешно спустился с крыльца и мимо Андрея направился к грузовику.

– Тутошний мир людьми наполнен, о коих вы вообще не слыхивали никогда... по-другому все, мозги по-иначе мыслят. – Он задержался, обернулся. – Веры тут никому нет, эт точно, поверьте. И карточку вашу деньговую можете выкинуть совсем.

Более не оборачиваясь, фермер дошел до грузовика и исчез в кабине. Андрей поежился, оглядел стоянку с исчезнувшими мотоциклами и свернул к туалету.

Ну, чтобы он совсем ничего не знал, это, конечно, не совсем правда. Вот только где городские мифы, сочиненные о страшных лесах, а где правда, отличить было нелегко. Байкеры, лешие, лесники так называемые, егеря, вольница, чумные, приключенцы простые, что себе пропитание ногами, словно волки, находят; охотники за отходами и военные, в конце концов. Да еще вот такие, как этот, похожий на высушенный можжевельный корень, старики – фермеры.

Андрей застегнул штаны и вышел из туалета в тот момент, когда фермерский грузовик разворачивался со стоянки. Остановился, пропуская идущую в сторону города машину, и приветливо поднял руку. Грузовик коротко посигналил в ответ и, набирая скорость, ушел на юг.

Небо медленно и тяжело дышало над головой, готовое с минуты на минуту выблевать очередные потоки дождя. Пьяный ветер тупо гонял по бетонной площадке обрывки старых газет и целлофановый пакет. Подвешенный на цепях щит неожиданно сильно раскачался и, вывернувшись немыслимым образом, умудрился с треском врезаться в столб опоры. Где-то далеко-далеко что-то бухнуло, завывла собака.

Серый, холодный день лениво тек мимо, куда-то в район сточной канавы. Добро пожаловать на край. Унылый лесной пейзаж в акварели. Чем-то вспугнутые, поднялись в воздух у далекого леса черной, словно карандашом по небу набросанной, неплотной тучей вороны.

Тишина. Ветер и поскрипывание успокоившейся вывески. Тут везде тишина. Это мир тишины. Вагон-кафе сейчас выглядел покинутым и мертвым, словно рассеялся морок и не было ни холодной пиццы, ни кофе, ни рыхлого нервного хозяина с бородавкой на подбородке... Сгинь, чтоб тебя.

Тишина. Небу сподручнее замешивать свое варево в тишине. Мир умер.

Уже давно.

Андрей подошел к джипу, с раздражением слушая неестественно громкие в опустившейся тишине собственные шаги, взялся за ручку и замер, скосив глаза на помятое крыло.

Тишина. Где каждый упавший на землю с умирающих деревьев лист опускается на уже мертвую землю с оглушительным шумом. Дверца джипа открылась, Гонзо, все понявший без слов, шустро взбежал на плечо по подставленной Андреем руке.

– Двое, сопоставленные мной, как обогнавшие тебя ранее мотоциклисты. Вероятно, пьяны. Осмотрели машину... ну, это вот сделали, – крыс и человек не спускали глаз с искорябанного ножом, чуть выше вмятины, крыла, – отлили под грузовик и уехали. На север.

Все-то он знает, этот Гонзо. Аж жуть, какой умный.

– Да знаю я... – устало сказал Андрей, задумчиво разглядывая в спешке начерченный символ. Свежими шрамами белели на багровом бедре машины вплетенный в квадрат треугольник и надпись под ним – значки какие-то, иероглифы, слово из пяти букв. Андрей поднялся с корточек и внимательно, словно рассчитывал разглядеть притаившихся за мусорными баками хулиганов, осмотрел стоянку. Ветер усмехнулся, швырнув в лицо облако пыли и легкий мусор.

Гонзо, цепляющийся за левое плечо, задумчиво почесал нос.

– Символ не сопоставлен ни с одним из имеющихся в моей базе данных, – словно извиняясь, пропищал он, – местный фольклор, видно...

Андрей бросил последний взгляд на вагон, вывеску над головой, пустую дорогу и сел

за руль. Настроение резко упало. И дело было далеко не в поцарапанном крыле машины, это так, тьфу, все одно – казенная. Было что-то еще, тяжелое, липкое, словно принесенное пахнущим гарью ветром.

Поездочка...

– Сие гугенот! – тоном судьи, объявляющим приговор, сказал Андрей, заводя машину, но шутка утонула в мерном рокоте мотора. Через полминуты «Не проскачи!» осталось далеко за спиной.

Мозги, значит, по-другому работают... Странная выходка мотоциклистов, которым уже, извините, лет эдак под сраку, а не по девять, чтоб тачки отверткой полосовать, внезапно стала какой-то пугающей, холодной. Как окружающие леса.

Нет, Андрей тоже мальчиком не был. И на войне даже побывать пришлось, и в людей стрелял. И раненых друзей на руках в «скорую» таскал. Да и оружие есть... Но... пустынные, выжженные дотла напалмом и химией холмы и горы Дагестана – это какое-то... другое. Да и война вообще – это другое. Там все ясно, там все просто. Там тебе говорят, что делать. Там война. Там в этих стреляй, а эти свои. Там тебе не здесь, как шутили офицеры. Мудро сказано. Андрей притормозил, объезжая перевернутый лет двадцать назад грузовичок—разобранный и обгорелый. Они тут что, специально все поджигали?

Нет, конечно, при желании можно все вспомнить, вновь ощутить себя солдатом, попробовать выжить, спокойно разобраться в ситуации, принять решение. Так будет проще. Но поможет ли? Станет ли он от этого легче понимать окружающую его реальность?

Андрей внезапно, со смесью нахлынувшего стыда и облегчения, осознал, что боится. Боится этих лесов, черт бы их побрал, призрачных деревень, свихнувшихся людей и пустынных дорог. Боится просто и самозабвенно. Какого даже на войне не было.

Все тут по-другому. Тут нет мотоколонн, снайперов, минных полей и окопов. Тут есть лишь бесконечный лабиринт прижавшихся друг к другу деревень, где только свой способен выжить. Чужака же ждет нечто иное. Дорога, прямая и заманчиво далекая, уводила его все глубже и глубже в этот чуждый мир. А тот словно заглатывал. И назад не вернуться. Сюр какой-то, ночной кошмар.

Андрей резко затормозил, едва не врезавшись в торчащий из-за обочины поваленный столб, и замотал головой, отгоняя наваждение. Гонзо беспокойно засуетился на панели за рулем, но ничего не сказал.

Как же прав был Воротов, сука, роя себе нору не в городе. Хоть и рисковал, наверное, но знал, что не достать его тут так просто. В городе-то его хоть из-под земли достали бы, все перевернули бы, хоть забегайся. Осознавал. Не город. Вне город. Ведь не отправят же за ним роту солдат, налог взимать? До такого, к неудовольствию некоторых особо рьяных коллег Костина, еще не дошло. Пока.

А вот Андрей все это осознал только сейчас. И смысл миссии осознал. И прелесть повышения. Ну прям по стопам Жданова.

– Маленький я еще... – пробормотал он, рассеянно глядя поверх руля, – только пьяных должников государства по кабакам ловить годный.

Агент отдела индивидуальных расследований. Bladerunner. Ты же мечтал! Интересно, что бы сейчас сказала Римма Ивановна? Хотя еще, может, и скажет – отдел внутреннего контроля наверняка установил в машине «жучка»...

Мелькнула, к счастью быстро улизнув от внимания, поганенькая мыслишка повернуть в Новосибирск. Потом второй заход сделаешь, не готов еще... Андрей машинально расстегнул куртку и выбросил сотовую трубку в бардачок.

– Если тебе требуется психологическая помощь, ты можешь обратиться за ней ко мне и прямо сейчас. – Гонзо был сама серьезность.

– Спасибо, – так же серьезно ответил Андрей, – уже отпустило.

Он развернулся, коленками вставая на сиденье, и перегнулся в задний отсек салона, по его просьбе переделанный. Кузнецов и хлопцы из гаража за каких-то пару часов выкинули из машины заднее сиденье, превратив две задние трети машины в отличный, хоть и тесноватый,

отдел наблюдения и центр связи. У противоположного оборудованию – левого борта, упакованное в сумки, размещалось снаряжение и провизия. Рядом с оружейным сейфом.

Слегка опустив спинку, чтоб дотянуться до тюков, Андрей сделал две вещи.

Набрав шестизначный код, открыл сейф.

И торопливо выдернул из темно-зеленой сумки бутылку водки.

Подобно проснувшемуся зверю, багровый джип рванулся вперед, подпрыгнув над оставленной временем дорожной раной. Пыль, щебенка и раскрошенный шипованными шинами старый асфальт брызнули из-под колес.

Застоявшуюся сырость воздуха наконец-то наполнило водой, негустой, легкой сеткой, взвесью, мокрой пылью. Далеко за невидимым горизонтом глухо ворчали небесные ворчуны. Андрей еще плотнее закрутил пробку и отбросил бутылку, которую незадолго до этого торопливо и не закусывая практически ополовинил, на соседнее сиденье. Гонзо, сидящий на спинке над левым плечом напарника, чихнул. Ну и что? Пыль ему, киборгу, в нос попала?

– С моей точки зрения, тебе все же не следовало начинать миссию без предварительной психологической подготовки, – говорит крыса.

– Угу, – отвечает человек.

Багровый джип, подпрыгивая на словно тракторами разбитой дороге (второй, после неудачливых финансовых полицейских, беде России), с упорством слепого бегемота ползет на север.

Глава 7. Местные

Кот Баюн увидел Андрея, заворчал, заурчал да со столба прыг ему на голову – один колпак разбил и другой разбил, взялся было за третий.

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

Остановка произошла минут через десять.

Дорога в очередной раз вильнула грязным, покрытым землей и травой хвостом и бодро сбежала с холма к Богом забытому железнодорожному переезду. По обе стороны ржавого рельсового полотна тянулись пустынные поля, для некоторого разнообразия сдобренные жиденькими рощицами. Две халупы с провалившимися крышами слева от будки обходчика, чудом устоявший в войне против времени плетень – пейзаж, от которых уже устали глаза.

Выпитая водка наконец-то нашла общий язык с организмом Андрея, рождая в голове легкий шум, разливаясь по телу теплом. Он снизил скорость, переехал поваленный на землю шлагбаум и потянулся за сигаретами, когда машину внезапно потряхнуло и резко бросило к обочине.

Андрей рухнул на руль, вжимая педаль тормоза в пол, а в последний момент успевший ухватиться за обивку спинки Гонзо длинным хвостом едва не угодил ему в глаз.

Машина остановилась, чудом не скатившись с высокого, обваливающегося ската обочины. Левое переднее колесо уткнулось во вздернутую к небу оглоблю притаившейся под скатом старой телеги. Андрей поднял глаза, осмотрелся. Воздух вокруг машины был наполнен едва заметной моросью, урчал мотор, вдалеке ему вторил гром. Гонзо испарился со спинки, пулей вскакивая на установленный в заднем отсеке ноутбук.

– Два хлопка – учитывая крен, похоже, что у нас пробиты передние колеса, – деловито пропищал он, прыгая по клавишам, – ага, индикатор бортовых систем подтверждает мое предположение... Больше ничего.

– Выстрелы зафиксировал? – Андрей продолжал скользить взглядом по покосившимся домикам, будке за левым плечом, кустам внизу, телеге. Рука машинально расстегнула куртку.

– В нас никто не стрелял. – Напарник вернулся на переднее кресло, по-человечески

брезгливым движением сталкивая на пол бутылку водки. – Мое предположение – мы на что-то наехали.

– И это что-то прокололо нам оба колеса? – Андрей, не отрываясь, смотрел в окна. Вон там, меж домов! Движение? Нет, это ветер качнул толстый стебель трехметрового подсолнуха... А там?

Тишина. Сытое урчание мотора.

– Придется латать.

Андрей еще раз повторил эти слова про себя. Подержал на языке. Гонзо тактично молчал.

Допустим, с питбулем в качестве напарника Андрей еще бы и осмелился. Заполнить дырки гелем и накачать покрышки дело нехитрое, но без прикрытия... И Гонзо, судя по всему, это тоже знал.

– Вызвать ремонтную бригаду? – На всякий случай крыса отодвинулась подальше.

Андрей облизнул губы, отчего-то пересохшие, привычно расстегнул кобур «Тигра» и решительно открыл дверь, готовый выскользнуть в сырое крошево, сыпавшееся с неба. Под открывшейся дверью шелестели ветками полуголые кусты, проросшие прямо сквозь лошадиный, еще запряженный в телегу гнилыми остатками упряжи, труп. Вернулся за руль, осторожно сдал назад, выключил мотор. В наступившей тишине торопливо вышел. Остановился, прикрываясь дверцей, с секунды на секунду ожидая арбалетную стрелу из кустов. Постоял.

– Открой багажник...

Крыса послушно прыгнула на приборную панель. Не переставая оглядываться и невольно пригибаясь, Андрей обошел машину, забирая из заднего отсека жестяной чемодан с инструментом.

Вновь обошел, присел у правого пробитого колеса и мгновенно вскинул голову, кладя руку на пистолет. Вернулась тишина.

– Дьявольщина какая-то... – Под передними колесами, вцепившись в резину ржавыми крючьями зубов, обмоталась самодельная, сотворенная из тракторной бороны лента «ежа».

Водка испарилась, оставив на память легкую головную боль. Морось падала за ворот свитера, пробиралась под расстегнутую куртку. Опустив ящик на дорогу, Андрей левой рукой ухватился за шипастую змею.

– Хорошо, что не мина...

Сколько лет лежит тут эта лента, притаившись за старым, засыпанным землей рельсом? Кого ждет, кого не помирует? Вот, пожалуйста...

Колеса зашипели, когда зубы «ежа» покинули резину, и машина заметно накренилась вперед. Отбросив оказавшуюся довольно-таки тяжелой гибкую полосу железа за спину, Андрей поднялся, открывая чемодан.

Шприц, гель, насос, размягчитель резины... а это что за хреновина? Опустившись на колено, Андрей потянулся к колесу.

В этот момент на него и напали.

Напали из кустов, практически из-под телеги. Быстро, бесшумно и умело.

Взлетев по осыпающемуся скату, на дороге появился мужчина. В кожаной авиационной куртке. Мотоциклист. Санек.

В воздухе зазвенела-зашуршала серебристая лента цепи, не толстой – в мизинец толщиной, хлестко ударив в затылок. Удар пришелся не совсем четкий – то ли байкер оступился на рыхлой земле, то ли Андрей невольно пригнулся чуть ниже... хотя чего это невольно? Что, мальчишку нашли?!

Едва учуяв за спиной движение, Андрей практически нырнул под бампер, уходя от незаметного удара. До конца уйти все же не удалось. Лопнула в лицо, разлетаясь брызгами стекла, круглая фара, а правое ухо и часть шеи охватило огнем, как прижгли.

Цепь змеей метнулась обратно, и Санек, один из лучших дорожных бойцов Крамола, пошел врукопашную, перехватывая оружие обеими руками. Удушить, сломать! Андрей

отшатнулся от машины, чувствуя, как капает с правого виска на кожаное плечо кровь, и отшвырнул под ноги нападающего жестяной чемодан. Откатился еще дальше.

Санек довольно ловко отпрыгнул и размахнулся, руша свою двухметровую цепь сверху, не давая не то что подняться – голову поднять. Андрей вскинул левую руку, тотчас сокрушенную и опутанную серебряной лентой стали, но неожиданно еще крепче ухватился за звенья, круговым движением кисти взялся крепче, правой подсек снизу и вскочил, вырывая оружие из рук мотоциклиста.

Санек, такой прыти от городского явно не ожидающий, едва не провалился под удар и вновь отскочил, предпочтя расстаться с оружием. Теперь он сместился немного вправо, отсекая Андрея от машины. Нарочито неспешно парень наклонился и вынул из-за высокого голенища армейского ботинка длинный широкий кинжал.

– Что, дяденька, – сказал Санек, немного растягивая в каждом слове последний слог, – хочешь потанцевать?!

Он тихонько загоготал, скаля гнилые зубы, и за его спиной, за собственным джипом, на холме, с которого спустился меньше четверти часа, Андрей разглядел приближающийся мотоцикл.

Осторожно, стараясь не давить на поврежденную руку лишний раз (болело так, словно ударили битой), Андрей смотал с предплечья цепь. Санек понимающе пригнулся, правильно, уверенно, выставя нож.

Змея еще раз зашипела, укладываясь у ног Андрея серебристым клубком. На лице Санька отразилось неподдельное, а оттого еще более смешное, удивление.

– Согласно второму пункту первой статьи Полицейского Кодекса, при оценке ситуации, как угрожающей жизни или здоровью сотрудника, я имею право на не лимитированную законом самооборону, – Андрей выхватил «Тигр», – а учитывая, что меня тут повысили наемни...

Санек думал, что успеет. А может, просто не разглядел, что там выдернул из-под куртки любитель расплачиваться золочеными кредитками. Клинок в его руке метнулся влево в молниеносном замахе, расплываясь-размазываясь по воздуху тускло светящимся пятном – глазу не поймать. Андрей машинально отшатнулся, вскидывая стволы прямо в грудь бандита, и выстрелил.

Пистолет щелкнул, плюнул иглами, и руку привычно качнуло несильной отдачей. Санек дернулся, словно в грудь его ударили стальным рельсом, в одну секунду волчком завертевшись на месте, уронил нож на асфальт и рухнул навзничь, едва не задев головой бампер джипа.

Стало тихо. Удар, конец. Падение на землю, такую холодную и неприветливую. А впрочем, не все ли равно? Побеждает сильнейший... Андрей тяжело выдохнул, отрешенно разглядывая поверженного противника сквозь пистолетную мушку, окутанную клубами собственного дыхания, и опустил оружие.

Не первый раз убивал, это правда. Да и не боялся никогда, стрелял, если приходилось, жизни отнимал, бывало... Но война и работа, пусть и похожая на войну, это не то же самое... Это...

Андрей пристально вглядывался в лежащего байкера, цепко, жадно, словно пытался навсегда запомнить, впечатать в память этот образ человека, неловко и смешно поджавшего под себя руки. Эту толстую кожаную куртку, пробитую навывлет, и темное пятно, стремительно растекающееся по мокрому асфальту. Что ему было нужно? Ботинки? Сотовый? Запасы еды? Проклятие, что же за люди здесь живут?! В родном городе, где за нападение на сотрудника полицейского Управления могли расстрелять на месте (зачастую вынесением и исполнением приговора занимались сами полицейские), где опасность и смерть носят другие маски, а каждый выстрел приносит в казну монету, там все иначе... Там не приходится стрелять в первого встреченного на дороге человека.

Сигнал буквально надрывался, и когда Андрей все же вскинул глаза на беснующегося по рулю джипа Гонзо, второй мотоциклист был уже очень близко.

Выстрелов Чокнутый не слышал, криков особых тоже, а происходящего за машиной ему видно не было вообще. Стараясь ненароком не налететь на кочку или камень, он на полном ходу приближался к месту боя – драка уже началась, а Санек, козел, как всегда, успеет чего за пазухой snyчить раньше нужного... Ровный спуск, выжатая до конца рукоятка газа и тяжелая бита в руке подчас придадут человеку невероятную уверенность в себе. Но когда машина вдруг неожиданно загудела сигналом, а из-за капота на дорогу, считай прямехонько под его родной «Урал», нетвердой походкой вывалился зачуханный уличник, Чокнутый понял, что на этот раз они с Саньком встряли по-крупному.

Потому что в машине еще кто-то был. А зачуханный, рядом с которым теперь виднелись из-за машины обутые в знакомые теплые «гады» ноги Санька, держал в руке пистолет.

Чокнутый закричал.

На этот раз стрелять пришлось тоже навскидку, почти не целясь. Андрей выстрелил, понимая, что ни затормозить, ни отвернуть мотоцикл уже все равно не успеет, и прыгнул влево к обочине, очень надеясь, что попал.

А Чокнутый вдруг взвыл зверем, роняя трубу, руль, и обеими руками вцепился в правое колено, чуть повыше чашечки, где, почти полностью утонув в ноге, внезапно засели две металлические иглы. Мотоцикл резко развернуло, понесло влево, разок крутануло по дороге и левым бортом впечатало в багажник джипа.

Машину качнуло вперед, она приподнялась на передних колесах, раздался скрежет, удар, внутри что-то упало, зазвенело, затем джип рухнул обратно на дорогу, танцуя на рессорах, а мотоцикл отбросило в сторону.

«Урал» перевернулся, на несколько метров отполз в сторону, скрежеща по асфальту, и замер словно подстреленный зверь. Тишина.

Андрей поднялся с колен, левой рукой машинально отряхивая одежду, и медленно обошел машину, прицеливаясь в распластанного рядом с железным конем Чокнутого. Байкер лежал на спине рядом с покореженным мотоциклом и не шевелился. Разбитая иглами правая нога медленно кровоточила.

Андрей приблизился, осторожно присел, склонился над бандитом. Расстегнув теплый ворот и отбросив в сторону язык грязного шарфа, Андрей зубами, морщась от накатывающей в руку боли, стянул левую перчатку и осторожно нащупал на шее Чокнутого пульс. Оба ствола «Тигра», как приклеенные, замерли у виска мотоциклиста – ох, не шелохнись сейчас случайно... Без сознания, но жив.

Если не перевязать ногу, это ненадолго.

Морось исчезла, разогнанная ветерком, небо замерло, словно внезапно покрылось корочкой льда, ощутимо похолодало. Андрей, тяжело и шумно, словно беговая лошадь, выдыхая в осенний воздух облака белоснежного пара, встал над Чокнутым, не торопясь убирать пистолет.

И вдруг охнул, чувствуя, как побежали по спине мурашки, а волосы на загривке медленно поднимаются в дыбы. Бледно-синяя, потерявшая до белизны штанина на левой ноге байкера, изломанная сразу в трех местах, да там, где ноге гнуться-то и не положено, быстро набухла красным. Джинса тяжелела, от ноги начал подниматься пар.

Вбитые за годы службы инструкторами, сержантами и кодексом навыки сработали мгновенно. Андрей шелкнул предохранителем, на ощупь бросил оружие в кобуру и, перепрыгнув через байкера, рванулся к машине. И снова замер, с ужасом рассматривая смятый, как фольга, багажник. Вот ведь, мать твою, как... Это потом!

Через переднюю дверь в салон, черт, от напряжения аж плакать хочется – по разбитой в хлам аппаратуре и технике, мимо замершего белым столбиком Гонзо, – дернул, щелкая пазами, вырвал из ящика аптечку и метнулся обратно на улицу. Крыса, ни секунды не раздумывая, юркнула за ним.

Андрей упал на колени рядом с байкером, бросил на влажный после дождя асфальт аптечку, открыл широкий плоский чемоданчик. Лицо Чокнутого побелело, с губ срывались

едва различимые стоны, растворяющиеся в тонких струйках слабого дыхания.

Этого еще не хватало...

– Он под наркотиком, это нам на руку, но приходит в себя, так что действовать придется очень быстро. – Киборг пулей взлетел на грудь байкера, цепкий, сканирующий взгляд ощупал раны. Голос Гонзо – сейчас не тонкий, с намеком на писк, а низкий и вполне человеческий, уже не советовал – приказывал. – Будешь делать то, что я тебе скажу...

Андрей, уже выхвативший из аптечки пару стимулирующих пакетов, замер, внимательно глядя на напарника. Всего полсекунды, пристально, недоверчиво, оценивающе. Коротко кивнул:

– Жгуты на бедра, на правую пониже, да, вот так, теперь омнопон-23, две дозы на четыре, в каждую ногу, чуть выше верхней раны, и по одной новокаина. – Андрей набросил на ноги байкера широкие прорезиненные ленты, прикосновением пальца к прозрачной пластинке активировал. Ремни схлестнулись, затягиваясь, специальными датчиками контролируя давление и плотность стягивания. А он уже заряжал стимуляторы. – Коли!

Байкер едва заметно дернулся, когда холодные иглы проткнули холодную кожу, изогнулся, и с губ его вновь сорвался слабый стон. Кровотечение остановилось, а введенный препарат практически мгновенно начал действовать, анестезируя и одновременно блокируя воспалительные процессы.

– Теперь доза адреналина, пятый номер, укол выше сердца, – Гонзо подобрался к лицу Чокнутого, ловя дыхание, – и одну дозу метаамидопирин в любую точку выше жгутов. Жуткая дрянь – забальзамирует так, что даже мертвый не сгниет.

Андрей перевел дух, отбрасывая опустевшие стимуляторы в аптечку, и сел прямо на дорогу, руками опираясь на колени. Однажды, давно, еще в детстве, когда они с приятелем днями на пролет лупили из воздушных (ну не ирония судьбы, а?) ружей по птицам и банкам, Андрей подстрелил воробья во дворе своего дома. Это было еще тогда, когда во дворах росли настоящие деревья. Птица не погибла, у нее было перебито крыло, и вот, неожиданно для самого себя, Андрей отнес ее домой. Купил клетку, начал лечить. Он назвал воробья Джеки, кормил его, убирал за ним, играл, и когда крыло поправилось, отпустил. Наверное, с горечью думал он тогда, птица считает его своим спасителем... Друг посмеялся – зачем лечить, если мы все равно собирались его убивать? Ты же не волочешь в дом трупы убитых нами птиц? Андрей тогда не ответил. Не ответил бы и сейчас.

– Теперь точно не помрет, – неожиданно легкомысленно заявил Гонзо, спрыгивая на асфальт, – круто ты его отделал, напарник... ну, после того, как я тебя разбудил.

Андрей устало кивнул головой, что должно было означать «спасибо, верный друг», и осторожно закатал левый рукав. Гонзо оживился, подобрался ближе, но тона не сменил.

– Вколи-ка себе из пакета общей помощи чего-нибудь, напарник, а то опухнет чудо и мешать при ходьбе будет...

Андрей снова дотянулся до аптечки, достал капсулу, поморщился, вколол в мышцу предплечья, прямо в фиолетовый пузырь. Стеклашка зазвенела прочь. Он бережно опустил рукав, подышал на озябшие пальцы и встал, надевая перчатку. Кровь на ухе и виске запеклась, но вся правая половина головы гудела, словно с крупного бодуна.

– Мне нужна полная диагностика повреждений нашего автомобиля, Гонзо. – В сторону разбитой машины Андрей старался даже не смотреть, аккуратно кончиками пальцев ощупывая ухо. – Будь любезен, сделай это быстро, а не допекай меня своими подколами. И еще принеси мне шапку...

Гонзо потер передние лапки, глянул в последний раз на Чокнутого и засеменял к машине, бурча на ходу:

– Нашел себе собачку – принеси мои тапочки, Тоби, хороший песик...

Андрей подхватил байкера под руки, осторожно подтащил к перевернутому мотоциклу и посадил, прислонив к покореженной передней подушке. Лицо бандита порозовело, а дыхание стало более ровным. Еще несколько минут, и он вполне может прийти в себя – современная медицина творит чудеса, за разумные деньги, конечно. Голова самого Андрея

тоже начала проходить, боль из руки отступила.

На дороге опять появился Гонзо. И вправду быстро!

Андрей наклонился, поднимая крысу на плечо:

– А шапка?

– Извини, забыл. – Гонзо как ни в чем не бывало пошевелил усами и продолжил: – С техникой у нас теперь сложности – большая часть аппаратуры разбита – спутниковая связь, стационарный компьютер, радар, «электронные уши» и антирадар. Сама машина пострадала сравнительно несильно. Помята обшивка, стекла, ходовая нарушена, поврежден задний мост, но функционировать будет еще как минимум пять—семь часов при скорости не выше шестидесяти километров в час, это радует, да? Так что остается только доделать начатое – накачать передние колеса. Ах да, чуть не упустил – холодильник тоже разбит.

– Могло быть хуже, – глубокомысленно заметил Андрей, обреченно разглядывая помятый зад джипа, – я за задний мост боялся...

– Боятся трусы, профессионалы опасаются! Но опасаясь верно, – изрек Гонзо, и Андрей быстро подавил в себе желание сбросить киборга вниз, – а еще профессионалы обыскивают раненых бандитов до того, как те приходят в себя!

А вот тут не до обид. Чокнутый застонал, уже более громко, и пошевелился. Андрей вновь склонился над ним, быстро ощупывая куртку и голенища ботинок. Поднялся через полминуты, вертя в пальцах два ножа, стальную метательную звезду, кастет и полупустую картонную коробку охотничьих патронов десятого калибра.

Ветер усилился, нагло обдирая с деревьев последнюю одежду. Чокнутый пошевелился вновь, опустил голову на грудь, что-то пробормотал и открыл глаза. Несколько секунд безумно озираясь, шаря взглядом по Андрею, белой крысе на его плече и смятой машине, затем прикоснулся к правой ноге и зашипел, отдергивая пальцы.

– У-уу, сучара! – Он откинул голову назад, едва не расшибив ее о плоское днище собственного мотоцикла.

– Не надо. – Андрей размахнулся, отшвыривая арсенал в кусты. – Иглы лучше удалять в стационарных условиях...

Чокнутый замер, закрыл глаза, тяжело задышал. Осторожно прикоснулся к левой ноге, провел по переломам рукой. Тихо, сквозь зубы, взвыл.

– Возможно, левую придется ампутировать, – неожиданно вставил Гонзо, байкер вздрогнул, посмотрел на Андрея. Посмотрел на крысу, и глаза его внезапно стали очень большими.

– Ты кто такой, твою мать! Где Санек?! – Он попытался отшатнуться, но лишь качнул тяжелый мотоцикл.

Андрей тяжело вздохнул, глядя под ноги, и сам не заметил, как принялся покусывать губу.

– Твой приятель мертв.

– Так уж вышло, извини, – снова вставил Гонзо. Чокнутый начал крупно дрожать. Часто моргая, он осмотрел поле боя. Его лицо дергалось, губы не слушались.

– Вы с другом, сами, конечно, того не зная, – продолжил Андрей, старательно не обращая внимания на напарника, – совершили нападение на сотрудника финансовой полиции.

И вот тогда Чокнутый взвыл в полный голос, до крови на деснах стиснув зубы. Его стон покатился к пустым домикам, долго умирая на огородах.

Андрей нахмурился. Он что, этот бандит из леса, знал о полицейских?

Ветер старался уже всю, стадом диких чертей прыгая по обвалившимся крышам домов. Жестко, зло, по-зимнему.

– Ты удивлен? – Андрей застегнул куртку, поднимая воротник. Чокнутый неожиданно поднял обе руки:

– Не убивай! Я за президента, клянусь! В позапрошлом году мы с Саньком даже ездили в город голосовать!

Андрей опешил, тупо глядя перед собой. Чего он сказал?

– Чего ты сказал?

Байкер тут же замолчал, опустил руки, удивленно посмотрел на Андрея. Вдруг снова взвыл, закусил губу, как человек, только что сморозивший страшную глупость, и замотал головой, стучась ею о железяки.

– Я не знал, что власть сменилась, клянусь, падлой буду! – Казалось, раны на ногах сейчас волнуют этого бородатого мужика не больше, чем мелкая морось, вновь начавшая сыпать с неба.

– Что ты знаешь о полицейских? – неожиданно спросил Гонзо, привставая на плече и держась лапкой за воротник куртки. Чокнутый прекратил вой.

– Ну... ну, что они поддерживают прези... то есть власть в стране, обирают народ... ну там, судят-убивают. За непослушание властям ссылают людей в Сибирь, в тайгу, в лагеря. И еще им помогаете вы.

– Кто «мы»?! – Гонзо не дал Андрею открыть рта.

– Как это кто? – неподдельно удивился бородач. – Демоны-звери, тотемы полицейского Управления.

Глава 8. Стая

...и стало ему страшно.

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

– Он даже не знает, что живет в Сибири...

– Я не думал, что для тебя это будет таким шоком.

– Я и сам не думал.

– Он принимает тебя за Высшую Силу.

Первый снег, точнее, снег с дождем, мелкий, редкий, быстро тающий. Серо, зябко, внутри пусто. Андрей глотнул из бутылки, поморщился, глубоко вдохнул.

Водка ухнула вниз, горьким теплом разливаясь по телу.

– Ссылаем в лагеря... фольклор середины прошлого века... куда мы попали, Гонзо?

– Тебе необходимо сменить угол зрения, напарник. А пока твой демон-хранитель приказывает тебе закрыть бутылку.

Андрей закрутил пробку и положил бутылку рядом с собой на кресло. Через приоткрытую дверь в машину влетали, чтобы тут же растаять, одинокие снежинки. Обреченно, стремительно, печально.

– Может быть, мне стоило поехать в рогатом шлеме и плаще из перьев чайки? Воротов, выходи, это я – вершитель судеб и обиратель народа, отдай мне свою душу и пару десятков тысяч в казну! – Андрей горько улыбнулся. – Русь всегда славилась своими сказками. Куда уж там Эддам, Калевалам и Нибелунгам. Сказание о мытаре... Пойди туда, не знаю куда, принеси то...

– Ты пьян.

– Что?

– Ты пьян?

– Ну, вроде немного есть.

– Ты давно напиваешься после боя? Откуда он знает?

– А пошел-ка ты в жопу со своей психологией!

– Извини...

– Что? – Но Гонзо уже скрылся в заднем салоне. Разве можно обидеть киборга? – Ах ты, чтоб тебя через колено! Твою в душу! Гаденыш мохнатый!

Андрей подскочил, больно ударившись головой о мягкий поручень над дверью, и закрутился на кресле, потирая уколотое бедро.

– Ты чего, крысеныш, делаешь?!

Гонзо совершенно спокойно, даже не пытаясь удрать от праведного гнева, отбросил в сторону пустую ампулу «бодрячка», как называли его шоферы. Поднял мордочку, пошевелил усами. Андрей почувствовал, как пьяный туман понемногу рассеивается, а мир вокруг становится чище. Толкнула в затылок тупая боль и отвалилась прочь. Он был трезв. До тошноты трезв.

– Тебе сейчас нельзя.

Больше Гонзо ничего не сказал, развернулся и залез на соседнее сиденье.

Андрей почесал бедро и шмыгнул носом. Киборг его отрезвил. В Европе за такое действие его бы уже судил комитет по робототехнике. Но тут вам не там. Здесь не Европа. Андрей столкнул почти допитую бутылку на пол и вылез из машины, чувствуя себя дефективным подростком, которого только что научили справлять большую нужду сидя.

Чокнутый, с трудом убежденный, что в адские лагеря мифической Сибири его ссылать пока не будут, спал, кое-как скорчившись от ветра за мотоциклом. Друг его, тоже спавший, но сном иным, лежал в кустах, куда его отнес Андрей. Второе, недочиненное еще колесо обвиняюще разглядывало Андрея из-под машины. Если бы ты не надумал допивать водку, говорило оно, мы бы уже давно были в пути!

Собранные с дороги инструменты, разбросанные в драке с Саньком, были аккуратно ссыпаны в ящик, рядом лежала аптечка, «еж», цепь и нож последнего.

Хуже нет, чем трезветь внезапно и сразу. Андрей сплюнул в кювет и достал сигареты. Закурил, задумчиво скользя взглядом по далеким лескам, последил за кружением опадающих листьев. Вернулся к машине, нагнулся внутрь, наполняя салон ментоловыми облаками, и включил радио – обычную, не действующую на нервы волну.

Тяжело, словно перед марафонским забегом, вздохнул, нырнул под машину и открыл инструменты. И замер. Медленно поднялся на ноги.

Как говорится, я не тормоз, у меня просто зрительная память хорошая. Андрей нахмурился, припоминая, что именно в этих безмятежно-холодных рощах, разбросанных по полям в нескольких километрах вокруг, показалось ему не таким, как должно быть... Обернулся, ощущая, как помимо воли опять начинает все быстрее стучать сердце, а предчувствие, что всегда накатывало накануне первого удачного выстрела, принимается штурмовать двери спокойствия.

Вон там, в полутора километрах от дороги, возле леса. Андрей отбросил сигарету и вновь скрылся в машине, извлекая из футляра новенький поблескивающий лаком электронный бинокль.

Поднял к глазам, настраивая дистанцию, уже точно зная, что увидит.

Люди.

Восемь человек, стоящих неподвижно на опушке леса. Рассматривающих дорогу. Неподвижных, словно изваяния. Стало значительно холоднее. Андрей поежился, поправляя вязаную шапку, и снова приложился к объективам, увеличивая мощность.

Люди-изваяния стремительно приблизились, наползая в упор, заполняя весь объектив, и Андрей вздрогнул. Худые, оборванные, сгорбленные и кривые, одетые в тряпье и развевающиеся на ветру шкуры, с мешками и свертками за спинами. Двое из группы – дети, пацаны лет двенадцати, одна из двух женщин держит на руках грязный сверток. Андрей судорожно втянул воздух.

Бинокль зажужжал снова, тихонечко, чтобы не напугать случайно, и Андрей разглядел их лица. Задохнулся, резко опустил руки, сглотнул. Человечки снова стали маленькими, нестрашными. Покрытые опухольями и язвами лица вновь отшатнулись к далекому лесу.

Фигурки шевельнулись, разом, словно по команде, и поползли вперед.

Медленно. Шатаясь.

– Твою мать, – прошептал Андрей. Надвинул шапку на лоб и, едва не поскользнувшись на инструментах, бросился за машину. – Эй, здоровяк, просыпайся!

Мотоциклист вздрогнул, мгновенно открывая глаза, и машинально потянулся к ножу.

Нащупал воздух, криво усмехнулся и с трудом сел, опираясь об асфальт.

– Мне необходимо знать, что это за люди. – Андрей бросил бородатому бинокль, нервно оглядываясь в сторону едва ползущих к дороге людей.

Чокнутый нахмурился, с недоверием глядя на полицейского, но бинокль поймал и послушно проследил взгляд Андрея. Сам себе пожал плечами, поднял электронику к глазам и вдруг сказал такое, чего Андрей не слышал даже от живых водителей такси. Когда байкер опустил бинокль, лицо его, вытянувшееся, казалось, вдвое, было бледнее, чем когда он умирал. Немигающими глазами глядя на Андрея, еще раз выматерился.

– Чего мычишь, козел?! – Андрей подскочил, вырвал бинокль и еще раз взгляделся в оборванцев. – Ну, отвечай! Твои люди?! Знаешь их? Беженцы?

– Не оставляй меня им... – вдруг еле слышно прошептал Чокнутый, – лучше в Сибирь...

Андрей едва не выронил бинокль, внимательно посмотрел на раненого. Нагнулся к нему, почти в упор глядя в глаза.

– Я спросил: кто это такие? – медленно, по слогам.

– Это прокаженные, – словно подписывая обоим смертный приговор, сказал Чокнутый, – зараженные людоеды.

Андрей почувствовал, как дорога стремительно вырывается из-под ног. Но устоял.

– Людоеды?

– И трупоеды тоже. Падалыщики, прокаженные, для меня это смерть... причем не лучшая, полицейский, не отдавай меня им!

Андрей быстро поднял глаза на прокаженных – медленно, падая и спотыкаясь, они ползли к дороге. Приближались.

– Они что, ничего не боятся?

– Им терять нечего, они мертвые уже. И дети их мертвые. Это все с севера идут, от баз заброшенных.

Андрей отошел, нет – отбежал к машине, забрасывая бинокль внутрь, схватил инструменты, упал к колесу. Постоянно оглядываясь на чернеющие посреди поля фигурки, принялся искать проколы.

Чокнутый тихонечко стонал:

– Полицейский, слышь? Не надо, не бросай, у тебя же есть оружие, полицейский, кончай их, слышишь... А, полицейский, ты где?

Стиснув зубы и стараясь не думать о приближающихся за спиной людях, Андрей отрывал заплаты, давил клей, зажимал. Но казалось, еще немного, и вот уже опускается на плечо тонкая, пахнущая старой кровью рука с длинными обломанными ногтями. Инструменты выскользывают из рук, проколы убегали из-под пальцев.

Гонзо сидел над головой, белым столбиком замерев на капоте, и молчал, прислушиваясь к бормотаниям Чокнутого.

– А ведь мотоциклист в чем-то прав, – внезапно сказал он, и Андрей вдруг взорвался, отшвыривая чемодан. Вскочил, прожигая киборга яростным взглядом. Он тяжело дышал, зубы стиснуты, пальцы сжаты в кулаки.

– А детей тоже кончать? – выдохнул, поднял кулак и замер на секунду. Вдруг расслабился, разжимая пальцы, и устало посмотрел на Гонзо, обмяк, плечи поникли. – Детей, – переспросил он тихо, – тоже скажешь кончать?

Гонзо не пошевелился, бесстрастно взирая на человека.

– Анализ полученных данных позволяет предположить мне, что ты обладаешь правом на уничтожение всей стаи. – Слова, ледяные и металлические, словно иглы «Тигра», впивались в Андрея.

– Стаи? – сдавленно спросил Андрей. Обернулся. Люди приближались – метров шестьсот. Гонзо кивнул. Крысы очень смешно кивают. Сейчас было страшно.

– Ты уже не успеешь починить колесо, – подвел итог он. Чокнутый за машиной тихо скулил, умолая, чтобы его хотя бы пристрелили.

– Не успею, – словно автомат повторил Андрей.

Вдруг сорвался с места и нырнул в машину. Гонзо не сменил позы:

– Что ты задумал?

– Я собираю вещи, мы уходим!

Невероятно как расслышавший эти слова Чокнутый вскрикнул и застонал. Андрей продолжал потрошить сумки, набивая походный рюкзак самым необходимым.

– Ты где поедешь – в сумке или за пазухой? – Чокнутый снова завыл.

– Андрей, я уверен, что ты выбираешь наименее оптимальный вариант выхода из сложившейся ситуации...

– Извините. – Андрей появился из машины с рюкзаком в руке. – По логике у меня была только четверка...

До прокаженных осталось не более трехсот шагов.

– ...и это, впрочем, не беда, потому что если кислотишься с тусовкой, все твои напруги – отстой и лабуда. Мы скажем – хеей, хеей, мы скажем – оуу, оуу, под ритмы хип-хопа тусуясь в неоне... – тихонечко отплясывало радио, совершенно не интересуясь приближающимися людоедами.

Андрей опустил рюкзак на асфальт и прислонился к машине:

– Я не смогу...

– Быстрее! – Вопль Чокнутого, который наконец увидел поднявшихся на небольшой холм людоедов, вырвал Андрея из оцепенения. Стали видны сжимаемые в узких ладонях серпы и огородные секаторы – старые, поржавевшие.

– Проклятие... – Андрей оттолкнул не зашнурованный рюкзак и, потянувшись внутрь машины рукой, достал с сиденья восьмизарядный оптический «Волкодав». – Господи, прости меня...

Легко вскинул карабин, пощелкал пальцами по оптике, расставил ноги. Байкер сразу замолчал, даже дыхание задержал. Андрей прицелился в ближайшего из трупоедов – длинного мужика со словно обглоданной половиной лица.

– Не пытайся ранить им ноги, – вдруг сказал Гонзо, и Андрей вздрогнул, опуская ствол. – Я могу догадаться, что у тебя на уме, но так ты лишь обречешь их на смерть в звериных когтях.

Андрей медленно кивнул, вздохнул и вновь прицелился. Две женщины, два ребенка, грудной младенец... Поймал в прицел грязный лоб длинного. Почти сто метров.

– Господи, пусть они испугаются, пусть они остановятся... – Андрей шептал, не решаясь прикоснуться к спусковому крючку, разглядывая вылетающие из рта клубы пара. – Господи, пусть...

Восемьдесят метров. Чокнутый попробовал отползти, но упал, хрипя от боли.

– Прости, Бог мой... – Андрей поднял глаза в прицел, быстро нашел длинного и плавно спустил курок. Карабин дымно чихнул, качнулся, замер. Длинный дернулся, взметнув руками над остатками головы, и упал в траву, далеко отбрасывая ржавый серп.

Остальные продолжали идти. Шестьдесят пять шагов.

– О нет...

– Стреляй, Андрей. – Гонзо говорил мягко, негромко, но уверенно. – Стреляй, они хотят умереть, ты что, еще не понял?..

– Ох, что же я делаю? Я не палач... – Чокнутый все корчился за машиной, пытаясь хоть как-то спрятаться, бормотал, молился. Андрей прицелился в следующего мужчину и выстрелил. Прокаженные ползли вперед.

Выстрел. Пятьдесят метров. Выстрел. Женщин придется добивать в упор, внезапно ошпарила мысль, и Андрей едва не отбросил оружие.

– Быстрее, – сказал киборг.

Дети или женщины? Кого раньше?

– Детей, – словно услышав его мысли, сказал Гонзо, – не дай им увидеть, как умирают их матери...

Андрей поймал в прицел заживо гниющего паренька, зажмурился. Выстрел. Сорок

шагов. Теперь их можно рассмотреть и без электроники.

Выстрел. Глаза слезятся – порох, наверное. Конечно, порох...

Выстрел, женщина что-то вскрикнула, единственная из всех, что до нее умирали в полном и отрешенном молчании, и упала на землю. Последняя – со свертком на груди.

Двадцать пять метров, а она идет прямо на вскинутый ствол.

– Стреляй сквозь сверток, – сказал киборг. Слеза по щеке. Это от пороха.

Пятнадцать шагов. Ее лицо – маска засохшей грязи. Сквозь самую современную оптику Андрей смотрел в спрятанные под опухшими веками глаза и уже слышал ее сопение. Тяжелое, надорванное, обреченное. Видел оскаленные в голодной усмешке черные зубы. Она уже умерла... давно...

– Я не смогу... – Ствол «Волкодава» ползет вниз.

– Сейчас ты станешь мертвецом, – очень спокойно и просто сказал киборг и спрыгнул на дорогу.

Карабин подпрыгнул в руках и выстрелил. Десять метров. В упор. Женщину отбросило в придорожные кусты. Эхо бешеной птицей скрылось за лесом. Тишина над миром.

Оружие, довольное охотой, нутужно дышало серым паром. Андрей не дышал вовсе. Поднял руку, оттер щеку.

– Ты поступил правильно, – Гонзо запрыгнул в джип, – но скоро тут будет еще больше падальщиков...

Чокнутый, все же сумевший отползти за мотоцикл, продолжал молиться.

Дороге заметно полегчало. Асфальт уже не вставал на дыбы, практически исчезли рытвины и борозды тракторных траков. Машина довольно урчала, оставляя, хоть и медленнее, чем это хотелось Андрею, за спиной километры.

Андрей молчал. Молчал, рассеянным взглядом осматривая окрестности, тяжело, словно с неохотой, крутил руль и снова молчал. Молчало радио. Молчал в разбитом салоне киборг. Молчала, словно уловив настроение человека, дорога.

Он их перебил. Не дал дойти. Он поступил правильно. Это так.

А потом он сорвался.

Андрей закусил губу и смахнул с приборной доски смятую шапку. Сорвался.

Отбросил в джип карабин, до боли в щиколотке испинал колесо. А затем байкера.

Нет, не сразу. Вначале, после того как волна ярости отступила, дав место боли, отчаянию и сокрушающему стыду, он пытался было броситься к расстрелянным. Метался от машины к обочине, что-то бормотал, хватался за голову. Похоронить трупы ему не дали. В два голоса. Мудрый и логичный киборг да напуганный до безумия покалеченный мотоциклист.

Затем сник, словно отрубили питание, упал на сиденье и просидел так минут двадцать. Проспал наяву, пока все тот же искалеченный бородач не вернул его в реальность из мира успокаивающих грез. Чокнутый что-то просил, благодарил, бормотал.

Вот тогда-то он и сорвался по-настоящему. Быстро, без лишних слов дошел до Чокнутого и избил его, после едва не пристрелив. Раненый скулил, неловко уворачивался и прятал сломанную ногу, пытаясь за мотоциклом укрыться от рушащихся на него ударов.

– Если бы не ты, – сказал тогда Андрей, – я бы никогда, слышишь, никогда не застрелял бы на этой долбаной трассе! Я бы не стрелял в людей, не убивал женщин! Я бы не стрелял, в детей!

Он сказал это, лупя Чокнутого рукояткой пистолета по плечам, затем сказал что-то еще. И еще. Когда он пришел в себя, байкер совершенно забился под «Урал», скуля и зажимая руками разбитое лицо.

Тогда Андрей обтер заляпанный пистолет, смахнул кровь со штанины, небрежно выбросил на дорогу стандартную аптечку, пакет провианта на один день и ногой подтолкнул к Чокнутому нож.

– Ты остаешься, а я уезжаю, – сказал он, – можешь до конца своих дней молиться, что я

тебя не убил.

Так он тогда сказал. Или почти так. Он не помнил.

А затем он починил колесо. Собрал в машину вещи.

Опустошенный, двигаясь на автомате, сел за руль. Одну задругой выкурил две сигареты, перезарядил карабин. Закрыв глаза, неумело помолился, завел мотор.

И уехал.

Уехал, более не оборачиваясь, выпотрошенный, словно рыба. Сожженный, словно лист бумаги. Уехал, изо всех сил стараясь не закрывать глаз, что безвольно смыкались, рождая образы прокаженных. Чокнутый что-то кричал вслед.

Дорога молчала, чувствуя настроение человека. Молчал киборг. Молчал человек.

Глава 9. Капитан

Царский советник одну ногу через порог занес, а другую не переносит, замолчал и про свое дело забыл...

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

Ехали медленно. Гораздо медленнее, чем на то рассчитывал Андрей, еще в городе строя планы поездки. Пока выдвинулись, потом остановка в кафе, ну ладно, это ерунда, потом засада, драка, ремонт, испорченная ходовая, не позволяющая на хороших кусках трассы выжимать из машины больше, чем полтинник.

Это определенно никак не укладывалось в отведенные (с резервом, надо отметить) четыре-пять часов на поездку. Андрей начал ерзать и все чаще поглядывать на часы. Тусклое пятно по левую руку от машины, выполняющее на небосклоне обязанности солнца, медленно, но неотвратно ползло вниз, грозя в ближайшие три часа рухнуть за горизонт.

А когда за очередным из поворотов на дороге показалось Мошково, Андрей понял, что до темноты в Болотное он сегодня точно не доберется. Даже доведя машину до смерти и выжав максимальную скорость.

– Гонзо, – сказал Андрей и не узнал собственный голос, вылетающий из пересохшей глотки. – Гонзо, карту.

Мигом появившийся из заднего отсека крыс деловито запрыгал по клавишам панели. Компьютер пискнул, активировался, и над рычагом передач, справа от Андрея, в воздухе вырос прозрачный зеленый квадрат карты. Карта мигнула, еще и пошла крупной рябью – барахлила система.

Андрей снизил скорость и наклонился к компьютеру, внимательно вглядываясь в черточку трассы М53. Брови его медленно сошлись на переносице.

– Я жму на предельной скорости, машина все равно урчит и бряцает, словно разбитый велосипед, а согласно карте, – он вздохнул, поведя затекшими от неподвижного за последний час сидения плечами, – мы только что прошли лишь половину пути.

Киборг взглянул в окно, перебрался на соседнее кресло и ничего не ответил. Да и не надо было. Джип миновал покосившийся, но хорошо различимый указатель «Мошково». Они въехали в село.

– Тут живут. – Андрею послышалось, что в голосе Гонзо просквозило удивление. – Смотри, правда живут...

Андрей видел. Село на самом деле оказалось на удивление жилым. Об этом говорили дымы над трубами, рев тракторного мотора на соседней улице, линии электропередач, тянущиеся от автономного генератора, и крики ребятни, влетающие вместе с прохладным воздухом в приоткрытое окно.

Они миновали несколько покосившихся домов на окраине и въехали в по-настоящему жилую часть села – с убранными и крепкими домами. Она начиналась сразу после импровизированного блокпоста – кирпичной будки со смотровой площадкой на крыше,

сваренной из жести. На будке, смоля самосад, чинно восседали, воздев к небу длинные арбалеты, двое охранников из местного гарнизона. Мужики в ватниках, даже не поворачивая голов, небрежно осмотрели проползающий под поднятым шлагбаумом джип и вернулись к неспешной беседе, дымя папиросками. Не бояться, ух ты!

Андрей сбавил скорость, рассматривая село. Автономия, маленький мир. Колокол, набатный, наверное, на вышке, электрические кабеля сами устанавливали, генератор. Церквушка за рядами домов, магазин, пара ларьков, несколько ухоженных, не чета тем, что в лесах, деревьев. В архитектуре, в частности в ремонте и реконструкциях старых домов, практически не используется дерево – стало совсем плохим. Тут больше кирпича, если хозяин побогаче, или жести. Металлом обшитые стены, будки, крыши. Видны старые надписи, блеклые, выгоревшие. Облупленная краска. Очень похоже на домики, что дети строят из кресел, стульев и пледов в своей комнате. Только вот выглядит не так мило. На улицах кое-где установлено освещение – здоровенные прожектора и... Андрей опустил голову к стеклу, приглядываясь, воронки громкоговорителей! Бывшее здание милиции. Кто тут сейчас? Местный шериф?

Народу на улицах было мало, и после забитых, словно последний рейсовый автобус, улиц Новосиба Андрей их вообще не замечал. Дети, спешащие куда-то взрослые, пара стариков на завалинке возле разломанного комбайна.

Дорога, она же центральная улица села, как это и можно было предположить, вскоре привела машину на центральную площадь – пустой пятак посреди поселка, огороженный несколькими домами да заборами, от которого в глубь села разбегались улочки поменьше.

На площади размещался еще один, покрупнее предыдущего, магазин, закусочная, как всегда пестрящая множеством вывесок и приглашений. А также здание сельского клуба, подо что отведенное сейчас, одним мошковцам известно, и двухэтажное серое строение – видимо, административный Центр.

На покрытой щебнем, а после залитой гудроном площадке перед закусочной, видимо изображавшей из себя стоянку, были гордо припаркованы две запряженные лошадами телеги и мотоцикл. Не такой, как у Чокнутого и его покойного дружка, а нормальный, колесный, с люлькой даже. Выпуска конца прошлого века.

Андрей медленно въехал на импровизированную автостоянку, стараясь не напугать лошадей, и заглушил мотор. Животные опасливо косились, мотали головами и фыркали, перебирая по гудрону копытами.

– Может, имеет смысл остаться тут переночевать? – Андрей отключил карту. – Это место вполне напоминает мне городок... так почему бы и нет? До ночи мы все равно не успеваем в Болотное, выдвинемся завтра с утра... Я могу отправиться к местному представителю закона или к председателю, кто тут у них. Нам дадут жилье, аппаратуру разбитую посмотрим, в конце концов.

Оторвавшись от разглядывания конской морды за окном, Гонзо повернулся к Андрею и бухнулся на зад, передними лапками почесывая пузо.

– Ты сейчас советуешься, – спросил он непринужденно, – или убеждаешь?

Андрей почесал висок, наткнулся на корку крови.

– Ох, ты чего мне не сказал про кровь-то? – Он повернул к себе зеркальце заднего вида. – Я бы хоть умылся...

Гонзо неопределенно махнул лапой. А, чего там...

– Колонка на площади, рядом с клубом.

– Ладно. – Андрей еще немного повертел головой перед зеркалом и взял с кресла шапку. – Я сейчас умоюсь, попробую найти представителя власти, а там и посмотрим. Может, у них даже механик есть? Если получится – останемся до завтра, не тянет меня в машине спать. В клуб, глядишь, сходим, – усмехнулся, – девчонок деревенских поглядим...

Неубедительно. И он сам это знал. Андрей лукавил: ночевка в неизвестном и малознакомом месте, где-то на отшибе мира – увольте, он лучше уж в машине, поджав ноги к подбородку. Из двух зол, как говорится, а истинные причины подобных нервных неудобств

пусть интересуют других. Но признаться сейчас в этом себе и, что главное, наглой механической крысе... Римма Ивановна ведь не просто так уже пару месяцев пытается отловить его на повторную серию исследований. Не выходит.

Андрей вылез из машины, спугнув местных курей, живо заинтересовавшихся появлением нового железного животного. Куры заорали и бросились в разные стороны. Андрей осмотрел площадь.

И только сейчас увидел военных.

Метрах в двадцати два армейских джипа, «ВАЗы», размалеванные пятнами зелено-желтого цвета, словно в засаде притаившиеся слева от магазина. В раскрытые задние двери машин несколько молодых, так же, как и техника, выкрашенных в желто-зеленый камуфляж, солдатиков шустро перебрасывали из магазинной двери белые длинные мешки и картонные коробки. Рядом с ближней к Андрею машиной, на самом углу магазина, стояли трое – два солдата с автоматами на шейных ремнях и офицер. Стояли, всем видом своим изображая усталость и вселенский покой. Лениво перебрасываясь словами, они не сводили глаз с новоприбывшей на площадь машины Андрея, пристально разглядывая ее через хлопья сигаретного дыма. Офицер снял высокую фуражку, провел рукой по светлым волосам, что-то сказал, и солдатики дружно загоготали.

Андрей захлопнул дверцу и, на ходу натягивая шапку, отправился к колонке.

Вода была холодной, просто ледяной. Обжигала пальцы, сводила судорогой. Но это даже было хорошо. Андрей привесил на короткую ручку колонки заботливо привязанный к ней груз – огромный подшипник, и низко нагнулся, подставляя руки под тугую струю. По пальцам ударил холод, свело, но Андрей стерпел, торопливо бросая в лицо горсти воды, надеясь, что это прогонит ломоту в голове.

Отфыркиваясь и довольно подвывая, умылся, оттер висок, осторожно нащупав пальцами края раны, оставленной цепью, прополоскал рот. Вода отдавала железом, но не пахла и была чистой. Живут же тут люди, в конце концов.

Поднялся, забирая с колонки перчатки, без особого удивления встречаясь глазами со взглядом стоящего в двух шагах молодого капитана. За спиной офицера, боком, так, чтобы ствол висящего на груди автомата был направлен на Андрея, стоял солдат. И автомат-то был, к удивлению Костина, не стандартным армейским «калашом», а одной из современных разработок «Сапсана», что поставляется исключительно в спецназ. В позе солдата сквозила лень, небрежность, вальяжность даже. Но правая рука лежала на оружии. Второй солдат, как уловил Андрей боковым зрением, находился за спиной. Полицейский взглянул на капитана.

Молоденький, лет двадцать пять, светловолосый, светлоглазый. Офицер держался очень манерно, это было видно и по жестам, и по дворянской осанке. Должно быть, именно так мог выглядеть деникинский офицер – олицетворение благородной утонченной власти. Капитан был высок, сантиметров на десять выше Андрея, и это несколько скрадывало немалую ширину его плеч. А уж мундир...

Андрей сразу же заметил, что солдаты эти... как бы сказать... несколько небрежно относятся к своей форме. Хотя нет, скорее наоборот. Только... несколько не по-уставному. Дембельски висящие пояса, вот у этого за голенищем «гада» длинный нож, самодельные нашивки на рукавах, изрисованные под сумки с запасными обоймами. Покрытая надписью «Невозвращенец» фляжка на боку, а под погон поддета пачка сигарет. Печатки с обрезанными пальцами и перевернутая козырьком назад камуфляжная кепка. Пехота, гарнизонные войска, химическое подразделение.

При этом Андрей знал, где так одевались. Он сам носил сигареты под погоном, а в свободные от работы часы покрывал каску друга, Ершова Сереги, которого подстрелили под Грозным через три года после, фресками храма святого Петра. Сам обрезал пальцы на перчатках, чтоб удобнее было давить на спуск, сам малевал девизы на сумке для гранат. Неуставщина. Так солдат одевается только в одном месте – на войне. На долгой, возможно партизанской. Чечня, Афган, Вьетнам, Ирак или Туркмения. Или Сибирь, невольно летело вдогон.

Капитан был таким же. Но по-своему. Выстиранная, с иголочки отглаженная форма, надраенные до блеска пуговицы и сияющий орел в кокарде. В сапоги с неуставными отворотами цвета натуральной кожи, словно у наполеоновского офицера, можно бриться, Черные перчатки, явно сшитые на заказ, как влитые сидят на руках. Три аксельбанта к левому плечу – два витых, золоченой нити, это так – понт, и один железный, цепочка, сплетенная хитро и красиво. Андрей помнил, что она означает. Такие цепи носила «Пикирующая бригада», парни, которых в сорок четвертом без прикрытия сбросили прямо на Кабул с целью уничтожения арабского противовоздушного ракетного комплекса. Тогда это дало возможность англичанам посадить свои транспорты. А те, кто уцелел, теперь носили такие вот цепи. Сколько ж ему годочков было тогда, под Кабулом?

Кобуру пистолета капитан тоже носил не по уставу – слева, прямо над бедром, рядом с широким кортиком. На рукавах пятнистой куртки, подпоясанной широким офицерским ремнем, гнездились еще два российских орла, нашивки капитана и одна самодельная – в желтом круге черная скалящаяся кобра. На левом плече поблескивал серебряный эполет.

– Ну? – протянул капитан, покачиваясь на каблуках и заткнув большие пальцы за ремень. Андрей вопросительно поднял брови.

Капитан, который, видимо, полагал, что в его справедливом и развернутом вопросе нет ничего непонятного, наклонил голову в легком недоумении. Андрей скосил глаза на пошевелившегося за своей спиной солдата.

– Прошу прощения? – спросил он, шапкой отирая лицо от капель.

– Кого на этот раз, спросил я, – сказал офицер, складывая тонкие губы в призрак улыбки, – занесло в славное село Мошково?

– Моя фамилия Костин. – Андрей надел шапку и потянулся за документами. – Я нахожусь на государственной службе и не подчин...

Удар по почкам, правильный, умелый, сложил его вдвое, пригибая к земле. Воздух вылетел из легких, бок зажгло. Солдат снова вскинул приклад, но офицер остановил его властным движением руки.

– Вы что-то хотели мне показать? – участливо осведомился он у глотающего воздух Андрея, слегка наклоняясь. – Так просто сказали бы об этом... Что там у вас? Пистолет? Нож? Поймите, – он дружески положил руку на плечо Андрея, – совершая каждый раз одну и ту же ошибку, вы мне все очень и очень надоели...

Андрей попробовал ответить, но лишь задохнулся и замотал головой. Капитан снова улыбнулся и продолжил:

– Я не люблю таких, как ты, на своей земле. И я уже много раз об этом предупреждал. Что? – спросил он, заглядывая в налитые кровью глаза Андрея. – Больно?

– Я... поли... полицейский...

Солдат за спиной заржал, но офицер внезапно нахмурился, отдергивая руку, и тот заткнулся. Выпрямился, внимательно глядя на Андрея. Коротко кивнул.

Солдат забросил автомат на плечо, рывком разогнул Андрея, начавшего приходить в себя, и из-за спины начал шарить по куртке. Рванул замок, выхватил «Тигр». Бровь капитана приподнялась, он бережно взял оружие и понимающе покачал головой. Солдат нащупал удостоверение, выдернул из кармана, протянул следом. Отошел.

В полном молчании офицер развернул удостоверение, вглядываясь в тяжелый значок. Поднял взгляд на Андрея. В момент, когда он протягивал удостоверение обратно, его щека дернулась.

– Прошу прощения, господин Костин. – Андрей забрал значок, пряча его в карман. – Не разобрался. – Офицер щелкнул пятками, небрежно вскидывая руку к голове. – Капитан Шелест, заместитель командующего базой «Снегирь-4».

Андрей, все еще не надышавшийся вдоволь после меткого удара, лишь протянул руку к оружию и кивнул. Капитан прищурился, еще раз внимательно посмотрел на пистолет и наконец, словно неохотно, отдал оружие.

– Хорошая вещь, – сказал он, вновь закладывая пальцы за ремень.

– Вы тут всех так встречаете, капитан? – Андрей наконец обрел голос. – Или только меня ждали?

Офицер тактично не отреагировал на звучащий в голосе полицейского сарказм. Тем не менее, когда он ответил, в его тоне звучал металл.

– В мои обязанности входит патрулирование местности, принадлежащей базе «Снегирь», господин полицейский. А вы лишь случайно были приняты моими людьми за одного из неблагонадежных элементов. Я уже принес свои извинения.

Андрей отмахнулся.

– Что, много «элементов»? – Он изо всех сил старался оставаться спокойным. Ну, превышение полномочий, это, пожалуй, бывает с каждым, даже (если у финансового полицейского в России вообще есть такое понятие, как превышение полномочий) с сотрудниками его собственной конторы. Необходимо проявить снисхождение.

– Хватает. – Капитан не улыбался. Судя по выражению его лица, он вообще был из людей, никогда не нуждающихся в снисхождении. – Приключенцы, воры, контрабандисты. Вы показались моим людям подозрительным.

– Вы сказали, ваша земля, капитан? – Андрей застегнул куртку.

Шелест поджал нижнюю губу и пропустил вопрос, неожиданно ответив своим:

– Куда именно вы направляетесь, господин полицейский?

Андрей посмотрел в непроницаемое лицо офицера и пожал плечами:

– На север.

– Мне необходимо знать... – Капитан качнулся на каблуках.

– А я имею право сохранить это при себе. – Андрей прикоснулся к отбитому боку – удар по почкам заменяет кружку пива, как Круглов говорит? Повернулся к машине. – Полагаю, капитан, что разговор можно закончить. Надеюсь, больше не увидимся.

Краем глаза Андрей успел заметить, как краска мгновенно залила лицо молодого офицера. Тот шагнул вслед:

– Трасса М53 к северу от села Мошково перекрыта и находится под непосредственным контролем частей моей армейской базы!

Солдат, давший было дорогу Андрею, вновь оживился. Костин обернулся:

– Что?

– Вы все слышали, господин полицейский. Отправляетесь в Томско-Болотнинском направлении? Прекрасно, но не по моей дороге!

– Вашей дороге?! – Андрей вновь прикоснулся к ноющему боку. Головная боль тоже решила вернуться. Все теперь не скучно одной. – Офицер, оставьте этот тон, а то я передумаю да еще рапорт на вас составлю. Полицейское Управление, мало того что не подчиняется армейским чинам, так еще и имеет право на выполнение специальных заданий в закрытых территориях. Почитайте Конституцию на досуге. – Андрей поморщился, готовясь уйти.

– Вы все слышали и поняли, господин Костин. – Шелест снова был спокоен и высокомерен. – Объезд производится трассами ВС-14-А и ВС-300 через Западное направление по специальным указателям. А теперь, – он недобро прищурился и чеканно подошел к Андрею, – когда официальная часть общения закончена, послушай, что я скажу! Ты мне не нравишься, как сразу не понравился. Вы все мне не нравитесь – шпионы и воры. Не надо вешать мне тут лапшу, что ты не такой, – вы все такие, приезжающие из теплых нор, чтобы, отхватив кусок, снова в них забиться, и вот послушай! Ты предупрежден! Официально! Сунешься на мою трассу севернее этой дыры – да, да, я не оговорился, не морщи лоб, – на мою трассу, и я вышибу тебе мозги по обвинению в шпионаже! Вы там у себя, крутые полицейские, думаете, что вам все можно?! Высшая инстанция?! Смотри сюда, горожанин, – он показал Андрею тугой кулак, – вот вы где у меня все будете, понял? Тут ты мне не приказ, уясни. Тут, – он обвел рукой площадь, – моя земля. А значит, и законы мои! Я, – он наклонился к Андрею, – отсюда наплевал на тебя и весь твой мир, понял? И на Конституцию я тоже плевал! Попрешь в обход...

Шелест развернулся и спокойно пошел прочь.

Наверное, Андрей все-таки дернулся ему вслед, хотя изо всех сил старался себя сдерживать в руках. Солдаты мгновенно вскинули оружие, и в их глазах отчетливо читалось неприкрытое желание нажать на крючки. Андрей замер, словно перед опасной змеей, глубоко вздохнул, медленно поднял руки ладонями вперед.

– Не забывайте, господин Костин, – не оборачиваясь, бросил Шелест через плечо, – что вы уже находитесь на территории, подведомственной гарнизонным частям «Снегиря».

Солдаты, с видимой неохотой опустив оружие, отправились вслед за капитаном, лениво-небрежные, но готовые сорваться, словно знающие свою силу звери.

Андрей вернулся в машину.

– Я все видел, – сказал Гонзо, перебираясь от окна, – и почти все слышал. Произвол?

– Ты можешь это так назвать? – Андрей откинул кресло слегка назад и вытянулся в нем, осторожно ощупывая бок. – Можешь назвать это произволом?

Киборг не понял или просто не захотел принять юмора... Вместо ответа он снова включил карту.

– На запад, почти до реки, вот сюда. – Электроника безбожно шипела и исходила помехами. – Тут снова на север и на восток. Крюк около шестидесяти километров.

– Знаешь, этот капитан болен... Во всю голову. – Андрей открыл бардачок, извлекая трубку телефона – последнее функционирующее после аварии средство связи. Не считая дымовой почты, конечно. – Твою мать, ну как, скажите, меня занесло в эту дыру?! Он же просто псих. – Пальцы нервно скакали по кнопкам. – Не может же все быть так, как он это расписал. Черт! – Номер сорвался, и Андрей едва не ударил телефоном по рулю. – Это же бред! Я же полицейский! Я его укатать могу в два счета!

Это не бред, сказал отбитый бок. Уверовал в собственную неуязвимость, спросил внутренний голос. Пошли вы к черту, ответил Андрей.

– Нет сигнала, – подвел черту он, – не добывает, приехали...

Гонзо внимательно проследил полет сотового обратно в бардачок.

– Что у нас со связью?

– Сорок процентов схем спутниковой связи разбиты, тарелка деформирована. У нас есть рация?

– Что? – Андрей повернулся к напарнику. – Рация? Резервный канал связи? Как на войне? Нет...

И наверное, зря, добавил он уже про себя. Кто знал, а, Жданов?

– Тогда канты, – глубокомысленно изрек Гонзо. Точно в цель.

Солдаты за магазином окончили погрузку, машины закрыли и вывели на площадь. Дюжие парни в камуфляже попрыгали внутрь, оставив возле армейских джипов капитана Шелеста с его неразлучными головорезами.

Через пару минут из административного здания вышел невысокий полный мужчина. Смешно перепрыгивая на ходу через подмерзшие лужи, он быстрым шагом приблизился к капитану, в поклоне становясь вдвое ниже Шелеста. Офицер повернулся к машине Костина и встал, широко расставив ноги, еще сильнее в этот момент напомнив Андрею белогвардейского офицера. Российские орлы на его форме сверкали.

Офицер что-то говорил, сложившийся вдвое толстяк услужливо кивал, украдкой поглядывая на припаркованный у закусочной красный джип. Взгляд Шелеста был устремлен прямо на Андрея, казалось пробивая тонированные стекла машины. Неподвижный, немигающий. Как у змеи. Андрей закусил губу.

– Полагаю, – прошипел он, – ночлег нам с тобой тут дорого обойдется – контора не оценит. – Двигатель «Мицубиси» взревел, едва не заставив лошадей рвануть из упряжей. – Гонзо, – спросил он, не поворачиваясь к киборгу, – какие действия и полномочия предписываются инструкцией и кодексом в подобных нештатных ситуациях полицейским моего уровня?

Гонзо молчал всего две секунды. Полицейский и солдат внимательно разглядывали

друг друга через толщу темного стекла.

– Тебе по правилам или попроще?

– Давай попроще.

– Тогда, – Андрею показалось, что крыса вздохнула, – как это говорят у нас на Елисейских Полях, – карт-бланш.

Машина рванулась назад, вылетая со стоянки и разворачиваясь практически на месте. Из-под колес, расстреливая неповинных кур, летели застывшие комья грязи.

– Ну, тогда и поехали!

Шелест даже не повернул головы, когда мимо него, на север, по сельской улице пролетел красный джип с помятым багажником. Лысый председатель еще ниже наклонился, словно ожидая возмездия, должного последовать за внезапное неповиновение заезжего горожанина, но молодой офицер лишь с силой сжал тонкие замерзшие губы в улыбку.

Глава 10. Выбор

...Это не служба, а службишка, служба будет впереди...

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

– Ах ты, сука! Да чтоб тебе сдохнуть на месте, сгореть и развалиться на части! Ну что же это такое, а?!

Багровая четырехколесная сука виновато прижалась к обочине, не решаясь поднять на хозяина глаза. На ее загривке, выделяясь в наступающем сумраке ярким белым пятнышком, словно наездник, восседала белая крыса.

– Да что же это такое?! – повторил Андрей, продолжая бессмысленно бродить от одной обочины дороги к другой. – Это ж просто проклятие какое-то?! Твою мать, тварь!

С этими историческими словами он подлетел к машине, в очередной раз награждая джип пинком в правую скулу.

Вышеупомянутая тварь еще более виновато сгорбилась, молча перенося унижение.

– Что?! – взорвался Андрей, поворачиваясь к киборгу.

– Я спросил, у тебя хобби такое, избивать раненых?

Андрей отупело замер, пытаясь вникнуть в смысл сказанных Гонзо слов.

– Мы ведь, прошу прощения, – Гонзо щелкнул по крыше автомобиля лысым хвостом, – с ней в некотором смысле родственники.

– Чего? – выдавил Андрей.

– Я повторяю, что мы...

– А, заткнись, пожалуйста, – махнул рукой человек. Встал рядом с машиной, осмотрел ее еще раз, словно это хоть как-то могло вернуть к жизни окончательно сорванный задний мост. – И так тошно.

Машина, поняв, что, видимо, бить ее больше пока не будут, показалось, как-то даже воспрянула духом. Гонзо кивнул и почесал нос.

– Ну и напарничек мне достался... – протянул он и, не дожидаясь, пока поползшие на лоб брови Андрея активируют деятельность речевого аппарата, быстро продолжил. – Если твоя очередная истерика закончена, я готов выслушать дальнейший план действий.

Андрей перевел дух. Крыса в чем-то права... Нет, не совсем, конечно, несет тут всякое. Но... Прыгать по дороге целых десять минут, причитая, во всю глотку матерясь и избивая джип – ну... это лишнее, наверное. Но произойти может с каждым.

Андрей устало навалился на капот:

– Слушаю тебя.

– Капитуляция.

– Чего? – На этот раз в столь простой вопрос Андрей умудрился вложить не только интонации дебила, но и искреннее возмущение. – Дождаться этого спятившего солдата и

сказать – простите, дяденька, дорогой ошибся?

Гонзо, как ни удивительно это выглядело, пожал плечами:

– Варианты?

Андрей задумался, рассеянно осматривая раскинувшуюся вокруг лесостепь. Вечерело, но температура понижаться перестала. Куда уж ниже?

Гусарство дорого стоило. Лихой вираж, заложенный Андреем прямо перед носом капитана, и стремительное, но победное бегство на север теперь обернулись убитой машиной и, что наверняка, погоней. Андрей тяжело вздохнул. Километров пятьдесят они таки прошли, это факт, а отсюда, судя по карте, до Болотного вообще рукой подать. И что интересно, ни баз, ни блокпостов, ни армейских машин не встретили... Повезло, видать.

– Мы время теряем, – поторопил киборг, – даже если они идут со скоростью вдвое меньше нашей, у нас все равно осталось не более четверти часа. А потом... – Он осекся, начав очень натурально выкусывать из пуза несуществующую вошь.

Андрей потер ладонями лицо. Вы там у себя в городе, крутые полицейские, думаете, что вам все можно?! Так сказал Шелест? Андрей снял перчатки и начал массировать лоб.

Мы тот камень, о который разобьется волна хаоса. Пульс на виске, черт, а я ведь устал... Волна хаоса. Это просто работа, полицейский. Не на себя, не на дядю, как любит говаривать Лексеич, мы на Россию. «Понимаешь?» – душевно так добавляет он в конце, заглядывая в глаза и наливая по полтишку. И никакая мразь нам в этом не помешает! Хотя и пытается...

Мы тот камень... Закон умер, едва человек переступил городскую черту. Так здесь думали все. Так жили. Потому что никогда, никогда в своей маленькой жизни просто не сталкивались с законом. Воротов молодец. Все продумано четко, спланировано, база эта, закрытые территории... Продуманный хаос. Но мы тот камень...

– Отступить – значит проиграть. – Андрей и не заметил, как опять заговорил вслух. – Значит позволить этому вору чувствовать себя победителем.

За лесом, далеко на востоке, завыл волк.

– Я точно знаю, что даже если и сниму с Воротова эти несчастные тысячи, Россию это не поднимет. Не исчезнут бомжи, не исчезнет безработица, не прекратятся войны. Но в чем тогда смысл моей работы, – Андрей посмотрел на притихшую крысу, – если не в этом? Я не знаю... такая каша в голове. Это очень похоже на... войну.

Внезапно Гонзо потянулся и... зевнул. Андрей щелкнул челюстью.

– Тебя всегда после буйства тянет на сантименты? – спросил киборг. – Или сегодня особенный день?

– Ах. Ты. Гад! – выдохнул Андрей.

– А ты чего ждал?! – внезапно возмутился напарник, поднимаясь во весь свой крысиный рост. – Что я начну тебе подпевать? Говорить, сдерживая слезы, что это наше с тобой единственное призвание – быть частичкой, звеном, отлаженным и надежным, в великой машине, поднимающей Россию с колен?! Брехня! – подвел черту он. – Ты боишься? Не справишься? Ввожу в действие обязательный пункт кибернетического кодекса под номером сто четырнадцать, отдел два, – настоятельная рекомендация аналитического организма к сворачиванию деятельности, предполагаемой как опасная. Отказ и игнорирование данного пункта кодекса снимает с меня ответственность за твою безопасность и сохранность жизни. Включи габаритные огни автомобиля и запусти сигнальную ракету. Немедленно.

Они замерли, друг напротив друга, молча столкнувшись взглядами.

– Я дойду, – тихо сказал Андрей и сам удивился собственному спокойствию, – это не бравада, и это не жест отчаяния. Можешь расценивать это как сумасбродство, можешь – как патриотизм, плевать. Я отказываюсь внять пункту твоего кодекса и собираюсь продолжить миссию. Пешком.

Андрей обошел машину и рывком распахнул покореженные задние дверцы. Быстро, но спокойно и расчетливо принялся выгружать на холодный асфальт рюкзак и сумки со снаряжением. Палатка, мешок, топор, карта, набор выживания, провизия. Патроны, иглы,

нож. Веревка, ноутбук, автономный источник питания, фонарь.

Вещи быстро перемещались в рюкзак, занимая положенные инструкцией места. Одежда, аптечка. Андрей больше не нервничал. Несчастная избитая машина все-таки помогла.

Карабин. Кажется, он еще теплый после стрельбы. Андрей поморщился и прислонил оружие к машине. Сел внутрь, свесив ноги, и начал переобуваться в утепленные высокие ботинки. Гонзо заскреб по крыше, подбираясь к краю.

– Я поеду в клапане рюкзака, – сказал он, разглядывая сборы.

– Поедешь? – с усмешкой спросил Андрей, затягивая липы на высоких голенищах.

– А что тебя удивляет? Я лишь следовал предписаниям... ну и слегка манипулировал. Пытался, точнее. Но твоим напарником быть от этого не перестал! Пригожусь, поди.

Отвернувшись, чтобы крыса ни за что не увидела, Андрей улыбнулся. Вот маленький гаденыш...

– Хорошо, оставляю место.

Бросать машину, даже мертвую, холодной грудой железа замершую на высокой обочине, было нелегко, и Андрей даже почувствовал легкий укол совести за свой недавний срыв. Последний раз обернувшись на пригорке, чтобы бросить прощальный взгляд на безвременно погибший механизм, он прикоснулся пальцами к виску и, более не оглядываясь, легко зашагал к ближайшему лесу.

За спиной покачивался удобный, охватывающий грудь эластичными ремнями рюкзак с восседающим киборгом, правое плечо оттягивал карабин. Дышащий вечерним холодом и сыростью лес быстро приближался. Темнело.

– Пару километров на запад от трассы, потом на север, по карте, а у Болотного снова сориентируемся. Заночевать скорее всего придется прямо в лесу. Ты ведь можешь выполнять функции компаса?

В ответ Гонзо лишь что-то возмущенно пропищал.

Впереди выросал лес, оцетинившийся полуголыми сучьями искореженных местной экосредой берез. Когда до него осталось не более двадцати метров, киборг снова подал голос. На этот раз настойчиво.

– Два объекта, идут с юга, скорость средняя. Будут возле нашей машины минуты через две. – Андрей обернулся, машинально нащупал карабин и припал к земле, шурша опавшими листьями. Вгляделся в сторону трассы, словно был в состоянии отследить и рассмотреть зафиксированные киборгом машины.

– Они идут с грузом, – подумал он вслух, – значит, одну машину бросить не смогут точно... Сколько солдат было в Мошкове?

– Восемь.

– Угу. – Андрей кивнул, привычно, как много лет назад, опускаясь на колено и подхватывая с земли сухой прутик. – Плюс наш эсэсовец, всего девять.

Сжимая веточку в руке, Андрей поднялся и побежал. Пальцы сами делали то, что уже давно мозг считал забытым, – вертели сучок то так, то эдак. Успокаивало.

Андрей бежал.

Шелест листьев под ногами, треск ломаемых рюкзаком веток. Карабин, перевешенный на грудь, словно маятник лупит по ребрам. Бег через вечерний лес, где мир вокруг раскрашен простыми и страшными тенями деревьев. Бег через мир, способный оживить самые спрятанные, закопанные в глубинах подсознания страхи.

Где-то в своих владениях – верхушках деревьев, заухала, просыпаясь, ночная птица, зашумела крыльями, сорвалась с ветки. За холмом слева, возле нервно журчащего ручья метнулся в сторону, услышав шаги, некрупный зверь.

Бег через картинку, постепенно становящуюся черно-белой, прямо на глазах теряющую краски и жизнь. Бег в лабиринте вычерченных до неба стволов, черных провалов на фоне еще не погасшего неба.

Грудь зажгло, холодный воздух с шипением вырывался сквозь сжатые зубы.

– Если они тебя поймут, они тебя убьют, – сказал старый, похожий на притаившегося лешака пенёк.

– Если они тебя поймут, – начала сломанная береза...

Андрей не слушал, он бежал.

Бежал вначале несколько неуклюже, непривычно, тяжело вбивая рифленые толстые подошвы во влажную почву. Ноги, за последние годы более привыкшие к эскалаторам, автомобилям или скоростным тротуарам, противно загудели, налились тяжестью. Рюкзак болтался за спиной, упрямо не желая попадать в ритм бега.

Воздух обжигал. Сначала встретивший лесной прохладой, забравшийся за ворот куртки и под тонкую шапку, сейчас он просто окутывал жаром, а по спине покатил пот. Андрей бежал. Вспоминая, как он это умел делать на войне.

Они тебя догонят. Шаг, другой, легко, немного пригнувшись, держа оружие чуть на отлете. Шаг, другой, дыхание ровнее и ногу ровнее, шаг, другой. Сейчас они осматривают брошенную, выпотрошенную машину, взведенные и готовые начать палить. Обходят ее, стволами «Сапсанов» открывая двери, а Шелест стоит поблизости. Неподвижный и бледный, похожий на вампира, с тонкой полуулыбкой на губах, как он запомнился Андрею в момент их короткого знакомства. Он внимательно скользит пустым взглядом по опушкам окрестных лесов.

Шаг, другой. Пригнуться от веток, на склонах не скользить, не заваливаться, правильно ставить стопу. Как говорил один майор морской пехоты из Штатов боль – это то, что говорит вам, что вы живы. Или что-то в этом роде.

Легкие жжет, слезятся от ледяного ветра глаза, губы и глотка пересохли, и на фоне всего этого под курткой стоит страшная жара, а пот катит по спине и бокам в три ручья. Андрей бежал, не выпуская из пальцев сухой коротенький сучок.

Глава 11. Яна

...Ложись спать, утро вечера мудренее.

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

Как подчас правильно говорят люди: «Костер плевался искрами». Ну прямо в точку! Он же на самом деле плюется, зло, ворчливо. Хоть и маленький.

Андрей пододвинулся к огоньку поближе и веткой подтолкнул перегоревшее полено в центр костра. Искры снова метнулись вверх, зашипели, затрещали, а по стенам оврага засуетились новые тени. Огонь создавал иллюзию тепла, отчего до мерзости неотвратимо клонило в сон. А опустившаяся на овраг темнота лишь в очередной раз напоминала о ночном покое.

Скрючившийся возле крохотного костерка человек и сидящая на поваленном неподалеку рюкзаке крыса не спали. Хотя, если точнее, крыса эта вообще никогда не спала. А человек просто не мог себе позволить.

Левой рукой прижимая к себе, словно любимую девушку, карабин, он жадно ловил небогатое тепло, летящее от пламени. Ночь окончательно опустилась на землю, укутав темнотой редкие леса, продуваемые всеми ветрами поляны и заброшенные деревни. Она разминала когтистые лапы и крылья, зевала, хищно поблескивая клыками, готовясь к охоте, разгоняла по жилам кровь. Заставляла ежиться и надевать все теплые вещи, разводить огонь и не тратить энергию на лишние движения. Человек не спал, настороженно вслушиваясь в окружающие глубокий овраг шорохи и звуки.

– Возможно, – сказал Андрей, давая произвольный зев, – придется не спать всю ночь...

Это было сказано просто так, раз, наверное, десятый. Крысе. Послеобеденные, так сказать, разговоры у костра. Но и на этот раз Гонзо не ответил. Белым пятнышком выделяясь

в темноте, он застыл на рюкзаке, устремив взгляд вдаль.

– Своим недоверием к исполнению моих функций ты наносишь мне неподдельное оскорбление, – через полминуты повторил он. Да, именно с этих двух фраз и начался несколько минут назад сей странный разговор.

– Да почему недоверием? – Андрей снова зевнул и наклонился (лишь бы Гонзо не увидел), поправляя подложенный под себя сверток палатки, лучше укутал ноги, поворочался. – Просто так надежнее... А вдруг ты меня разбудить не сумеешь?

Он поворочался еще, подальше отодвинул пустую банку из-под тушенки и опустил голову на согнутую руку. Гонзо удостоил его внимательным взглядом, красные бусины ловили свет костра.

– Ты либо никогда не имел дела с аналоговыми организмами, либо просто испытываешь мое кибернетическое терпение. – Он шумно и часто задышал. – Твое бодрствование ничего не даст, это можно смело признать. В любом случае ты не профессиональный егерь или рейнджер, а мои системы позволят нам отследить опасность даже в случае твоего сна. Мне что, уговаривать тебя поспать, словно заботливая мамаша?

Последнее он добавил таким слезливым тоном, что Андрей едва не расхохотался.

Вообще-то киборг был прав. Наверное, и стоит это хотя бы наполовину признать, как всегда. Хоть всю ночь просиди, а толку может и не быть, когда в овраг, привлеченные слабым, пробивающимся снизу светом скатятся обутые в армейские боты ноги. А его системы, радар, слух... Андрей почесал щеку, пряча зевок.

– Ну ладно тебе, – снова обиделся Гонзо, – совсем за дурака меня держишь, да? Что я, твоих зевков не слышу?

Уел, зараза. Андрей поднялся, подхватывая ружье.

– Ладно, чего там, – неохотно, вроде как через силу согласился он, – ты прав, пожалуй. Все одно тебе не спать, а мне силы нужны будут. Ну и там...

– Когда вернемся, – язвительно пропищал крыс, – запишу тебя на реабилитационные курсы по искоренению кибернетического расизма и предрассудков.

Андрей хмыкнул, посмотрел вверх и с криком поднялся. Взгляд уперся в ветви, раскрашенные светом огня, и ночное темное небо. Огонь на краю мира.

Ну и беседа – крыса и человек в холоде осенней ночи, за хренову тучу километров от дома, да еще и с погоней на хвосте. Прямо ночь в тоскливом сентябре...

– Дрова на ночь еще нужны. – Андрей отошел на пару шагов и отвернулся от костра, привыкая к темноте. Несколько раз присел, разминая затекшие ноги. – Ты посиди, я схожу...

Место стоянки, что бы там ни говорил киборг о его Андреевой неподготовленности, выбрано было неплохо, и даже очень. Не все еще забыто, с удовлетворением думал Андрей, придиричливо осматривая стоянку с разных сторон. Узкий, метра два с половиной, овраг – скорее яма, расколовшая напополам круглый холм. Куполом опускающиеся над оврагом тонкие, еще не успевшие облысеть ветви то ли ивы, то ли какого другого дерева, весьма неплохо защищали дно от сыплющейся с неба воды и первой снежной крупы.

Ночевать же в одной из многочисленных заброшенных деревень или садовом поселке, разбитом и мертвом, для Андрея было равным безумию. Лучше уж на кладбище.

Палатку ставить тоже не стал. Андрей и вообще не шибко-то любил это состояние – ты внутри, за призрачными стенами, все слышишь, но ни черта не видишь и в случае чего попросту запутаешься в тонкой, но плотной ткани. А учитывая ситуацию, в которую они с напарником... ну, хорошо – лично он попал, было решено просто развернуть ее в подстилку, а сверху укрыться спальным мешком. Снизу прикроет, да и все не декабрь...

Вконец озябнув во влажных от пота одеждах, на свой страх и риск Андрей все же решился развести костер, для чего загонял Гонзо по окрестным возвышениям, выясняя, видно ли отсветы. Огонь помог, согрел и худо-бедно просушил. А еще разогнал страхи, гаденькие и неприметные, такие, словно исподволь выползающие наружу, лишь на лес упала темнота. Андрей, только разгорелись сырые ветви, едва не рухнул на колени, принося Вечному Пламени варварскую молитву, да чуть было не отплясал вокруг костра ритуальный

танец. Вот что делает с горожанином дикая природа... Но это все шутки.

А на самом деле, даже отдохнувший и сытый, глотнувший водочки, защищенный от ветра и ненужных взглядов стенами оврага, отделенный от трассы почти семью километрами, Андрей испытывал сильное беспокойство. Навязчивые мысли лезли и лезли в голову, заставляя раз за разом прогонять в голове события ушедшего дня, хотя изменить, по большому счету, уже ничего было нельзя. Жвачка для мозгов. Моральное самобичевание.

Он мог вернуться в город. Определенно. И никто в Управлении ничего бы ему не сказал. Ни слова. Ну скорее всего... Возвращение не означает провала. А затем снова посетить здешние края и всей властью своего социального института разнести эту сраную воинскую часть с ее белены обожравшимися капитанами в хлам. Возможно, задействовать ударную группу и устроить показательное сожжение ведьм, так сказать.

Мысли эти, назойливые и медлительные, в полную мощь свою зазвучали в голове, когда на человека навалился ночной лес, с каждой минутой все прозрачнее указывая гостю беспомощность одиночества. Человек слабел, терзался, мучил сам себя. Один-то, как известно, в поле не воин... Андрей смотрел в огонь и думал, думал, думал. Когда поел, стало легче, а затем снова, по замкнутому кругу. Правильно ли он вообще поступает? В каком месте мог оступиться, ошибиться при выборе пути? Развязанные руки, неограниченные полномочия. Пожелай он, и можно с чистой совестью перебить весь взвод Шелеста. Как тех зомбаков... И никто слова не скажет. Но он все же решил не возвращаться, идти дальше. Держа карабин перед собой, Андрей, пристально вглядываясь в окружающую овраг темноту, вылез наверх. Встал у дерева, слушая ночную жизнь, наполняющую лес странными и незнакомыми звуками, и осторожно пошел прочь, стараясь ногами нащупать валежник.

Подбирая с земли влажные ветки, Андрей укладывал их на сгиб левой руки и шел дальше. Лес жил вокруг – где-то умирали слабые. А сильнейшие праздновали еще один сытый день. Что завтра? Бросок до Болотного? Хорошо. Под пулями солдатиков? Еще лучше... А ведь вернуться, понадеявшись на остатки благоразумия капитана и его людей, никогда не поздно. Гонзо сразу предлагал. Так зачем он здесь, сорвавшийся в леса? Гордость?

«А почему бы и нет?!» – неожиданно взорвалась праведным гневом вторая внутренняя половина. Гордость и долг. Смешно?! Ничуть. Почему не эти две простые, но в то же время сверхсложные материи? И плевать, что по этому поводу думает киборг, – Андрей знал, практически с первого дня, как пришел на эту работу, что именно движет им. Откровенная антипатия, временами перетекающая в ненависть, к людям, подобным Шелесту и Воротову. К людям, так легко и непринужденно воспользовавшимся ситуацией в стране. Воспользовавшимся войнами и катастрофами, дырявой Конституцией и слабостью ментов. Нет, он сам-то не жаловался – жил неплохо, правда, но добыта такая жизнь была не продажей урановых стержней с электростанций в Пакистан и Ирак, а потом и, как бы банально ни звучало, кровью. Как собственной, так и кровью друзей.

Все в общем-то просто. Добраться до Воротова, найти железо, оценить, перевести в деньги, затем конфисковать. Сделать перевод на счета Управления. И не время для сведения счетов с сумасшедшими вояками. Может, это на Шелеста так местная экология подействовала... Потом можно будет дело на рассмотрение спецкомиссии передать. Но это потом.

Андрей обернулся, понимая, что если поднимет еще хоть одну веточку, то уронит всю охапку, и попытался глазами нашарить овраг. Ночной лес усмехнулся совой.

Спина вмиг покрылась мурашками, и Андрей шумно сглотнул. Туда? Или туда?

Вот это дерево он явно проходил... Хотя нет. Ага, сюда. Вот ведь проклятие! Андрей едва сдержался, чтобы не отбросить дрова и в панике не метнуться обратно. Да, за последние сутки нервишки явно сдали...

Спокойно, без шума. Сюда. Да и Гонзо наверняка услышит. Говорил же...

– Гонзо? – громким шепотом позвал Андрей в темноту и едва не выстрелил в нарисовавшийся справа, на стволе поваленного дерева, белый мохнатый комок.

Чертыхнулся, опуская ствол, и привалился спиной к дереву, чувствуя, как холодный пот назойливо щиплет разбитый висок. – Ты что, обалдел?.. Хочешь, чтоб меня кондрашка обнял?

– Молчи. – Невероятно каким образом оказавшийся здесь киборг говорил тихим, едва на пределе слуха голосом. – Возле костра чужой.

Осторожно и как можно медленнее Андрей опустил на землю собранные ветки и полешки. Гонзо подполз в упор.

– Один человек. Не военный. Появился практически сразу после твоего ухода. Вероятнее всего – с северо-запада, вооружен. И вообще, тебя где столько носило?

Андрей не ответил. Одним движением подхватив с земли киборга, он зашвырнул его за пазуху и, не обращая внимания на неразборчивые сопения, рванулся в темноту.

– Куда?!

– Правее...

Листва зашелестела под ногами, а хищные ветки сразу же потянулись к лицу. Отбрасывая их стволом карабина, Андрей помчался в указанном Гонзо направлении. Ночь расступилась, пропуская человека к огню.

Словно вкопанный застыв на самом краю оврага, Андрей вскинул «Волкодава», быстро прицеливаясь в спину склонившегося над поваленным рюкзаком человека. Еще мгновение, и ствол выплюнет смерть.

– Медленно встань и отбрось в сторону обрез!

Обрушившиеся на пришельца слова определенно застали того врасплох. Он дернулся, но тут же замер, вероятно каким-то шестым чувством определив, что находится на мушке. Осторожно развел в стороны руки, демонстрируя вымазанные чем-то руки в перчатках без пальцев, и осторожно поднялся с колен.

– Не... стреляй... – пробубнил он, не оборачиваясь. Старый обрез двухстволки остался лежать на земле. Андрей нащупал ногой край оврага.

– Не будешь глупить – не выстрелю! – Он прочно укрепил ноги и вмиг съехал по рыхлому склону, оставляя за спиной ночного гостя. – А пока просто не шевелись!

Встав так, чтобы быть отгороженным от чужака костром, Андрей внимательно, насколько позволял тусклый свет, разглядел его. Не военный. Синие грязные джинсы, заправленные, как и у него самого, в высокие, только шнурованные, а не на липах, ботинки. Черный пуховик, драный раз сто и заштопанный раз двести, вязаная шапочка, из-под которой выбиваются длинные, почти до плеч, светлые волосы. На поясе-патронташе справа нож, фляга, возле обреза на земле лежит небольшой, литров на пятьдесят максимум, черно-зеленый рюкзак.

В плечах гость не широк, скорее, наоборот, ростом ниже Андрея. Замерший словно распятие, чужак не двигался и молчал, лишь слегка покачивая головой да шумно чмокая губами. Андрей поморщился. Из-за ворота появился Гонзо.

– Ну-ка, старичок-лесовичок, обернись, – Андрей опустил оружие на уровень груди, – да только медленно.

Не опуская рук, чужак медленно повернулся, и Андрей обмер, встретившись взглядом с двумя небесно-голубыми блюдами девичьих глаз. Девушка встала к нему лицом, вновь неподвижная, лишь работают, пережевывая не по силам отхваченный кусок, челюсти. А спазм уже схватил горло, не давая сглотнуть.

– Не убивайте меня... – едва слышно выдохнула она, и по левой щеке рванулась вниз крупная слеза. – Я не хотела... я просто...

Она подавилась, почти согнулась в кашле, но устояла, не в силах противиться приказу и опустить руки. Прожевала, подняла взгляд.

– Я... я все сделаю, что вы скажете... – Слезы уже беспрерывно катились по ее чумазому, но, несомненно, симпатичному личику. Лет двадцать пять – не больше. Андрей молчал, разглядывая пришедший из тьмы мираж. – Я просто... я не хотела, поверьте, не убивайте меня, я сделаю...

Она внезапно сорвалась, бросив-таки невольный взгляд на призывно поблескивающий стволами обрез возле торопливо вскрытой упаковки тушеного мяса. Андрей сбросил оцепенение, подкидывая опустившийся было карабин обратно ей в живот. Девушка пригнулась, внимательно ловя вмиг пересохшими глазами каждое его движение, а правая рука практически незаметно опустилась на пояс к ножу.

Андрей ничего не сказал (не мог пока), только медленно и очень выразительно покачал головой. Не надо, девочка. Она осторожно кивнула в ответ, распрямилась, дожевала кусок тушенки, сплюнула в костер и уже небрежно, нарочито развязно спросила:

– Ладно, лоханулась я, что дальше, дядя?

Так они и стояли, через костер, девушка, раскинувшая руки, и мужчина, целившийся в нее из ружья. Странное место этот овраг.

– Я не дядя тебе вроде, – сказал Андрей, в очередной раз удивляясь силе собственного интеллекта, выручающей его в экстремальных ситуациях.

Девушка нахмурилась, шмыгнула носом.

– Надо было сначала тебя, наверное, найти... – нагло бросила она через огонь и замолчала на полужизне, словно собственной наглости испугавшись.

– Зачем найти? – спросил Андрей, и Гонзо едва слышно хмыкнул. Она снова нахмурилась.

– Как зачем... – вроде даже растерялась, – ну, чтоб кончить... а потом уж вещи смотреть, пожрать там... покурить... Ты чего, больной?

Андрей чуть не покачал головой, но спохватился.

– Ты сделай шагок влево, ладно, от оружия? – Ствол карабина вздрогнул, подтверждая просьбу. Она сместилась, он тоже. – Ты одна?

Ответил Гонзо, тихо, так, что она не услышала. Просто хмыкнул в подтверждение. Андрей кивнул, не дожидаясь ее ответа.

– Ты кто такая?

Девушка почти опустила руки, удивленно глядя на Андрея.

– Ты чего, правда больной? – вместо ответа спросила она. Андрей молчал, и она, немного поколебавшись, все-таки ответила: – Да никто я, чего уж тут непонятного... Ясно?

Ясно не было. Андрей посмотрел на убитую банку тушенки.

– Ты что, меня хотела... кончить из-за банки мяса? – Она подернула плечами. А чего там, мол, и из-за меньшего можно было... Удерживая карабин одной рукой, Андрей почесал кончик носа. Перчатка была влажная и пахла плесенью. – А попросить сложно?

На ее лице появилось сочувствие. Она вздохнула, покачала головой.

– Откуда ты тут такой, чудачок? – Пришла очередь Андрея хмурить брови. – Больной и с ружьем... – Она вгляделась в оружие. – Да еще с неплохим...

– Я хочу, чтобы ты отбросила нож вон туда. – Он вновь качнул стволом, стараясь не обращать внимания на ее тон. – Сделай это левой рукой и медленно.

По ее лицу вновь пробежала целая гамма чувств. Словно увидела гавкающего кота. Но приказ выполнила, перепачканной в жире рукой осторожно, на виду, расстегнув ножны и отбросив нож к склону.

– Ты стрелять будешь или всю ночь мне в пузо ствол пялить?! – выплюнула она. – Это нелегко, знай!

– Знаю. А теперь сядь к костру, возьми банку и доешь. – Не дожидаясь, пока до нее дойдет, Андрей опустился на свернутую палатку, сядя на пятки и упирая приклад карабина в бедро.

Доходило до нее долго. Наверное, минут пять. Потом она недоверчиво покосилась на банку, словно мясо, которым она давилась четверть часа назад, было отравлено. Осторожно присела на корточки и взяла упаковку. Настороженно поглядывая на ствол «Волкодава», жадно начала есть, пальцами извлекая из жести кусочки мяса.

– Ты, может быть, один из извращенцев, что заставляют своих пленников делать разные там вещи? – неожиданно спросила она, отрываясь от еды. Андрей пожал плечами:

– Разве? А ты что, есть не хочешь? А может, и не хотела?

Гонзо вновь хмыкнул, спускаясь вниз, к животу. Девушка пожала плечами и продолжила есть, чавкая и давясь.

Крепкая, подумал Андрей, разглядывая странную гостью, жилистая. Фигура – у-у-у! Напарницу такую все мужики в Управлении мечтают найти. Модель «Суккуб». Чтоб стоял весь рабочий день.

Она доела, отбрасывая пустую, выскобленную жестянку в огонь, уже начавший умирать. Ночь медленно подступала.

– Как тебя звать? – Андрей дотянулся до последних, резервных веток, бережно укладывая их в костер. Она вскинула глаза, ожидая подвоха. – Что, секрет?

– Яна.

Андрей взглянул ей в глаза и улыбнулся:

– Красивое имя.

В ответ она сочувственно покачала головой:

– Ты больной...

– В моем рюкзаке, где лежит – полагаю, знаешь, в правом боковом клапане пластиковая бутылка. Достань.

Она оглянулась, недоверие и настороженность упорно не покидали голубых глаз. Откинулась назад, на шаривая клапан, выдернула плоскую флягу. Потрясла в руке, слушая бульканье.

– Это водка, – предвосхитил ее вопрос Андрей, стараясь не улыбаться, – за знакомство.

– За знакомство? – Яна не торопилась открывать. Андрей кивнул, протянул левую руку:

– Боишься? Тогда дай я первый...

– Ну щас! – Она отдернула руку и тут же замерла, полагая, что слишком много себе позволила. – Не боюсь я...

Открыла, понюхала, сморщила носик, шмыгнула им и резко приложила губами к горлышку. Ого! Оторвалась, морщась, стиснула зубы и шумно задышала. Андрей усмехнулся, снова потянулся к ней. Она внимательно, уже немного не так, как раньше, посмотрела на него, но флягу не отдала.

– Ты меня убьешь, изнасилуешь или сначала изнасилуешь, а потом убьешь? – совершенно спокойно спросила она. Андрей замер, вглядываясь в ее усталое лицо. Покачал головой:

– Почему ты так решила?

– За ошибки надо платить, нет? – Она равнодушно пожала плечами. – Особенно за жадность...

– Тогда сначала убью, а потом изнасилую, – в тон ей ответил Андрей и осекся, заметив, как побледнела девушка. – Ты чего, рехнутая? Перестань чушь пороть и давай флягу... дура. – Последнее он добавил в сердцах, но вовремя понизил голос. Она минуту сидела неподвижно, разглядывая его, а затем на ее лицо вернулись краски.

– Ты сам-то не сказал, как звать.

Опс! Андрей смутился. Джентльмен...

– Андрей.

Она покачала головой и протянула флягу.

– За знакомство, Андрей. – Их руки на миг сомкнулись на фляге одновременно, над почти погасшим, но сопротивляющимся костром, и Андрей понял, что момент, когда она могла попытаться напасть, прошел. Он забрал водку, качнул бутылку в ее сторону и глотнул, тем не менее не спуская с девушки взгляда. Костер прогрел влажные ветви и начал с удовольствием их поедать.

Тени в морозном воздухе, холодная, взрывающаяся внутри водка. Ночь насытилась, стала ленивой и небрежной. Она просто наблюдала.

Очень странный был день.

– ...когда утром папаша обнаружил, что его раритетный обрез пропал! – Они зашлись в новом приступе хохота, но Андрей быстро умолк.

– Ты же старика без оружия оставила!

Она отерла слезу, еще раз хохотнула и посмотрела на него. Прыснула, закрывая ладошкой рот, и снова расхохоталась. А следом и он, не в силах сдерживать странный, неудержимый и чистый смех.

– Так ведь он все равно стреляет через три на пятый... – Она выгнула спину, пытаясь отдышаться, и Андрей невольно скользнул взглядом по выступившим холмам ее груди. Она поймала взгляд, снова прыснула: – Эй, ну-ка!

Андрей опустил взгляд к пылающему костру, смущенно подхватил с земли палочку, но Яна снова засмеялась – звонко и так заразительно, что он присоединился.

– Вот, значит... – Она наморщила лоб и поудобнее уселась на расстеленной вдвое палатке. – О чем это я? – Андрей не успел пожать плечами, как девушка снова заговорила, при этом уже не улыбаясь: – Но вообще это самое смешное, что во всем этом было...

Яна последний раз затынулась, блаженно вдыхая ментоловый дым, и отбросила окурочек в огонь. Андрей поднял глаза. Она наклонилась к костру, мутным взглядом наблюдая за игрой пламени.

– Так я их и не повидала больше... Хотя чего там с ними случиться могло? – горько спросила она, по-пьяному быстро переключаясь со смеха на слезу, закусив губу. – Может, и дура? А кого это трогает? С ними-то все в порядке... Ну добрались они до своего Кемерово, потом на Восток... А, черт!

Яна снова потянулась к стоящей у огня фляге, но Андрей поймал ее за кисть:

– Ян, не стоит, уже и так неплохо погрелись...

Она гневно взглянула на него, и во взгляде девушки вновь промелькнула та дикая и свободная кошка, что стояла у костра под прицелом «Волкодава» два часа назад. Но гнев отступил, она отвела руку, пожала плечами и покачнулась, едва не рухнув назад.

– Да, Андрюха, пожалуй, хватит... А чего там! – Села, поджав ноги, покачиваясь, словно восточный божок. – Гори все огнем... Поди уж настучали тетке в Барнаул, идет, мол, твоя любимица, с отцовским обрезом, жди! Да лови... А ну их к лешему с их Иркутском!

– Да все нормально с ними... – сказал Андрей только для того, чтобы что-нибудь сказать. – Вот с тобой...

– Со мной уж точно все в порядке! – Она вскинула голову, поправляя на ползшую на глаза шапку.

– Тщц! – Андрей приставил к губам палец. – Не шуми, в порядке так в порядке! Ты ж у нас крутая. Приключенка.

– Крутая! – совершенно серьезно подтвердила Яна, косясь на лежащего рядом Андрея сверху вниз. – Точно.

– А чего так долго топаешь? Карты нет? Почти месяц уже... А чего от реки свернула? Вывела бы точно, ты ж знаешь... А так еще кто знает, сколько топать... Это с не стреляющим-то ружьем...

Андрей поднял с земли полупустую пачку и закурил. Яна в ответ неопределенно махнула рукой.

– Там... я на пиратов там наткнулась. – Она помахала перед лицом рукой, что-то вспоминая. – Не верила вначале... вначале то есть, а потом... там в одном из поселков знаки их нашла, люд... люд... ик, людей распятых да подвешенных, а потом баржи их видала у берега... вот и отвернула. Перебор, видать, да я не тороплюсь...

– Нравится жизнь-то такая? – Андрей выдернул из-под головы затекшую руку, чувствуя, что начинает помаленечку замерзать, глубоко затынулся. Яна снова подернула плечиками:

– А чего? Неплохо, почти для меня... Что нужно – в дороге найдешь, только вот... со жратвой стало туго тут... да еще таких вот похотливых козлов, как ты, полно. – Она снова расхохоталась, запрокинув голову и сверкая ровными зубками.

– Ну, это ты, наверное, зря...

– ...да таких же, как я, по этим лесам немало... а тут еще эти. Вояки. Да мутанты всякие, но с ними проще, их территории сразу видно... А так чего?

– А я тебя вначале за колхозницу местную принял, — усмехнулся Андрей, — стрелок-доярка

Она фыркнула, презрительно и гневно:

– Даже не думай меня с этой деревней рав... равнять! А сам-то, блин, на идиота ты больно похож был тогда! Зачем найти?! – передразнила она, смеясь. – Ой, не могу!

Андрей неопределенно хмыкнул, а Яна внезапно повернулась к нему, хватая за рукав:

– Ой! А ведь ты же так и не ответил, чего это такого городского мальчика в местные гребеня занесло?! Ах ты, гад, – она стукнула его кулачком в плечо, – убеги! Ну-ка колись!

– Да долгая это история. – Андрей увернулся от второго удара, отбросил в костер бычок и поднялся с палатки. – Спать надо укладываться, Ян. Завтра в дорогу обоим...

Сменить тему удалось. Девушка пружиной, хоть и немного покачивающейся, оказалась на ногах.

– Ага, – как-то сухо бросила она, – надо.

И замерла в ожидании. Андрей, тоже слегка покачивающийся, удивленно на нее посмотрел:

– Ты чего?

– Я вот тут сплю, а ты тут, – тихо сказала Яна, на миг трезвея, – понял? Чтоб без вопросов, я с ножом сплю.

Андрей хотел улыбнуться, но не стал. Не время. Нет, конечно, Яна очень привлекательна, все на месте, все как надо, но что ж она так?

– Да ты чего, Ян? Я же даже не думал... встретились, лес тут...

Девушка вновь напряглась, пьяно хмуря брови и сжав кулачки. И вдруг выдала:

– Ах ты, кобель, ты чего думаешь себе, что я грязная какая?! Что я по лесам шатаюсь, за собой не слежу?! За колхозницу принял?!

Андрей рта не успел открыть на очередной взрыв девушки, как она, шатаясь, подошла к своему рюкзаку. Вытряхнула из бокового кармана бутылочку шампуня, мыло, еще пару пластиковых пузырьков и пакет прокладок, неведь откуда ею раздобытых. Встала над вываленным на землю сокровищем, с видом победителя глядя на мужчину:

– Боится он меня трахать! Посмотрите только! Брезгует! Думаешь, меня каждый встречный пробует?! Конь! Кобель! Я к нему, а он...

Андрей, окончательно добитый этой сценой, тупо молчал, хватая воздух открытым ртом. Яна стояла напротив, гневно уперев руки в бока.

Ситуацию, намеренно или нет (этого никто так и не узнал), спас не кто-нибудь, а Гонзо. Цепляясь изнутри за куртку, он шустро поднялся вверх, выглядывая из расстегнутого ворота и шевеля усами. Яна осеклась, краска снова отхлынула с ее лица, и она отшатнулась.

– У тебя... – Она неловко вытянула вперед дрожащую руку, и ее лицо перекошило. – У тебя там... там... крыса! – наконец выдохнула-выкрикнула она, ретируясь за рюкзак Андрея. А тот снова опешил, пытаясь опустить и сфокусировать взгляд на напарнике.

– А-а, – протянул он, – это так, ручная моя крыска... Он взял неожиданно удивительно послушного киборга на ладонь и поднес к лицу.

– Он тебя еще удивит... – Яна не торопилась приближаться, тяжело дыша и разглядывая крысу. – Он у меня говорить умеет, правда, друг?

И Андрей со всей искренностью заглянул Гонзо в глаза. Крыса приподнялась на задних лапках, обнюхала его нос и чихнула. Андрей взглянул на Яну, с радостью заметив, что та улыбается, полностью поглощенная видом зверька.

– Ручной? – Она приблизилась, робко, настороженно. – А то я их боюсь...

Вот так. Девка, сбежавшая из семьи к барнаульской тетке, с отцовским обрезом, да через дикие сибирские леса, боится крыс?! Бездонна и непознаваема женская душа...

– Ага, – Андрей протянул зверя девушке, – Гонзо, познакомься с Яной.

Но Гонзо, опасливо принятый Яной на свою ладонь, молчал словно партизан, неожиданно начав демонстрировать полный набор крысиных приемчиков и манер. Он старательно забыл все признаки искусственного интеллекта, внимательно обнюхав перчатку и пальцы девушки. Прополз, под восторженные повизгивания Яны, выше по руке и усердно-зафурчал, шевеля носом и усами.

– Правда говорящий, – улыбнулась Яна, осторожно разглядывая крысу. – Здорово! Правда ручной? Ну, класс! Ой, как смешно!

Андрей только покачал головой. Удивляться устал, а прыгать вокруг киборга с его очередным задвигом в тщетной попытке разговаривать крысу на глазах девушки – увольте. Она еще и правда решит, что он тронутый.

– Он у меня в рюкзаке поспит, – сказал он, забирая зверька с ее ладони. Сказал скорее Гонзо, чем ей.

Яна не переставала повизгивать:

– Ой, какой хорошенький! А не убежит?

– Нет.

– Ну, Андрюха, от голода ты, если что, не помрешь! Ну... если что, я же говорю.

Андрей повернулся к ней, лицом к лицу, очень близко. Ох ты, да она на самом деле красивая... Девушка не отвела больших глаз.

– Спим вместе – так теплее, – быстро выпалила она, чуть качнувшись вперед, – но, – похлопала себя по бедру, – не забывать про нож! Ясно?

Ничего не ясно. Андрей кивнул. Ясно.

Костер прочь, на прогретую углями землю – развернутую палатку, сверху два собранных в один спальника. Рюкзаки в изголовье, карабин и обрез, так сказать, у кровати, как тапочки – у каждого свои. В наступившей темноте внутрь, сначала тесно и неловко, затем свободнее, привычнее. Вначале холодно, затем нет.

Яна была очень горячая, словно печь. Гибкая, подвижная, умелая. Пьяно нескромная. Андрей и предположить не мог, что заснет в этот день только под утро.

Ночь укладывалась спать, наблюдала и посмеивалась совой.

Глава 12. Напарница

Рассказал ей Андрей, какую царь задал ему службу.

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

Утро было скомканным, хмурым и неловким. Молчание, редкие фразы, головная боль. Яна заявила, что тут должен быть ручей, собрала свои причиндалы и ушла, предоставив Андрею разведение огня и приготовление завтрака.

Как ничего не было. Отрешенно, сдержанно. Андрей хмурился, стараясь победить головную боль без помощи препаратов, машинально складывал веточки шалашом и тяжело вздыхал, вспоминая вчерашнее. Почти девять утра.

При меньшем везении их бы уже давно накрыли люди Шелеста. Да что он делает, в конце концов?!

– Ты чего делаешь? – подала голос крыса. – Костер собрался разводить? А гамак повесить не желаете? И так вчера бедлам устроили, огонь до неба и пьяные песни. Нюх потерял, полицейский?

– О! – изрек больной. – Разговорился...

– Ты чего с ней делать дальше будешь?! – в лоб спросил Гонзо. – Женишься?

– Ой, отвали. – Андрей прикоснулся к голове и сел на свернутый спальник.

– Алкаш!

– Не имеешь права.

– Ты мне ответишь, наконец?

Тяжелая пауза.

– Ну, чего?

– Что ты дальше собираешься с ней делать?!

– А чего? Разбежимся сейчас, а что? Ты чего ждал? Ему на север, ей на юг, как в песне. И все тут, – Андрей пнул шалашик, – что я делаю?

– Разбежитесь? Ну-ну, – сказал Гонзо, исчезая в глубинах рюкзака, – ну-ну.

Когда Яна вернулась от ручья, собранная, чистая, свежая и не по-утреннему бодрая, Андрей уже сидел рядом с упакованным рюкзаком, держа в руках два саморазогревающихся пакета каши с мясом. Яна спустилась в овраг, быстрая, старающаяся к Андрею вообще лишний раз не прикасаться, спрятала мыло в рюкзак.

– Я спальник твой не убрал, копать не хотел... ты приberi...

– Ага.

– Это вот каша, – он протянул пакет, – тут дергаешь, греешь полминуты, потом открываешь, ешь...

– Ага.

– Я тут тебе немного еды оставлю, на пару дней можно растянуть...

– Ага, спасибо.

Поели молча, глядя в разные стороны. Яна закончила первой, внезапно повернулась к Андрею и спросила прямо:

– Ты кто такой, Андрей?

Он не ответил, доел кашу, искоса поглядывая на крысу, протянул кусочек мяса. Гонзо схватил еду и скрылся в рюкзаке. Что он с ней сделает? Закопает в недрах, а что еще.

– Ты вчера отвертелся, сегодня не выйдет. Я тебе рассказала про себя, теперь твоя очередь. – Яна села на свои вещи, наклонившись вперед. – Слушаю.

– Я, – Андрей отставил пустой пакет, – просто я на север иду.

– Заливать жене будешь! – резко перебила она. – Я видела кобуру и игломет, у тебя отличный, карабин, армейский паек и экипировка. Ты кто?

Появившийся из клапана Гонзо очень внимательно и выразительно посмотрел на напарника. Андрей разглядывал ботинки, вертя в пальцах пластиковую ложку:

– Понимаешь, Яна, я не могу сказать.

Она кивнула, словно ожидая именно этого ответа. Продолжила:

– Ладно, пусть так, но это же понятно и ежу – ты в этих лесах не просто так! Скорее всего с заданием. – Она кивнула сама себе. – Одного не пойму, почему пешком, хотя... Твоим шефам виднее. Но ребята они крутые, сразу видно. А значит, и запросы у них что надо! Что за задание? Ну да, хм, так ты и сказал. Что, права я? В общем, Андрюха, – сказала она тоном, каким невесты сообщают о беременности, – что бы это ни было, я иду с тобой и хочу... ровно четверть.

В опустившейся на овражек тишине оглушительно чихнула крыса. Андрей поднял на девушку глаза и быстрее завертел в пальцах ложку. Яна выжидала, приклеив на симпатичное личико дежурную улыбку.

– Не хочу тебя пугать, – медленно сказал Андрей, – но после всего сказанного я вполне имею право тебя убить.

Яна отшатнулась, почти как вчера, и ее рука непроизвольно легла на висящий на плече обрез. Секунда, другая. Девушка взяла себя в руки и победно улыбнулась:

– Тогда тем более!

– Ты не поняла...

– Все я поняла, – она поднялась с рюкзака, – вот только не болтай о том, чего не сможешь. Убить, ха...

Она склонилась над ним, близко:

– Не убить меня тебе, Андрей, себе сознайся. Кем бы ты там ни был.

– Ну, ладно, – поднялся и Андрей, стараясь не смотреть на девушку. Разговор приобретал неприятные и зловещие оттенки. – Я собираюсь, пора.

– Мы собираемся. – Она отошла к своему рюкзаку, собирая спальник.

– Ты со мной не пойдешь.

– Еще как пойду. – Она повернулась к Андрею. – Нет, ну ты подумай, я ведь и места эти знаю, с севера иду. Тебе куда, к Болотному? Дальше? Отлично! Вдвоем можно бояться меньшего, веселее, ну и... – Неожиданно она вполне естественно покраснела, замялась и отвела взгляд. – А мне чего терять?

– Ты со мной не пойдешь. – Андрей подкинул рюкзак, ловя лямку.

– Андрюха, а ведь ты мне понравился. – Она поймала вторую лямку и потянула в сторону, не давая ухватить. – Правда.

– Здорово, ага. Ты мне тоже, Ян...

– Только ведь если я кому, допустим, на посту или из патрулей скажу, тебе ведь плохо будет, да?

Андрей замер, вглядываясь в ничего не выражающие озера голубых глаз. Вот как.

– Ты не подумай, я ничего такого не задумала. – Она честно замотала головой. – Просто это... шанс, что ли. Понимаешь?

Андрей покачал головой, вырывая из ее пальцев лямку. Вот так начало дня. Предположим, ей часа два до трассы, еще час-два, а то и больше, пока на нее не наткнется один из армейских патрулей. Часа четыре. Мало. Девушка выжидала, уже прыгнув под свой рюкзак. Сама покорность, веда, хозяин.

– Тебя, Ян, – вздохнул Андрей, поворачиваясь к ней, – правда вполне может разочаровать. – Над его плечом показался Гонзо. – Я просто прошу, не надо так.

Яна выжидающе склонила голову набок.

– Ты прости, что так вышло, Яна. – Андрей расстегнул куртку, запуская руку внутрь. Девушка дернулась, оцепенела, ожидая через миг увидеть стволы «Тигра». Пальцы Андрея скользнули по пластику пистолетной рукоятки, задержались на секунду, он закусил губу, а затем достал из внутреннего кармана удостоверение и значок.

– Управление финансовой полиции города Новосибирска.

Отдать должное девчонке, шла она и вправду хорошо. Если не сказать, что лучше самого Андрея, угрюмо плетущегося следом за Яной по склону длинного, поросшего колючим кустарником холма. Молодец, сразу видно, что не первый день под рюкзаком ходит. При этом еще и обрез не забывает придерживать. Стройные ножки так и вышагивают, стопа ложится ровно, рюкзак в легкий наклон – молодец.

Только как вот этот молодец-девочка все-таки умудрилась навязаться идти дальше вместе с Андреем, понять было сложно. Даже киборгу. Гонзо обиделся, если так вообще можно сказать про механическую... простите, кибернетическую крысу, и сейчас не высовывал носа из рюкзака. Снова отложив неизбежное знакомство, так сказать близкое, с девушкой для другого раза. Может быть, надеялся, что она все-таки свалит прочь?

Но Яна не сваливала. И не собиралась. Ну, точно. Полная энергии и бодрости, похожая на очень стройную и вызывающую батарейку, она уверенно топала впереди, ведя Андрея на север и лишь изредка отворачивая чуть влево на одной ей известных ориентирах. И фыркнула, уже так знакомо, когда Андрей предложил ей карту.

Четверть. Она хотела четверть. Андрей обреченно замотал головой, радуясь, что ни крыса, ни девушка его сейчас не видят, и выдернул ногу из настойчиво вцепившегося в нее побега. Четверть чего бы то ни было. А что самое смешное?

Она до сих пор, невзирая на яростные попытки Андрея доказать обратное или подsunуть альтернативную брехню, была уверена в том, что он один в этих лесах лишь потому, что решил воспользоваться собственными полномочиями для... как она сказала? А, обогащения материального, вот. В смысле, узнал про местного кулака и двинул в леса, чтоб старость себе обеспечить. И хоть тресни. А она хочет четверть. За помощь.

Даже когда Андрей решился применить последнее, припасенное в рукаве так сказать, средство и рассказал про конфликт с военными, про возможное преследование и потерю

машины, Яну это не остановило. Она еще немного пофыркала по адресу армейцев, наградив всю их братию рядом нелестных эпитетов, и заявила, что если раньше-то сосать их заставляла, то теперь, когда она внештатный сотрудник финансовой полиции... В общем, пусть отдыхают. Андрея это сразило наповал. Добило.

Убежать? Пристрелить? Даже откровенное хамство не помогло – она и сама была еще та штучка, непробиваемая, все прекрасно понимающая и в долгу не остающаяся. В конце концов час препирательств привел к тому, что теперь шли они на север к Болотному вдвоем. Еда еще была (этого добра с запасом, жесть легкая, взял побольше на всякий случай), а вот запасы воды кончились еще ночью. Всего-то фляга осталась, да у Яны было немного, и Андрей очень рассчитывал найти водокачку. Тем не менее пошли быстро, срезая угол и обходя как подозрительные, так и поселения вообще – не горит. Подробностей операции, конечно, полицейский не рассказал. Убрали место стоянки, закопали мусор и пошли.

Андрей вздохнул, разглядывая, как растворяется в воздухе пар дыхания. Еще и голова снова заболела... Вообще, потеплело. Сначала, утром, в обвалившемся с небес тумане, они изрядно побряцали зубами, кутаясь в спальники и стараясь отловить крохи утерянного за ночь тепла. А потом распогодилось. Небо, лицом ни капельки не изменившееся со вчерашнего дня, словно решив порадовать людишек, чуть приподнялось над землей. Этого вполне хватило, чтоб почувствовать, что задышалось легче. Дождь не шел, снег кончился еще ночью, да и не снег это еще был, так, а ветер почти не пробирался за холмы, по которым они топали вот уже два часа. Так что можно было даже осторожно предположить, что стало тепло. И даже шапку снять, что Яна сразу же и сделала, перехватив волосы повязкой.

Думать было лень. Вернее, просто тяжело. Гораздо приятнее было вот так шагать и шагать, впитывая утреннюю свежесть каждым глотком. Где-то там, на задворках сознания, маячил неясной, но пугающей тенью Шелест со своими стрелками, недалеко так. Безобидно. Пролетел однажды, часа полтора как, где-то к западу вертолет, и все. Русский «авось» сейчас владел Андреем. И его это устраивало.

Хорошая штука – марш. Не бегом, конечно, просто быстро. Попадай в ритм, про дыхание не забывай, и все будет хорошо. Самое время побыть наедине с собой. Андрей послушно поворачивал, спускался и поднимался, миновал ручьи и овражки вслед за черно-зеленым рюкзаком Яны, окруженный воспоминаниями и неспешными мыслями.

А вот мысли о правильности сделанного выбора больше не возвращались – вот что делают с мужчиной, не уверенным в собственной правоте, поддерживающая его женщина и хороший отдых. Это просто стало восприниматься как должное. Как самостоятельно выбранное проклятие.

Вспомнился Павел, как он там? Алексеич и Назаров, гады, что засунули его в эту «миссию индивидуального расследования» и пьют себе спокойно коньяк в офисе. А кто еще? Ну, может, пацан этот, сын Демина, хороший мальчишка... Ребята, с которыми в баню они ходят, коллеги, девушка одна, из книжного через дорогу от дома. Еще? Да все. Некого больше вспоминать, некого. И вроде не замкнутый никакой он, нелюдимым не назовешь, просто так вышло как-то. Как всегда в моменты выветряющегося похмелья, в душе образовалась пустота, дышащая холодом. Все последние несколько лет один. И неплохо вроде... только тяжело. Но это пройдет вместе с похмельем. Хотя на это он надеется с самого момента расставания. Светка же сказала: пройдет, значит – должно.

А тут вот теперь эта...

Андрей остановился, вовремя отшатываясь, чтобы не влететь в спину девушки. Они находились в узкой ложбине, протянувшейся между двумя холмами практически с севера на юг, со всех сторон плотно окруженной березами. Яна извернулась, ловко сбрасывая рюкзак на траву.

– Привал, полиция! – Ох, улыбка. – Минуточек на двадцать.

Ну просто само очарование эта девочка. Андрей изобразил подобие улыбки на своем, уже начавшем порастать колючей гадостью лице, поставил карабин и снял-свалил с плеч ношу, опускаясь следом на землю и облокачиваясь на рюкзак. Девушка зевнула, оглядывая

ложбину, выгнула спинку, потерла ладошками лицо и неспешно направилась к склону.

– Пойду пописаю, – доверительно улыбнулась она, и Андрей понимающе так кивнул – конечно, чего там. Теперь он знает, куда она ушла, все открыто и честно. Как только девушка скрылась среди деревьев, скрежеща когтями по водонепроницаемой ткани, из-за спины Андрея на свет появился Гонзо.

– Как идем, штурман? – Андрей положил карабин на колени и наклонил голову, чтобы видеть громоздящегося на левое плечо напарника.

– Согласно моим наблюдениям, – крыса кивнула, – неплохо. Курс она держит, скорость, вижу, тоже приличная. От места вашей стоянки, – он незаметно сделал такое легкое ударение на словах «вашей стоянки», – мы прошли шестнадцать километров. Приложенные сверху метры интересуют?

Андрей покачал головой и вытянул ноги, внезапно (вот тебе человеческая психология) осознав, что порядком устал, а протопано вообще-то немало. Ноги тихонечко гудели, резонируя с гудением головы. Заломило спину.

Потянулся, наслаждаясь усталостью и болью в мышцах, раздумывая, что даже повторить подвиг Яны ему сейчас было бы тяжело, и несколько раз глубоко вдохнул. Покемарить бы часик.

– Ты еще засни. – Девушка в несколько прыжков спустилась с холма и оказалась рядом, присаживаясь на корточки. – Совсем здорово будет для этих солдатиков, что тебя ищут.

– Ты умеешь настроение поднять. – Андрей приподнялся, усаживаясь повыше, а Яна бухнулась рядом, прислоняясь к его правому плечу.

– Расскажи мне про этого капитана.

– Ну, – Андрей задумчиво скосил взгляд и машинально нащупал травинку, – мудак порядочный, это для начала.

– Что вы не поделили?

– Чего? А, не поделили... Да ничего. Понимаешь, просто он не совсем вписывается в мою картину Российской армии, как офицер, да и вообще как человек. Такое чувство, словно он из каменного века, что ли. Или из Средневековья, скорее.

– Он на тебя наехал?

– Полное несоблюдение субординации и возложенных полномочий. В одной только беседе с ним я мог бы при желании зафиксировать штук пять нарушений протокола и инструкций. А если все, о чем он мне там наболтал насчет базы и его власти на этих территориях, хоть наполовину еще и окажется правдой, – Андрей хмыкнул, представляя, какой фурор мог бы вызвать его рапорт в штабе новосибирского командного округа, – вообще тушите свет. Это ж беспредел. Понимаешь, по роду профессии официально я вообще-то наделен необходимыми лицензиями и полномочиями, чтобы...

– Знаешь, Андрей, – неожиданно прервала его Яна, глядя в небо. Она села поудобнее, забросив ногу на ногу, и далеко сплюнула, – в чем твой главный и, возможно, единственный, хотя и очень большой недостаток?

Ага, и она туда же. Еще один любитель покопаться в его внутренностях. Вот сейчас как... Но вместо этого.

– Ну и в чем? – стараясь вложить в эти четыре слова всю небрежность человечества.

– Нудный ты, Андрюха. Только не обижайся. – Она протянула руку и потрепала его по рукаву. – Это так, взгляд со стороны. Но правдивый.

Гонзо, сидевший на левом плече, тихонечко прыснул Андрею в ухо.

– Ты все твердишь, «понимаешь» да «понимаешь», так вот пойми и ты. Ты увяз в том, что считаешь своим видением жизни, ясно?

– Ты что, меня лечишь? – Андрей отстранился, но Яна снова поймала его за рукав и притянула обратно. – Лучше не стоит.

– Да брось ты. Пойми, ты попал в настоящий мир, пусть и отличающийся от привычного. Что с того? Военный дядечка не имеет права так поступать? Так пристрели его, это ж тут принято. Субординация... Эх, тебя б на месяц-другой в деревню пожить...

Андрей снова хмыкнул, еще не хватало, и скосил глаза на рассуждающую в небо Яну.

– Субординация. Ха! Ты играешь в шашки шахматными правилами и удивляешься, что же не выходит, и именно в этом твое занудство! – Андрей едва не присвистнул, остается сказать – «ну и ну»! Но Яна только продолжала: – Ты не можешь жить проще, так, как оно из жизни выходит-вытекает, ты привык жить так, как считаешь правильным, и точка. Ты упертый, а значит, нудный.

Ага, а слов «принципиальный», «логичный» и «рациональный» она не знает.

– Ты вот прешься за своими бабками, думаешь, что все хорошо, а тут бац! Появляюсь я. И что, слабо тебе меня с собой взять, потому что это в правила не входит. В какие правила, мужик? Тут мы твоего должника вмиг вдвоем раскатаем и без всяких протоколов. Ты еще терзаешься, онанизмом душевным занимаешься – а так ли правильно то, что я делаю? А все ли хорошо? Чего ты лишний раз голову греешь, а? Ты деньги по профессии отнимаешь, так? Вот так пойдешь и отними! Нужно будет – вместе пойдешь! Захочешь, по протоколу. Все одно работу ты свою сделаешь и богаче станешь, а и меня в довесок...

– Я на Россию работаю, а не...

– Да плевать! Хоть на тетю Галю, все равно! Ты ведь идешь за мной по тропе, а все думаешь, как бы избавиться, да? А я вот и подумала, играй ты по местным правилам, давно бы меня шлепнул и в кусты оттащил, а так я тебя даже не боюсь. Ты же другой, правильный.

Андрей пожал плечами, пальцы крутили травинку. Чего ей надо?

– Проще будь, – протянула она, – и совсем идеальным будешь. А там, – она хихикнула, – я, глядишь, тогда за тебя и замуж выйду.

Андрей поперхнулся, а она села к нему лицом. В глазах Яны скакали озорные искорки.

– Ты ж можешь! Попроще, чтоб без лишнего, а? Чтоб жизнь, что вокруг, ловить, словно воздух или течение там, глаз на мир не закрывать и от этого жизнь свою строить, а? Не как с утра задумал, а как покатит? Ну, не говорю, конечно, что задумывать не стоит, только...

Да, Андрей покивал, неохотно, медленно, глядя в землю между ног. Пожил вот по правилам, с открытыми глазами. Как покатило. В людей вот пострелял, женщин, детей там... Он что, в эту поездку отправился, чтоб философию жизненную поменять или жить научиться?! Попроще? Хотя кто знает...

– Или ты такой только когда пьяный? Ты ж со мной переспал, хорошо было? Мне – да! Ну да ладно, я тебя жизни учить-то не буду, не мое это дело, явно. А дома-то, в городе твоём, поди, жена есть? Дети, может? Как вот теперь увяжешь по принципам?

Андрей усмехнулся, поднял глаза. Яна сидела рядом на собственных пятках, подавшись вперед всем телом. Андрей покачал головой, промолчал.

– Нет? – Яна была определенно удивлена, но уже в другой миг в ее глазах появилось что-то иное. – Ну, подруга, невеста, там?

И снова Андрей не ответил, лишь покачав головой.

– Ага! – вдруг сказала Яна таким тоном, будто ей все-все теперь стало понятно, и Андрей явственно ощутил, что именно сейчас она перешагнет допустимую грань. – Так вот потому-то, наверное...

Андрей поднялся на ноги, сжимая в левой руке ружье, едва не сбросив Гонзо. Обернулся к замолкшей девушке, посмотрел сверху вниз, скривил губу, подумал, промолчал вновь. Она поняла, поникла плечиками, опустила глаза.

– Извини, – выдохнула довольно искренне, – занесло...

– Объект, – сказал тихо, чтоб только Андрей услышал, спаситель человечества из неловких ситуаций, – механический. Скорее всего машина, скорее всего легковая, метров пятьсот, за вон тем склоном, ну, куда наша боевая девка по нужде ходила.

Андрей замер, как прибитый к земле, напряженно вслушиваясь в окружающие их небогатые звуки леса. Яна подняла наконец голову, видимо, чтобы добавить что-то еще, но осеклась, всматриваясь в выразительно-напряженное лицо полицейского. Ее рука автоматически нащупала висящий у пояса отцовский обрез.

– Машина, за холмом. – Андрей наклонился, подхватывая рюкзак за одну лямку. –

Идем быстро и тихо.

Яна четко кивнула в ответ. Страх, естественный и яркий, мелькнувший в ее глазах на мгновение, лишь на мгновение, теперь ушел. Она поднялась следом.

Вверх по холму, среди чахлах берез, рюкзаки волоком, в руках оружие. Согнувшись едва ли не вдвое, они достигли невысокой вершины, последние метров двадцать до гребня практически преодолев на брюхе. Ковер из опавших листьев был холодным и мокрым.

– Старался не касаться веток, – прошипел Андрей через плечо, – сместись влево и держись чуть сзади, На тебе наш тыл, ясно? Выполняй.

Натянув шапку до бровей, Андрей ползком, подтягивая за собой тушку рюкзака, а карабин держа перед собой в левой руке, выбрался на вершину гребня. Яна отползла левее, притаившись в корнях поваленного дерева, и замерла, просматривая лощину. Гонзо юркнул за воротник, вцепившись в него когтями. Андрей выглянул.

Склон холма, более пологий и длинный, чем тот, по которому они только что поднялись, плавно убегал вниз, превращаясь в узкую, охватывающую холм равнину, метров через пятьсот которой снова начинался лес. Справа по склону еще гуще росли березы, там холм, на котором лежал Андрей, изгибался, перерастал в другой, и так дальше на север.

По равнине, с севера на юг, у дальней ее стороны, практически на опушке леса, проходила проселочная дорога, прямая и разбитая дождями. По ней-то сейчас и полз темно-зеленый джип, замеченный Гонзо. Полз, смешно переваливаясь на ухабах и встряхивая кегли четырех черных силуэтов, сидящих внутри. Полз медленно, но уверенно, чтобы через минуту-другую остановиться возле высокой армейской палатки, разбитой прямо у дороги как раз напротив того места, где лежал Андрей. Правой рукой нашарив карман, Андрей выдернул из рюкзака бинокль.

Палатка была не одна. За ней, высокой, в рост, а то и выше, так похожей на дом, расположились еще две поменьше, обычные спальные. Чуть дальше сиротливо торчал в поле туалет. Рядом с главной палаткой в землю была вкопана здоровенная бочка с питьевой водой, ряд шестов с антеннами наверху, стол и легкий навес. За палатками стоял, прикрытый маскировочной сеткой, еще один джип.

Андрей поднял к глазам бинокль, настраивая дистанцию. Машина приближалась к посту, где ее уже встречали двое парней в камуфляже и касках, с автоматами наперевес, они размахивали руками и что-то радостно кричали. Вот полог палатки, скорее больше похожий на дверь, откидывается, и из нее выходит третий, без куртки и автомата, торопливо разворачивая на уши отвороты кепки. Машина приближается, останавливается, появляются пассажиры и... Андрей замер, ожидая, что вот сейчас из-за высокого кузова выйдет своей ленивой походкой Шелест... их четверо с водителем, солдаты, без оружия. Начинаются приветствия, братания и дружеские объятия. Машина что-то привезла, и вновь прибывшие не медлят продемонстрировать собратьям тяжелые упаковки пива. Крики радости слышны, как кажется, даже на холме.

Андрей отполз немного назад, оттянул карабин, шикнул, привлекая внимание Яны. Та резко обернулась, внимательно слушая. Андрей хлопнул себя по плечу, поднял правую руку с разжатой пятерней, опустил, поднял четыре пальца и одним подвигал. Сложил ладони домиком, затем провел рукой на уровне земли, показал два пальца. В ответ Яна лишь подняла брови и наклонила голову.

– Она не понимает, дубина, – прошипел Гонзо, и Андрей удрученно хмыкнул. – Перестань, до них полкилометра, параноик.

Собственно, да, чего это он?

– Солдаты. Восемь, возможно, девять человек, – громко зашептал он, – полевой лагерь и две автомашины.

Вместо ответа Яна лишь гневно нахмурилась, спросив в свою очередь:

– Ты чего, на войне был, что ли?! Размахался пальцами!

– Дура.

– Чего?!

– Вправо, говорю, отходить будем, по холму, держась лощины. Отползай.

Они оставили гребень, спустившись пониже, и влезли под рюкзаки. Яна сняла обрез с ремня.

– Ты сможешь стрелять? – внезапно спросила она. Андрей поднял взгляд. – Просто хочу знать, ты меня прикроешь... если придется в них стрелять?

– Да... Пошли.

– Стой! Ответь четко. – Андрей, почти поднявшийся на ноги, замер, обернулся. Помедлил, облизнул пересохшие и обветренные губы:

– Да, смогу.

Яна кивнула и встала на ноги:

– Идем метров по сто, потом поднимаемся выше, смотрим, как дела. Спуск и снова вперед, под ноги смотреть, не хватало сигнальной ракеты в небо. Ясно? Хорошо, двинулись.

Они двинулись, непроизвольно оглядываясь и сжимая в руках ружья, стараясь не задевать деревьев и глядя под ноги. Яна шла впереди, Андрей сзади, чуть левее и выше. Шагов через сто он догнал девушку, жестом велел оставаться на месте, а сам осторожно, снова упав на брюхо, полез на гребень. Далеко он не уполз.

– Андрей! – Он обернулся, вскидывая карабин. Яна сидела на корточках, что-то разглядывая в корнях березы. – Посмотри!

Но, спускаясь обратно, Андрей уже знал, что нашла девушка. А когда Гонзо внезапно дернулся на плече, втыкаясь в ухо мокрым носом, понял, что они только что очень сильно влипли.

– Внимание, электроника! – сказала крыса, но Андрей видел все сам.

– Что это? – спросила Яна, отодвигая стебли жухлой травы от едва различимой в корнях серой пластмассовой коробочки. Андрей скатился по листьям, подхватывая прибор.

– Вот зараза! – в голос ругнулся он. – Датчик. Скорее всего мы обнаружены. Черт, ну как я мог подумать, что они вокруг лагеря этого дерьма не раскидают?! Определитель температуры и массы давления на грунт с передачей голообраза на идентификатор? – спросил он налево.

Яна уставилась на него, словно на безумного:

– А я-то откуда это знаю?

– Да я не тебе!

– Да, он.

– Что?! – не отстала девушка.

Андрей сжал зубы и с маху вцепил датчик в березу.

– Слушай меня, быстро! – Он вцепился в рукав Яны, притягивая ее к себе. – Идешь на север, к гребню не подходи, ясно? Проходишь двести шагов, высовываешься и стреляешь в сторону лагеря, ясно? Ясно?! – Она замотала головой, словно позвоночник размяк. – Тогда пошла! Быстро!

Толкнув девушку в плечо, Андрей рванулся к вершине холма, поскользываясь и пытаясь на ходу дотянуться до лежащих в нижнем клапане патронов. Не дотянулся. Выполз на вершину, отбросил в траву бинокль, слыша за спиной хруст ломаемых Яной веток. Девушка бежала прочь.

Хорошо. Андрей поудобнее раскинул ноги и поднял «Волкодава», заглядывая в прицел. Так и есть. Прибывшая машина сошла с дороги, разворачиваясь к холмам, а за ней цепью бежали трое, водя стволами автоматов по гребню. Еще двое автоматчиков засели у палаточного лагеря.

Значит, в машине двое-трое. Первый выстрел – и они начнут палить в ответ. Андрей плотно прижал прицел к глазу. Яна прошла шагов пятьдесят, так? Радиатор джипа мелькнул, подпрыгивая в прицеле, и Андрей выстрелил. Хлопок, треск металла, и машина встала посреди поля, дымя, словно печь.

А еще через миг свинцовый дождь накрыл склон, срубая ветви, срезая тонкие стволы и взрывая дерн. Андрей вжался в землю, ловя в прицел новую цель. Солдаты высыпали из

машины, трое, сразу начав лупить по холму. В трескотне очередей Андрей разобрал тяжелый басок ручного пулемета. Твою мать.

Несколько пуль легли до опасного близко, сверху сыпались листья и ветви. Солдаты бежали, пригибаясь, растянув цепь. Вот старший с сержантскими лычками, здоровый, с пулеметом, что вырвался вперед. Нога в прицеле, выдох (этих-то звери не съедят, будь уверен), выстрел. Пуля вошла в зеленую штанину, высекая искру, сержант покачнулся, едва не упал, но снова выпрямился и ответил. Точно, практически накрыв Андрея, словно вычислил траекторию обстрела, заставляя вжиматься лицом в пахнущую плесенью Листву.

– Киберноид, – подвел черту, как он это любил делать, Гонзо.

Ага. Я заметил. Этого не хватало – напичканный имплантатами здоровяк, настоящую живую часть которого можно найти лишь методом проб. Тяжело раненный в последних войнах доброволец с подходящими физическими данными, согласившийся для сохранения собственной жизни на рискованный эксперимент Министерства обороны и кибернетики.

Андрей перекатился вправо, едва не задавив Гонзо – пусть сам позаботится, – и снова вскинул карабин. Прицелился и неспешно начал стрелять. Не торопясь, тщательно выстегивая бегущим к холму солдатам ноги и руки. Упал один, второй, третий.

А потом бухнуло и подбросило в воздух, наполняя голову звоном, рот привкусом крови, а глаза заливая темнотой. Когда Андрей пришел в себя, кое-как, все еще туго соображая, он лежал ниже собственной позиции, заваленный обломанными ветками и комьями мерзлой земли. Голова раскалывалась, из носа шла кровь.

Вторая граната рухнула метрах в десяти левее, взрывая землю и деревья, поднимая стены листьев. Андрей подтянул отлетевший карабин за ремень и ползком сместился еще правее. Привстал, чувствуя, что еще немного и может потерять сознание, и рванулся на север, налетая на березы. Накрывшая его ударная волна была сильна настолько, что стрельбу Яны он разобрал далеко не сразу.

А девушка начала стрелять, усердно перезаряжая обрез, просто так, в сторону солдат, зная, что все равно не добьет, но перетянув огонь на себя. Солдаты снова перестроились, раненые пытались отползти к лагерю или за подбитую машину. Оставшиеся развернули фронт и, ведомые киберноидом в сержантской форме, двинулись на новый очаг огня, не переставая стрелять ни на секунду. Лес над головой Яны начал редеть, скашиваемый пулями, словно рожь.

Андрей увидел это лишь еще метров через двадцать, поднявшись к гребню снова, уже не прячась. А у палаток вдаль двое разворачивали гранатомет. В сторону Яны. Андрей подбросил карабин, понимая, что выстрел будет лишь один, а потом его снова сметут со склона огнем.

Гранатомет был старым, начала века. «Барсучонок», пятидесятимиллиметровый, однозарядный, казнозарядный, на треноге, низкий, похожий на спрессованный станковый пулемет. Наводчик разворачивал турель, а второй солдат уже готовился швырнуть в ствол гранату. Андрей подбросил к лицу рассеченный трещиной прицел и выстрелил, понимая, что при такой дистанции и без специальных поправок шансов попасть у него примерно как стать президентом Луны. Выстрелил, молясь про себя. В гранату, зажатую в солдатских пальцах. Чтоб двоих...

И конечно же, не попал. Пуля вошла заряжающему в руку, едва выше кисти, практически срезая ее. Солдатик завопил так, что стало слышно даже здесь, и завалился навзничь. Все таки удачно дал, из «Барсука» стрелять пока не будут – второй стрелок, тот паренек, что вышел на улицу без куртки, бросился к раненому, затравленно озираясь по сторонам.

А Андрей рухнул на землю, под сыплющиеся на голову ветви. Но цепь, редкая и длинная, все же остановилась, поняв, что попала под двойной обстрел. Солдаты, и даже сержант, попадали в траву, принявшись беспорядочно поливать склоны свинцом.

Андрей отполз, поднялся, шатаясь, и побежал на север, на редкие хлопки Яниного обреза. Ветки и стволы берез хрустели под ногами, красноватая пелена застилала глаза.

Но ничто, как говаривал Синяя Борода, не длится вечно, и вскоре потоки огня стали утихать. Солдаты, вслепую огрызаясь короткими очередями, перегруппировались и отошли к машине и раненым.

– Яна! – Андрей бежал, почти не глядя под ноги. – Не стреляй, это я!

– Сюда! – Голос подвел девушку, сорвавшись на высокой ноте. – Сюда, Андрюша!

Андрей свернул левее, поднялся среди деревьев, едва не повалившись на девушку.

– Я уже боялась... ты чего?! Ты ранен?! Андрей?! Андрюша?! – Тот помотал головой, приваливаясь к неожиданно объявившейся среди берез сосне. – Я думала... они гранатами стреляли... там гранаты!

Он только кивал, стараясь как можно быстрее прийти в себя.

– Аптечка... – протолкнул он через запекшиеся, измазанные кровью губы, – сзади. Дай...

Она бросилась выполнять просьбу, уже через секунду суя ему в руку футляр.

– Гонзо, чего мне сейчас? – Тишина. – Гонзо?

– Ты чего, Андрюша? – Она склонилась, озабоченно заглядывая в лицо.

– О нет! – Андрей откинул голову на рюкзак. – О нет...

Киборга на воротнике не было.

– Нужно уходить, скоро будут вертолеты – Андрей выдернул из аптечки стимпак, бегло взглянул на показания, резко ударил в кисть, чувствуя, как вливается в тело спасительная химия. – На север, а там свернем к западу, вон к тому лесу. Только вот...

Он тяжело поднялся, подбирая ружье.

– Они ведь проследить могут...

– Ты чего задумал? – Яна повисла на руке.

– Ты сама сказала – проще надо быть. – Он вырвал руку и пошел к гребню, поднимая ружье. Звон в голове утих, но слышал он еще плохо, да и зрение не окончательно вернулось. Упав на ее позицию, кстати неплохую и прикрытую камнем, среди стреляных пластмассовых и картонных гильз, он прикинул к прицелу.

– Ты... что... делаешь...

– Прикрываю отход, – выдохнул он, ловя в прицел отползающих от машины к палаткам, уцелевших в наступлении солдат. Первый в прицеле. Выстрел. Солдат дернулся, хватаясь за бедро и роняя автомат, закричал, остальные снова попадали на землю, начали беспорядочно и бегло стрелять. Пыль, да и только.

Второй. Выстрел. Пуля взрыла землю в полуметре от затянутой в камуфляж ноги. Мимо. Андрей нахмурился, торопливо и дергано прицеливаясь вновь, а солдат из прицела тут же рванулся в укрытие, под спасительные очереди пулемета. Прицел, палец сгибается на крючке, и в осеннем воздухе далеко разносится сухой щелчок.

Пусто. Андрей оторвался от трубки прицела, грозно рассматривая непослушное оружие. Солдаты отошли за машину, выстрелы почти прекратились. Андрей уронил голову на приклад.

– Андрей, – голос Яны из-за спины, – что ты делаешь? Уходим, скоро будут вертолеты!

Она на грани. Еще чуть-чуть, и она сорвется, сломается – слишком много стрельбы. Андрей отполз от гребня, сплюнул, чувствуя вязкость слюны, и сел, опираясь на «Волкодава».

– Я сейчас пробую... а-а-а...

Его вырвало, тяжело и долго, остатками завтрака и выпитой на привале воды. Яна стояла рядом, склонившись и беспомощно сцепив пальцы на руках. До боли.

– Идти можешь?

– Да... – через силу и гул в голове, больше читая по губам, чем слыша, что говорит девушка, – уходим...

Андрей поднялся, опираясь на ружье и ствол дерева. У них есть не более получаса. Потом новая группа, погоня. Киберноид скорее всего пойдет по следу – эти отморожки вообще ничего не боятся, полагая себя мертвыми уже давно – их этому специально учат, так

что... Скоро будет вертушка, а то и не одна. Уходить.

Андрей забросил карабин на плечо, поправил рюкзак, изо всех сил гоня прочь накапывающую волнами головную боль. Отер губы перчаткой и посмотрел на девушку:

– Мы побегим. На север. Через полкилометра сворачиваем и очень быстро пересекаем равнину. Входим в лес и движемся на северо-запад, дальше ведешь ты... Быстро, Яна, не обращай внимания на усталость, ясно?

– Не учи – умею! – Она явно на взводе. Андрей кивнул:

– У нас полчаса. Пошли.

И они побежали. Побежали, почти как вчера бежал Андрей, задыхаясь холодным воздухом и молясь, чтоб нога на склоне не подвернулась. Побежали, зная и прекрасно представляя, как режут сейчас лопастями плотный осенний воздух вертолеты. Побежали, ломая ветви и слабые деревья, не оглядываясь и плотно сжимая зубы.

Было тяжело, было плохо, Андрей бежал, что говорится, на автопилоте, справа от Яны. Не разбирая дороги, стараясь лишь не угодить глазом на ветку и не рухнуть в незамеченную яму; бежал, придерживая пустой карабин, сражаясь с пеленой и цветными кругами, наполнявшими голову. Изредка оглядывался на сверяющуюся по ручному компасу Яну, сворачивал следом и уворачивался от хлеставших веток.

И снова бежал, матерясь про себя и шумно дыша. Бежал.

Березки, осины и кусты. Склон, еще один, целая лестница из склонов, потом вниз, через плотный кустарник, хватающий за рюкзак и руки. Снова вверх, ложбина, налево, за девчонкой, снова вверх. Воздух – как жидкий огонь, ты вдыхаешь, и легкие сгорают. Воздух как вязкая стена – ловушка для беглецов, ты бежишь и все больше вязнешь, замедляешься и клонишься к земле. Чтобы упасть. Но они бежали.

Глава 13. Реальность?

Щелк. Штекер выходит из разъема. Приглушенный голос. Что?

Мир наполнялся реальностью медленно, неохотно. Краски обретают глубину, предметы объем, а голоса разборчивость. Из разноцветного хаоса медленно выныривают монитор, системный блок и виртуальный ускоритель.

Андрей застонал и откинул голову на спинку кресла.

– Ну, что такое? – Она сказала это так, как умела только она – нежно и в то же время сильно. Отличная из нее выйдет мать. – Расстроился?

Андрей не ответил, затекшими руками стараясь снять шлем. Комната наконец обрела четкость, голова перестала кружиться. Она помогла. Придержала шнуры и осторожно положила шлем на край стола. Прикоснулась прохладной ладонью к щеке:

– Ты долго сегодня...

Он снова не ответил, кивнул головой. Пошевелил пересохшими губами и дотянулся до маленькой, предусмотрительно ею поставленной под монитор бутылочки минеральной воды. Застонал довольно, жадно глотая холодную жидкость, левой рукой расстегнул ворот нейрокомбинезона. Она снова наклонилась из-за плеча, волосами касаясь лица, а губами проведя по уху.

– Я была в спальне, уже ложилась. Потом вдруг подумала, что хочу тебя дождаться, не засыпала... Потом устала ждать... пришла. Ты сердисься?

Он улыбнулся, отставляя бутылочку, и поднял руку, нащупывая над плечом ее щеку.

– Конечно нет.

Она поцеловала его в шею, провела рукой по груди, пальчиками перебирая вшитые в комбинезон провода, зашептала в ухо:

– Снимай эту гадость и мигом в ванную. У тебя пять минут. А потом я просто сплю, ясно, солдатик?

Все было ясно, и Андрей спешно поднялся, сбрасывая нейрокомбинезон и отстегивая остальные разъемы. Светка, более ничего не говоря, развернулась, легкая и невесомая в

светло-бирюзовой ночной рубашечке, и уплыла на их кровать, весьма однозначно покачивая задом.

– Я проиграл, – бросил ей вслед Андрей, сражаясь с молнией, – нас с напарницей догнали на полпути...

Она обернулась на пороге спальни, обернулась, понимающе улыбаясь, и невзначай потянула пальчиком лямку рубашки, заставляя ее соскользнуть с плеча.

– Бывает, солнце мое, это бывает, ты только вот сейчас не опоздай... – Она улыбнулась и скрылась в спальне. – А то завтра обоим на работу...

Андрей взвыл, дергая заевший замок комбинезона. Лес на мониторе стал гаснуть, терять четкость и реальность.

Глава 14. Мутанты

– ...Вот изжарю тебя в печи да съем и на косточках покатаюсь.

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».

Русская народная сказка.

Яна даже не толкнула – ударила в плечо, вырывая из такой мягкой и дружелюбной темноты сна. Андрей разлепил глаза, тут же снова зажмуриваясь от накатившей в голову боли, проморгался, поднялся на локтях, поправляя завалившийся за спиной рюкзак.

– Я заснул?

– Да! – немилосердно фыркнула Яна, осматриваясь по сторонам. – Когда я считала, что ты принимаешь решение, погружившись в необходимые размышления!

– Ох, не надо. – Андрей помассировал лоб. – Сейчас что-нибудь придумаем... Мы же все равно решили сделать привал...

Она снова фыркнула, отвернулась, кладя обрез на колени, а Андрей потянулся, разминая гудящие ноги, и хрустнул пальцами. Поднялся с земли, потирая замерзшую задницу, и сделал несколько шагов, ощущая, как сильно устал и болит все тело. Присел несколько раз, помахал руками и подошел к знаку, еще раз внимательно вглядываясь в переплетение ветвей, металлических прутьев, перьев и костей.

Хороший был сон, добрый. Там стрельба была ненастоящей, а на лесных тропах не висели жуткие символики. В нем Светка еще не ушла, все было здорово и тепло. Одна спальня, одна жизнь. Она рядом. Хороший сон. А эта злючка, что сейчас даже в его сторону не смотрит, на самом интересном моменте...

Андрей протянул руку, осторожно касаясь вплетенной в железные жгуты мертвой птицы. Покачал головой. Принимаешь решение... Хм.

Яна сплюнула на землю, громко и демонстративно. Она еще не отошла, готова рвануть, словно мешок гексогена, но по виду отдохнула – дыхание после бега в норме, лицо не такое красное, даже вот кусается. Хотя она всегда кусается. Она повернулась к нему, упорно глядя мимо знака:

– Ну?!

Загну, хочется ответить. Но Андрей смолчал, продолжая трогать знак, словно так, через прикосновение, рассчитывая понять и прочувствовать сущность разумов, его создавших. Прочитать послание и настроение живущих тут людей. Или не людей.

– Значит, ты говоришь...

– Да, я говорю – мутанты, что в этом непонятного?!

Андрей пожал плечами и повернулся к девушке:

– Ну, допустим, я мутантов никогда не видел и даже не представляю уровня местных биологических изменений. У них что, четыре ноги, зубы на животе и они едят маленьких детей?

– Да вроде нет... – Яна бросила осторожный быстрый взгляд на знак – подвешенный между деревьев на тропе символ – железо и кровь, дерево и кость, и снова отвела глаза. –

Просто люди... отличающиеся от нас с тобой. Живут вот в таких местах и не хотят, чтобы их трогали. У них с военными соглашения вроде существуют, что их на этих землях не трогают, а они их не покидают. У них там деревни, поля небольшие, но им, наверное, хватает.

– И чужаков они не любят?

– А ты бы на их месте любил?

Верно. Но, если вспомнить последние пару часов, выбора особого у них сейчас не было. Прорыв на север, свернули на северо-запад. Видели вертушку, потом она шерстила окрестные леса, заставляя вжиматься в канавы. А по их следу, оставляя за собой электронные маячки, наверняка шел не знающий усталости киберноид – недорогая и примитивная, но эффективная машина войны.

– Мы пройдем через эти земли.

Яна поднялась на ноги, и по ее виду сразу было понятно, что ждала она совершенно другого ответа.

– Ты же сказала мне, – Андрей подхватил рюкзак, – принимай решение. Вот оно. У нас нет ни времени, ни возможности делать крюк, обходя резервацию, какой бы маленькой она ни была. А земля мутантов наверняка вышибет патриотизм и рвение из некоторого числа наших преследователей. А то они и вообще решат, что мы не отважились пересечь леса резервации, да свернут. Источников радиации нет, фон в норме, опасность химического заражения повыше, но незначительна – это просто место, где живут странные люди. Мы прорвемся, быстро и незаметно, выйдем с другой стороны и свернем на запад, мимо Болотного, ясно? И прочь страхи.

– Ты... ты просто их не видел.

– Клыки на животе?

Яна стиснула зубы и отвернулась, возясь с лямками. Андрей поднял карабин. Четыре патрона, последние, это единственная (если не считать работающего через раз обреза) реальная огневая мощь, оставшаяся в их распоряжении. Вертолет, конечно, больше гонять не станут, а вот то, что по их следу идут люди, знающие местность и готовые стрелять, не оставляло сомнений. Плюс сержант блокпоста с ручным пулеметом.

Андрей стволом отодвинул в сторону подвешенный на жилах знак и ступил на тропу.

– Идешь? – Яна молча скатилась с пригорка и двинулась следом. – Держи направление.

Граница, какой бы она ни была – государственной или районной; морской или проложенной через дом, тем не менее всегда оказывает очень интересный эффект, если ты о ней знаешь. Вот ты прошел незримую черту, переступил, и все. Ты в другой стране, комнате, мире, земле. Ощущаешь это, чувствуешь. Это окружает тебя.

Казалось бы, что изменилось? Тот же лес вокруг, те же склоны и кусты, редкие ручьи, негустые заросли, поляны и овраги, но люди, не сговариваясь, пошли медленнее, стараясь не хрустеть ветками и осматриваясь по сторонам с удвоенной силой. Андрей шел впереди, иногда оглядываясь и спрашивая подтверждение на маршрут, но Яна только кивала – тропа шла в нужном направлении. Окружающая тишина стала более плотной и вязкой, напряженной, пугающей и чужой. Птиц и так не было, но отсутствие их четко ощутилось только сейчас – полная пустота воздуха, роковая мертвость неба.

Скорость снизилась, но ускорять шаг никому не хотелось. Холмы по правую руку от тропы стали выжидающе-враждебными, они, казалось, рассматривали чужаков, между собой решая, какой вынести дерзким приговор.

Прошли еще один знак поменьше, словно очередное, последнее напоминание – если вы не уверены, хотите ли идти дальше, может, стоит повернуть? Андрей вновь отодвинул висящий над тропой знак стволом карабина и двинулся дальше. Яна сопела за спиной, на этот раз отнюдь не горя желанием быть проводником и идти первой.

Лес что-то таил в себе. Таил, не торопясь открывать эту тайну людям. До поры.

– Ты уже общалась с подобными? – Андрей понял, что неосознанно понизил голос.

– Пришлось пару раз. Они останавливали караван нашей семьи, чтобы узнать, куда мы направляемся, и поменяться вещами. Странные и пугающие, фу, ты их увидишь – сам

поймешь, я не могу объяснить. Уроды.

– Это не их вина.

– Это не делает их прекраснее. Уроды, вот увидишь. Вдобавок обозленные на весь мир за собственные беды. Не просто так, конечно, но... Слабейшие из них кочуют по лесам, добывая пропитание самыми разными, – Яна замялась, сглатывая комок, а Андрей вздрогнул, – способами, пока на них не выходят специальные армейские команды. Те, что посильнее, собираются в общины и живут, стараясь не обращать внимания на свое убожество. Они, эти вторые, просто молодцы, я считаю, но уродами все равно остаются.

Андрей кивнул, запоминая, и продолжить беседу не решился. Тропа вдруг резко свернула направо, и они остановились, рассматривая редкую стену деревьев на пути.

– Нам туда, – повертев головой, заявила Яна, тыча рукой в лес.

– И это даже хорошо. – Сказать честно, Андрей был просто рад убраться с простреливаемой, а главное, куда-то ведущей тропы. – Ну, потопали?

Не оборачиваясь, он шагнул меж деревьев.

Они двинулись через лес, мертвый, тихий, пустой, но наблюдающий, как казалось обоим. Сверху – тишина, под ногами – сухой хруст мертвых листьев.

Шаг за шагом, вверх по склонам, вниз по склонам. Яна пришла в себя, примолкла, на редкие и скупые вопросы Андрея отвечая еще более редкими и скупыми фразами. Обоим было не по себе. Лес давил, пугал, а перед глазами стоял сплетенный на крови птицы из железа и дерева знак, единственной задачей которого было – остановить идущего по тропе.

Они же прошли, не остановились. И понимали, что в любой момент могут за это заплатить. Вперед и вперед, обходя стороной заброшенные деревни и одинокие разрушенные постройки, пересекая поляны и старые железнодорожные пути. Останавливаясь как можно реже, чтобы скорректировать направление по компасу и закатанной в пластик карте. Они знали, хоть и не говорили этого вслух, что резервация еще не кончилась – для этого они должны были наткнуться на еще один из защищающих территорию знаков с другой ее стороны. Хоть в глубине и слепо надеясь на это, что проскочили, не заметили. Зря.

Вперед и вперед, километр за километром, до тупой, схватывающей икры ног боли. До мозолей и обожженной холодом глотки. Вперед, косясь на датчики загрязнения, в слабой надежде заметить превышение нормы и повернуть. Но датчики молчали, и они шли, пробивая лес насквозь, подавленные и угрюмые, за следующие полтора часа лишь один раз остановившись на привал, чтоб раздавить упаковку мяса и запить его глотком водки.

А затем наткнулись на хозяев.

Прятаться было некуда – до опушки, с которой они вышли на эту длинную поляну, было не менее двадцати шагов, кустов нет, трава, покорная осени, попадала ниц. Так и замерли в чистом поле, когда, оторвавшись от противоположной опушки, метрах в пятидесяти от них на поляну вышли шесть человек.

Андрей остановился как вкопанный, вскидывая карабин и прокручивая в голове десятки вариантов дальнейших действий. А Яна, собравшаяся было выматериться ему в спину, замерла и со сдавленным стоном отшатнулась, готовая сорваться к лесу.

– Стой. – Андрей постарался, чтобы тон предупреждения не сработал спусковым крючком к старту. И больше ощутил, чем увидел, как Яна за спиной обмякла, сейчас скорее готовая упасть в жухлые травы, чем побежать. – Не шевелись. Стоит признать – мы, кажется, попали...

Она снова застонала. Андрей услышал, как щелкнули курки обреза, а люди на опушке тем временем заметили их. Остановились, опуская на землю свою тяжелую ношу – привязанную к жердине крупную, еще не освежеванную тушу – то ли лось, то ли олень, и начали оживленно переговариваться, жестикулируя в сторону незваных гостей. В руках охотников можно было отчетливо разглядеть как минимум одно ружье и пару длинных, в полроста, арбалетов.

– У нас есть шесть выстрелов, – тихо сказал Андрей, осматривая место, куда будет падать, если все начнется, – по выстрелу на каждого из них, ясно?

– Чего ты мне все «ясно» да «ясно», а? – раздраженно ответила девушка, подходя справа и пристально всматриваясь в охотников. – За дуру держишь, что ли? Конечно, вижу.

Андрей промолчал, усилием воли заставляя себя не реагировать на тон Яны. В конечном счете она как бы права... Но все-таки.

– Ты стреляешь последняя. Сначала я бью типа с ружьем, затем арбалетчиков, а если они пойдут на ножи, начнешь стрелять и ты. Чтобы не попасть в одну цель вдвоем, стреляй после моей команды... ясно?

Яна кивнула, нервно облизнула губы. Ее пальцы скользили по ложу обреза, трогали скобу, прикасались к спусковому крючку.

– Они идут, – сказала она, и Андрей собрался, находя глазами человека с ружьем.

А охотники и вправду приближались. Оставив свою ношу возле леса, они вытянулись цепью. Арбалеты на флангах, но смотрят в небо, ружье в центре сразу за высоким человеком, вероятно старшим в группе, что шел с поднятыми вверх руками.

– Они идут поговорить? – сам себя спросил Андрей.

– Ну, солдатик, в атаку так точно не ходят... да?

Андрей кивнул, внимательно и напряженно вглядываясь в приближающихся людей. И чем больше видел, тем хуже ему становилось.

– Встань справа и сзади. В случае чего, только спокойно, – он обернулся, ловя ее голубые глаза спокойным, уверенным взглядом, – спокойно ты стреляешь в дядю с ружьем, второй выстрел в арбалет на твоём фланге. Потом беги. Ясно?

Он думал, она опять фыркнет или что-нибудь эдакое ответит, но вместо этого Яна лишь тяжело вздохнула, перехватила выскальзывающий из мокрых пальцев обрез и отошла на позицию. Андрей повернулся к приблизившимся охотникам, его карабин лежал на сгибе левого локтя – чуть-чуть наклоняем, и вражеский правофланговый попадает в прицел. Правую руку он поднял ладонью вперед. Шестеро подошли, остановившись метрах в пяти. И Андрей с очень большим трудом, чего о Яне сказать было нельзя, подавил вскрик. Отвести глаза. Андрей сжал зубы, заставляя себя смотреть не отворачиваясь. Смотреть.

– Приветствуем вас на нашей земле, – сказал высокий, что шел с приподнятыми пустыми руками. И от того вдвойне стало страшнее слышать родную русскую речь от этого, казалось, чужого существа. Высокий улыбнулся понимающе, чуть грустно, всем своим видом давая понять, что все знает и видит, а оттого сильнее. Сколько раз в жизни он проходил через подобное? – Кто вы такие и зачем свернули в резервацию? Вы же знали, что найдете тут.

Он слегка наклонился вперед, приподнимая брови, и Андрей внезапно ощутил себя школьником, перед пронизательным и внимательным взглядом этих светлых глаз. Длинный выпрямился, ожидая ответа, и словно невзначай повернулся, позволяя рассмотреть свою шею слева, практически сразу без перехода и недостающей скулы переходящую в голову, и два уха, одно под другим, прикрытые редкой метелкой жидких волос.

Андрей молчал. Он предполагал, что может столкнуться с подобным, но когда это произошло, не выдержал. Быстро, беспорядочно, жадно он всматривался в окружавшие его лица. Обезображенные, перекошенные, нечеловеческие. Яна за плечом застонала, и Андрей понял, что она отвернулась – напади мутанты сейчас, придется драться одному. Но они не нападали, спокойно выдерживая взгляды. Стояли, словно позировали, подавляя одним видом.

Двойной нос, складки на щеке словно старый полиэтилен, а вот у этого нет левого глаза, просто натянутая через глазницу кожа. Покрытые волдырями щеки, длинные нечеловеческие уши, перекошенные рты. Лишь у одного – низкого широкоплечего крепыша с руками гориллы почти до земли, было более или менее человеческое лицо, лишь необычно высокий лоб и крохотные, широко посаженные глаза. Цветные зрачки – красные и зелено-желтые, лысые и полысевшие головы, странные наросты на лбах, выпирающие кадыки.

И тела. Сгорбленные, кривые и непропорциональные или, наоборот, как у старшего, неестественно прямые. Нет левой руки, вместо нее подергивается странный, замотанный

тряпкой обрубков. Нога с двумя коленами, четыре пальца, шесть. Серая землистая кожа, язвы и рубцы, тонкие бесцветные губы. Вещевые мешки, специально перекроенная, по большей части самотканая одежда, ножи. Длинный улыбнулся, снова наклоняясь к Андрею.

– Вы говорите по-русски? – спокойно, но чуть резковато спросил он.

Андрей кивнул, встретился с ним взглядом. Удержал.

– Говорим...

– Хорошо! – бодро воскликнул старший. Остальные угрюмо молчали, не отводя от пришельцев взглядов. – Тогда я повторю вопрос. Кто вы и что здесь делаете? Это наша земля.

Что им ответить? Сказать, что он государственный служащий? И быть разорванным на куски?! Андрей облизнул губы, вновь осмотрел всех шестерых.

– Мы бежим, – сказал он, напряженно ожидая реакции. Длинный наклонил голову, рассчитывая на продолжение, потер уродливое ухо.

– И от кого? – не выдержал он наконец. – От кого бежите, чтобы осмелиться вступить на нашу землю? Или вы не видели знак?

Гориллоподобный хмыкнул, остальные молчали, сверля Андрея взглядами. Яна за его плечом наконец взяла себя в руки и собралась, вновь готовая к бою. Полицейский пожал плечами и ответил:

– От армейских. – Обреченный стон Яны слился с возмущенным гулом разом оживших охотников. Мутанты зашевелились, бросая друг другу многозначительные взгляды, а длинный нахмурился, пожевывая губу так, что кожа на левой половине лица натянулась, как барабан.

– Вы мародеры? – спросил он, и в его голосе зазвучал металл.

– Нет, – так же просто ответил Андрей, не переставая отслеживать реакцию охотников.

– Воры? Грабители? Сталкеры?

– Нет. – Охотники зашумели еще громче, и длинному пришлось поднять руку, призывая к молчанию. – Мы не грабители, не воры и не мародеры. Мы не дезертиры, не преступники и не контрабандисты.

– Вы не воры и не мародеры, – задумчиво повторил длинный, удерживая взгляд Андрея своим, – но бежите от солдат? Почему? Так быстро, что решились пройти через наши земли? Кто вы?

– А кто вы?! – неожиданно спросил Андрей, не обращая внимания на приглушенные проклятия Яны. – Я вас не знаю и должен оправдываться? Не намерен.

Охотники загудели в голос, а ствол правого арбалета опасно наклонился. Длинный обернулся к своим, что-то вполголоса сказал. Это помогло, и он снова повернулся к людям.

– Ты из Города, – спросил-подтвердил он, – я угадал? – Он покивал, усмехнулся. – Там о нас знают немногие, это правда. Зачем? Ты же теперь и сам видишь, что о нас даже думать неприятно.

– Я этого не говорил, – с вызовом в голосе сказал Андрей.

Тишина. Ожидание. Напряжение.

– Тебе не обмануть меня, человек из Города, – снова усмехнулся старший, – но слышать это от такого, как ты, похвально! Ты мне нравишься, увидевший подобных нам в первый раз.

– Вы мутанты? – прямо спросил Андрей и едва не вскинул карабин, пораженный возмущенной реакцией мутантов.

Старший сжал руки в кулаки и шагнул вперед, прошипев:

– Никогда более не используй этого слова, человек из Города, если хочешь остаться цел!

Андрей не отвел взгляда, кивнул, с облегчением видя, как расслабляется длинный.

– Я не знал.

– Измененные. Так мы называем себя, человек из Города. И это наша земля, мы живем тут давно, и это наш дом. Это ты, должно быть, понял и сам.

– Забавно, – сказал Андрей, глядя в сторону, – в течение одних только суток я от двух совершенно разных человек слышу одно и то же...

– О чем ты?

– Один капитан тоже сказал мне, что это его земля. От него я убежал. Что будем делать с вами?

На поляну снова опустилась тишина, нарушаемая лишь громким неровным дыханием Яны, определенно не одобрявшей затеянную с мутантами игру. Старший долго молчал, прежде чем вновь спросить:

– Как звали этого человека?

– Шелест, и вы это знаете.

Длинный кивнул, устало и тяжело:

– Мы знаем этого человека. – Умолк на секунду, а затем поднял лицо. – Меня зовут Антон. Антон Белохвостов, и я старший в резервации.

Андрей дернул, не обращая внимания на приготовившихся к броску мутантов, с правой руки перчатку и протянул Белохвостову руку:

– Андрей.

Мутант долго смотрел на протянутую ему ладонь. Долго, с недоверием, напряженно, оценивающе, не веря. Яна за спиной материлась, утверждая, что больше спать они вместе не будут. Затем Антон протянул свою ладонь, и они пожали руки.

– Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, Андрей, на какой бы храбрый поступок ты ни пошел, но не бойся, это не заразно. Мы генетические мутанты, отбросы Города, отфильтрованные роддомами и спецкомиссиями, и среди нас очень мало зараженных или прибывших из «жарких» мест.

Он еще раз кивнул, отпустил руку Андрея и отвел свою в сторону, указывая на лес:

– Куда бы вы ни бежали, Андрей, можете пройти через нашу землю. Я не знаю о тебе ничего, кроме того, что наш враг стал твоим. Может быть, ты преступник, может быть, даже охотник на таких, как мы, но если ты сказал правду про Шелеста – путь тебе открыт. Не часто встретишь, даже бандита, человека, так отнесшегося к Измененным.

– Это он от незнания... – еле слышно сквозь зубы сплюнула Яна.

Андрей легко усмехнулся и кивнул Антону в ответ:

– За нами идет погоня. Солдаты, возможно, их ведет специально подготовленный боец – киберноид...

– Я знаю, кто такие киберноиды. – Антон усмехнулся. – Мы не умственно отсталые, Андрей, мы изменены физически...

Андрей почувствовал, как в лицо ударила краска.

– Ну... я хотел сказать, что... в общем, возможно, они пойдут следом через ваши земли... мы хотели...

– На это вы и рассчитывали, да? – прервал его Антон. – Воспользоваться местностью, так сказать.

Андрею ничего не оставалось, как пожать плечами и кивнуть.

– Мы сами разберемся с военными на наших землях, – спокойно сказал Антон, и охотники опять загудели. – Ты и твоя подруга можете идти дальше. Ваш путь на север? Через несколько километров на север наша территория кончается, но не сворачивайте – чужих на этих землях не любят, уходите поскорее. Это не вражда, просто я констатирую факт. Я был рад узнать, что в Городе остались настоящие люди.

Они развернулись, уже собираясь уходить. Спокойные в своем уродстве, приготовившиеся навсегда забыть про неизвестно откуда появившихся странных, ничего о себе так и не сказавших людях из Города.

– Нам нужна вода.

Яна подлетела, впечатывая кулачок под ребра, но мутанты уже снова поворачивались к ним.

– Что?

– Нам нужна вода, я могу заплатить.
– Храбрость и открытость, перетекающие в наглость, уже не являются похвальными качествами, – сказал Антон, хмурясь.

– Это не наглость, это констатация факта, – парировал Андрей. – У вас есть вода?
Охотники зашушукались, заспорили, а Антон надолго умолк, почесывая пальцами подбородок.

– Ты чего, рехнулся после взрыва? Контузило? Идиот, ты что делаешь? Ты змею за хвост мотаешь! – Яна шипела и фыркала, как стая диких и очень обиженных кошек. Андрей смотрел на Антона.

– Хочешь, – не поворачиваясь, сказал он, – уходи. Или забыла?

Она замолчала. Сразу. Отошла назад.

– Хорошая вода сейчас в этих лесах дороже золота, Андрей.

– Я найду чем расплатиться.

Антон поманил рукой:

– Хорошо, Андрей из Города, храбрый и не такой, как все, я смогу дать тебе воды. Вы пойдете с нами. – Больше Антон не оборачивался. Охотники двинулись прочь.

– Ты что, пойдешь с ними? – Яна снова обрела голос.

– Я – да, а ты как хочешь. – Андрей забросил карабин на плечо и пошел вслед за мутантами. – Если что, то пока.

– Ну, нет, – она догнала его на полпути к опушке, – так просто ты от меня не отделаешься.

Охотники вновь взвалили тушу на плечи, один из арбалетчиков ушел вперед, второй прикрывал тыл, в то время как мутант с ружьем постоянно находился возле Белохвостова. Они неспешно зашагали на северо-восток, буквально через пару минут выйдя на тореную тропу.

Антон шел рядом с пришельцами, искоса поглядывая на людей и невольно хмуря брови. За все его тридцать шесть лет жития Измененным или, как говорят все остальные, мутантом подобное происходило впервые. Нужно будет спросить совета у Татьяны.

– Как я уже сказал, мы генетические мутанты, специальными там поправками и всякими высокими постановлениями разрешенные к существованию. – Антон скривился. Было отчетливо заметно, какую боль доставляют ему эти слова. – Отселенные на специальные территории, а проще сказать сосланные, мы были предоставлены сами себе. С 2014 года, после арабских ударов и взрыва под Мурманском, в России сформированы уже более полутора сотен официальных резерваций для Измененных. А уж про неофициальные, вроде нашей, вообще можно не говорить. Ведутся исследования, разработки, а у нас поколения сменяются. Вон видишь, – Антон кивнул в сторону гориллоподобного горбатого парня, в одиночку тащившего конец жерди с тушей, – это Сергей, ему девятнадцать, и он родился в резервации. Новое поколение. Те, кто придут за нами. Уже не измененные природой и человеком, а родившиеся словно новый вид...

Лицо Антона вновь искривила болезненная гримаса. Отряд свернул на развилке, тропа пошла под уклон. Мутант продолжил:

– Сейчас мы живем – это не просто слова, на самом деле живем – смирившись, словно под испытанием Божьим. Строим деревни и рожаем детей, но еще не забыты годы геноцида, когда государство, породившее нас, принялось нас же уничтожать. Жители деревень рядом с атомными электростанциями и молоденькие морячки с подлодок – все мы помним это. Годы атомного бунта, мятежа подчиненной технологии. Ядерный холокост...

Андрей молчал, молчала и Яна, но по-другому – сдерживаясь, кипя внутри. Это пройдет, это просто страх перед тем, что не похоже на привычные вещи.

– Посмотри на нас. Мы не нужны. Мы даже опасны в своей злобе на тех, кто породил нас. Мы жили с матерью в Казахстане, еще до того, как он окончательно отделился от России и сгорел в огне нарковойн. Возле полигона «Гроздь 277», где служил отец, в офицерском

городке. Отец погиб при взрыве, мать умерла через два года в одной из омских резерваций, а я живу. У меня есть ребенок, – Антон закусил губу, – мы будем жить! Будем. Эту общину организовал я. Увел в леса. Договорился с военными, чтоб не спутали нас с бродячими стаями, отвел с троп команды истребителей, построил деревню, завел хозяйство – это наш мир, и каким бы он ни выглядел для других, мы его любим. Защищаем от мародеров, бандитов, байкеров или любителей запрещенного – сталкеров. Эти люди, – он кивнул на охотников, – практически все взрослые мужчины в деревне, способные добывать пищу и держать оружие.

– Сколько вас всего?

– Почти шестьдесят.

Отряд свернул на восток и вышел на длинную равнину.

– За этой равниной наш лес и деревня. Примерно раз в два-три месяца самые... нормальные из нас на вид отправляются в окрестные села, Болотное там и дальше, чтобы запастись тем, что мы не в состоянии сделать сами. Мы горды своим образом жизни и не любим чужаков. Дело в том, Андрей, – он хмыкнул, – что люди извне исследуют нас, даже приблизительно не подозревая, какого уровня изменения происходят с нашими детьми, какими они начинают овладевать способностями и умениями. Мы учимся, читаем, собираем знания по крохам, устраиваем школы – мы верим в наших детей. Изменения и... мутации, Андрей, не всегда уродливы и отталкивающие. – Белохвостов прищурился, глядя на полицейского. – Вот скажи, твоя дочь умеет силой мысли поднимать в воздух стакан с водой или видеть поломанные кости в живом человеке?

– У меня нет дочери...

– Мы горды тем, чем обладаем. Мы живем с Богом и верим, что он испытывает тех, кого любит... Если угодно, мы евреи двадцать первого века...

И сколько бы гордости ни звучало сейчас в словах мутанта, проскальзывающая в них боль была сильнее. Боль и обида. Сможет ли когда-нибудь этот народ изжить подобные чувства, чтобы не обрекать своих детей на бесконечную и неравную борьбу? Андрей не знал. Никто не знал.

Отряд достиг леса и через четверть часа вступил в деревню.

Шок. Вот, пожалуй, то слово, которым можно было наиболее точно описать состояние Андрея, когда они, под приветственные крики женщин и детей, пройдя по единственной улице, оказались на «центральной площади», основной достопримечательностью которой была водочка. Охотники, облегченно крикнув, наконец сбросили тушу на землю, а двое из них бросились к ожидавшим женам.

Постепенно сошелся народ, человек тридцать. В основном женщины и старики, но среди них были занятые разными, не относящимися к охоте работами и несколько взрослых мужчин. Сошлись, одобрительно кивая головами, разглядывая тушу и смеясь, тыча пальцами и хлопая друг друга по плечам.

Что сказать? Можно сказать – сброд, коллекция уродцев, невероятно пугающий и отталкивающий калейдоскоп отклонений и мутаций. Здесь были и двухголовые, и одноногие, и сросшиеся, и безрукие, были трехглазые, горбатые, перекошенные и кривые, были двуполые и бесполое вообще. Были и вполне человеческого вида, награжденные внутренними изменениями, но таких было меньше.

А можно было сказать, что это было собрание людей, глубоко несчастных и бесконечно одиноких в своей неповторимости, живущих вместе для того, чтобы окончательно не потерять человечность. Сообщество смелых и уверенных в себе людей, сумевших здесь, среди дикого леса, из дерева и листового железа построить с два десятка домиков, большое здание для общих собраний, склады, мастерские и церковь. Деревня, в которой, кроме распятого на кресте деревянного Иисуса, людей, признаваемых как нормальные, не было. И даже сын Божий был не таким, как все, – он ведь когда-то восстал из мертвых...

Андрей почувствовал, что земля уходит из-под ног, когда вереница обезображенных лиц и тел завертелась вокруг. А Яна вообще вцепилась в его рукав, упорно глядя только в

землю. Но по-другому было нельзя – последнюю воду выпили еще прошлой ночью, и даже при богатом наборе обеззараживающих компонентов в аптечке решиться пить из ручьев Андрей бы не смог. Он рассчитывал найти фермеров – считай, что нашел.

Постепенно восторги и радость по поводу удачной охоты были исчерпаны, и внимание жителей начало обращаться на незнакомцев – таких правильных и отталкивающе нормальных.

Из толпы выступил мужчина, почти старик, над правым плечом которого торчал безжизненный обрубок третьей руки. Сгорбленный годами и мутациями, он бочком вышел вперед, протягивая сухие пальцы в сторону Андрея и Яны:

– Антон, это новенькие? Где вы их встретили? Скажи нам.

Белохвостов ответил не сразу, внимательно осмотрев толпу и гостей. Еще выше поднял голову, звучно сказал:

– Это не Измененные!

Толпа отшатнулась, а матери принялись закрывать детям глаза. Андрей обалдел, когда разглядел в толпе небрежные, но повторяющиеся жесты – оберегающие знаки, крестные знамения. Яна что-то бормотала под нос, очевидно стараясь не сойти с ума, Андрей шумно дышал. Тогда Антон поднял руки, одним жестом успокаивая толпу и наглядно демонстрируя существующую в поселении власть:

– Тише, братья и сестры! Они здесь не просто так. Этим... людям грозит беда, и я решил помочь. Скоро они покинут поселение, но им нужна вода. Тем, кто в беде, необходимо помогать.

– Откуда ты знаешь, что это не бандиты?! – прилетело из толпы.

– Я поручусь за них! – властно прервал Антон, пронзительно взглянув на гостей. – Я! Андрей, – он повернулся к окруженным пришельцам, – вот водокачка, можешь наполнить свои фляги.

Андрей кивнул, оторвал от руки оцепеневшую девушку, подталкивая ее к колонке, и сбросил рюкзак, доставая флягу. Яна, словно во сне, двигаясь как изрядно поржавевший робот, повторила его действия. Ледяная струя ударила в жестяной слив, обдала веером хрустальных капель, и Андрей наполнил фляги. Спрятал в рюкзак и выпрямился, выжидающе глядя на старшего.

Девушка, пришедшая в себя от холодной воды, торопливо умылась, постоянно оглядываясь через плечо. Андрей, последовавший ее примеру, плеснул себе в лицо несколько ладоней воды. Отерся шапкой.

– Что ты дашь мне за воду, Андрей из Города, о котором я ничего не знаю? – тихо, чтоб не услышали в толпе, спросил Антон.

То, что дальше сделал Андрей, наверняка добило бы Яну, не будь она сейчас такой замороженной. Одним жестом полицейский подхватил карабин, вызвав в толпе резкое движение, когда все вооруженные похватались за ножи, привычно двинул ладонью, отстегивая прицел, и бросил оружие Белохвостову.

– Там всего четыре патрона, но штука неплохая, если экономно. – Он задумчиво повертел в руках прицел, стараясь не поднимать на Антона глаз. – Наверное, вам пригодится. Этого хватит?

Антон медленно кивнул, пальцами поглаживая ложе «Волкодава», и улыбнулся, когда из толпы прилетел еще один голос, женский – старый и ломаный:

– Ты не ошибся в нем, Антон. – Толпа дружно и одобрительно загудела, когда к Андрею, горбясь от груза прожитых лет, подошла седая старуха. Андрей поднял взгляд и вздрогнул, наткнувшись на ярко-желтые зрачки. Она улыбнулась морщинистым ртом, улыбнулся и Антон:

– Спасибо, матушка, я знал, что ты скажешь именно это. Такие... – Он хотел добавить что-то еще, но старая Татьяна предупредительно подняла костлявую руку, и Белохвостов послушно умолк. Умолкли и остальные жители. Старуха не отводила глаз от Андрея.

– Спасибо тебе, Андрей, – голос был сильный, глубокий, но как бы надтреснутый,

словно сжатый в пальцах прицел, – от нас всех.

– Спасибо вам... – Андрей неловко кивнул, хотел отвернуться, но Татьяна двумя пальцами поймала за рукав.

– С ним все будет в порядке, Андрей.

– С кем? – Андрей нахмурился, чувствуя, как по спине рассыпались грозди мурашек.

– Ты знаешь, – она усмехнулась так, что Яна отшатнулась, – если постоянно думаешь о нем.

Павел?

– О чем вы говорите?..

– О многом, – стоящий рядом Антон улыбался в пальцы, – о многом. Скоро, еще не кончится сентябрь, ты вернешь своего друга, потеряешь подругу, но, возможно, обрешь нечто большее. Может быть, даже любовь, настоящую, но не настоящую. Ты ведь уже давно мечтаешь обрести ее вновь? – Она снова усмехнулась, словно горсть песка рассыпалась по раскаленной крыше. – Ты предашь то, во что всегда верил, но исполнишь то, что считаешь своим долгом. Иди, Андрей, и ничего не бойся.

Она отпустила рукав и, не оглядываясь, ушла в расступившуюся толпу. Андрей повернулся к Антону:

– Я не...

– Ты получил больше, чем фляга воды, Андрей из Города. Теперь идите, мой человек проводит вас до тропы. Это не приказ, – он тепло улыбнулся, – это констатация факта.

Как надели рюкзаки, как вышли из деревни и оказались на тропе, Андрей не помнил.

– Ты псих, просто натуральный псих! – Яна не умолкала, непрерывно, каждую минуту этого часа, что они покинули территорию резервации мутантов, нападая на Андрея. – Ну скажи, зачем ты отдал карабин? Что, все-таки контузило, зацепило осколком? Чем теперь стрелять будешь? Из пальца?! Паф-паф! Без прицела отдал! Ты вообще о чем думал?

– Мы не остались без оружия.

– А! То есть теперь мы будем противостоять ручным пулеметам с твоей, хоть и не хилой, пневматикой и моим раритетом? Ты хоть знаешь, что во время последнего боя он из десяти выстрелов четыре на осечку давал?! Спаситель зараженного человечества! А как ты ему руку пожал! Фу! Как ты мог вообще, у тебя что, со зрением плохо?!

– У меня с головой все в порядке! – Андрей остановился так, что рюкзак мотнуло, заноса, и обернулся к Яне. – А вот тебя, если не перестанешь голосить, услышат не то что с вертолетов, а со спутника!

Она тоже остановилась и замолчала, меряя его недобрым взглядом. Ох недобрым.

– Ты сама научила меня жить в этом мире, так что теперь извини, если это не совпадает с твоей картиной его видения! Не хочешь – не надо, силой я тебя не тянул... просто так было лучше.

– Лучше кому?! – Она прищурилась, взъерошенная и колючая. – Этим уродцам?

– Эти уродцы нам помогли, – Андрей отвернулся и начал спускаться со склона, – дали воды. Или ты хочешь стать такой же, после того как глотнешь вот отсюда?

Он демонстративно перепрыгнул узкую извилистую ленту грязно-серого ручья, змеящегося по дну оврага, и принялся подниматься по противоположному склону.

– Почти косяк рублей за две фляги воды? Ты спятил, Андрей, или у вас в полиции все такие! Ты что, деньгами отдать не мог? У тебя ж карточка есть? Ты же не из бедных?! Отдал бы им карту! А эта старуха! Бред! Она меня напугала, да так, что я уже готова была начать стрелять! Да они меня все напугали!

– Потому что они не такие, как ты? – Андрей не поворачивался, неохотно и раздраженно бросая слова через плечо, и продолжал идти вперед. Что бы ни говорила девушка, без карабина идти было значительно легче.

– Потому что они просто уроды!

Ну что тут скажешь?

Глава 15. Два патруля

– Вздумай, как извести стрелка, не то мой меч – твоя голова с плеч.

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

– И что ты думаешь? – Андрей привалился к дереву, открывая флягу. – Командуй, проводница, тебе здешние места ведь лучше знать.

– А то! – Янка фыркнула и сбросила рюкзак. Внутри что-то звенькнуло. – Ах ты, черт!

Она принялась развязывать клапан, а Андрей, мелкими глотками попивая так и не нагревшуюся о бедро за эти полтора часа ледяную воду, осмотрел раскинувшийся перед ними поселок. Яна материлась, заставляя краснеть даже Андрея, с причитаниями вытряхивая из рюкзака какую-то разбившуюся стекляшку.

Апокалипсический вид, подумал Андрей, протягивая флягу девушке. Мертвые деревни. Даже еще давно, в детстве, когда область умерла не так окончательно, как сейчас, Андрей такие поселки не любил. Просто не переваривал. И вполне был согласен в этом вопросе с Гонзо, упокой, Господи, его кибернетическую душу...

Пережиток перестройки, захлестнувшей Россию в конце прошлого века. Маленькие радости мещан – клочок якобы собственной земли для разведения плодово-овощных культур. При элементарном отсутствии каких-либо развлечений как класса, стараясь отвлечь саму себя от дурных мыслей о будущем и обеспечить иллюзией самостоятельного прокорма, страна породила понятие садово-огородных поселков. «Землянички», «Березки» и «Роднички» расплодились вокруг крупных городов со скоростью света. Народ привыкал к земле, как любит шутить Пашка, гордо ковырялся в отведенных Богом и правительством трех сотках и возводил персональные особняки – двухэтажные (если повезет со стройматериалами) халупы, в каких ютятся у себя на родине бразильцы, например.

Никогда не уезжавшие с родной земли колхозники и жители сел с интересом наблюдали за полным энтузиазма порывом горожан породниться с матерью-почвой, приучая народ к прополке картофеля и распитию самогона. В последней четверти прошлого века Новосибирскую область захлестнул мутный поток садовых участков. Как грибы после ливня, на пятаках заросшей сорняками целины стали расти домики-инвалиды, куда из городских квартир стаскивалась, как на помойку, вся ненужная в хозяйстве рухлядь и хлам. В начале века нового, с его похожим на безумие ростом мегаполисов, грязная волна схлынула, как и подобает волне, щедро усеяв городские берега мусором. Ушла, оставив после себя сотни «Березок», заброшенных и никому не нужных.

Люди думали, что в городах плохо. Но когда земля, на которой они пытались растить, внезапно дала сдачи за принесенные ей беды, они побросали все, рванувшись обратно в бетон и стекло. Андрей еще не забыл, как катался вместе с отцом на ответственное мероприятие «прополка картошки» на отведенный от завода участок в двух часах езды на электричке. И лишь когда из подорванных разгулявшимся народом железнодорожных путей в области смогли восстановить только важнейшие грузовые ветки, про мероприятия пришлось забыть, и Андрей вздохнул свободно. И, проходя по городу мимо заваленных колхозным картофелем рынков, он думал, что когда-нибудь поймет родителей. Вышло, что еще не понял.

Яна снова застегнула рюкзак, глотнула воды, немного плеснула в лицо.

– Я помню этот кусок, – наконец сказала она, поднимаясь с корточек, – четыре или пять огородных преисподень с интервалами в два метра между заборами.

Андрей покачал головой, сплюнул и отстегнул от пояса прицел карабина. Значит, не обойти... Покосившиеся, словно собрание уродств местной архитектурной мысли, домики один за другим проплывали в объективе прицела. Огороды, заросшие по самое не хочу,

упавшие заборы, провалившиеся крыши. Выбитые глазницы окон, сорванные двери. Мародеры до сих пор находят, чем тут можно пожить.

Рай для партизанской войны. Ад для попавшего в ловушку путешественника.

– Выходит, нам придется пройти? – Яна не ответила. Отложила флягу, сняла с ремня обрез, открыла один из боковых карманов рюкзака и извлекла на свет плоскую жестяную коробочку. В ней оказались промасленная тряпочка, ежик для чистки дул, шомпола, пыжи, дробь и еще целая куча подобной ерунды. Усевшись рядом с кривой, словно турецкая сабля, сосенкой, она принялась увлеченно приводить свое орудие в состояние полной и надраенной боевой готовности. – Это может быть опасно?

– А ты видел здесь неопасные леса, Андрюша? – Она улыбнулась, разглядывая его через пустые стволы обреза. – Последний раз, когда я шла этими местами, шайка вооруженных косами и ножами уродов пыталась меня оприходовать. Прямо в этих вот поселках. На мою удачу, засады они ставить не умели совсем... Одного я подстрелила, остальные разбежались, только что не обсираясь на ходу! А ты спрашиваешь.

Андрей пожал плечами, расстегнул кобуру и достал пистолет. Что бы там ни говорил он Янке, а с карабином было спокойнее. Даже при четырех патронах... Достал обойму, проверил затвор, заряд баллона, что еще? Колеса попинать, как в анекдоте?

– Хорошо, – сказала Яна, прочищая ствол ежом, – что батя охоту любил. У него примочек этих охотничьих немерено, я даже все брать-то не решилась. Самое нужное прихватила. Да и ружье отменное, старое только, раньше такие только под заказ делали.

– А стволы, – Андрей спрятал «Тигр» и пренебрежительно покосился на оружие Яны, – твоему коллекционному экземпляру кто отхватил?

– Я, – просто ответила девушка, – а как еще с ним по лесам быстро таскаться?

– Приклад бы отпилила, а стволы оставила.

– А я со стволов начала, – натянуто улыбнулась она.

Женщина... Андрей усмехнулся, оборачиваясь к поселку:

– А ориентиры не потеряешь?

– Не бойсь! – Она поднялась на ноги, осторожно выдергивая из забитого патронами патронташа два картонных цилиндра и тщательно заряжая их в стволы. – На главной улице от отстреленного мужского прибора повернуть налево!

Они медленно двинулись к поселку по заросшей, едва различимой на земле проселочной дороге. Прошли за ржавые, сбитые с петель ворота и оказались внутри.

Домик поселочного сторожа был сожжен просто дотла. О том, что он когда-то вообще существовал, говорил лишь чудом уцелевший щит для объявлений и телефонная будка под наклонившимся столбом электропередач. Провода грустно раскачивались на ветру, задевая ржавую оградку и крышу невысокого сарая.

– Знали бы родители, как такие пейзажи когда-нибудь смогут порадовать мое сердце, – пробормотал Андрей, расстегивая молнию куртки до половины.

Дорога, проходившая между двумя рядами разрушенных и обвалившихся дачных домиков, круто виляла, изобилуя ухабами и ямами. Янка уверенно набрала ход, практически не задерживаясь на перекрестках и неожиданно сворачивая на другие, как две капли воды похожие на предыдущие, улицы.

– Мир смерти, – тихо, но торжественно произнесла она внезапно, останавливаясь возле очередного участка и толкая сбитую с одной петли калитку стволом обреза. Калитка качнулась внутрь, жалобно заскрипела. – Чувствуешь величественность момента?

Андрей не чувствовал. Он сейчас ничего, кроме так и не прошедшей головной боли, не чувствовал. С упорством больного ишака он терпеливо плелся за девушкой по вымершему поселку, хмуро оглядываясь по сторонам на не менее хмуро разглядывающие его халупы.

– Дыхание разложения... – сказала Яна, озираясь вокруг. – Это ведь почти город, а? Тут ведь жили, трудились. И вдруг все умерло. Прикинь, нечто подобное произошло бы с Новосибирском? Заброшенные титаны из бетона...

– Нечего даже равнять! – Андрей дернул плечом, подбрасывая сползшую лямку. – Это

не город, а совершенно искусственное построение человеческого маразма. Оно не держит в себе ни энергетики, ни эманации. Тут не трудились и жили, а подменяли жизнь иллюзией труда, Яна.

– Красиво рассуждаешь! – усмехнулась она. – Классовая вражда к сельскому хозяйству?

– Не путай, пожалуйста, эти жалкие трущобы еще и с колхозами...

– Давай зайдем.

– Куда?

– Сюда. – Она осмотрела желтый, облезший на солнце дом и снова толкнула калитку, проскальзывая на участок. – Никто не обидится, не бойся. Отдохнем, осмотримся. Это интересно, поверь. Там хоть стулья найти можно.

И, не дожидаясь ответа, зашагала через обвалившиеся грядки прямо к крыльцу двухэтажного домика с покосившейся вперед крышей. Андрей хотел сказать, передумал, оглядел улицу и нерешительно зашел следом под противное пение калитки. Девушка тем временем уже поднялась на скрипучее деревянное крыльцо и внимательно вглядывалась в глубь дома через грязное, потрескавшееся стекло окна.

– Что ты рассчитываешь тут интересного найти? – Андрей помимо воли понизил голос. – Пыль времен? Или скелет бабушки?

– Не будь занудой, Андрюха! – Она улыбнулась и, опять не дожидаясь, пока он поднимется, вошла в дом через зияющий провал дверной коробки. – Это же история, до которой можно дотронуться. – Ее слова стихли внутри, и Андрей шагнул следом, с неприязнью слушая гулкое эхо собственных шагов по поваленной внутрь входной двери.

Осмотрелся. Царство облезшей краски и выцветших занавесок. Королевство поломанной мебели и разбитых стекол. Империя пыли, грязи, хлама и запустения. Держава старого, противно въедающегося в кожу запаха, хрустящих под подошвами ботинок крошек стекла и фарфора, сырости и полумрака. Славное прибежище рухляди, не растащенной мародерами и хозяевами, старых поломанных игрушек и битой посуды.

Андрей, взглядом проводив исчезнувшую в кухне Яну, медленно прошел в одну из комнат. Сколько лет прошло? Десять? Двадцать? Пыль и мусор, неприятного вида ошметки на безногом, завалившемся набок столике, плесень и паутина в углах.

– Ощути, впитай, – раздался жизнерадостный голос девушки, и Андрей вздрогнул, – дух живших тут людей! Им тут нравилось, они сами строили этот дом, подумай только! – Скрипнули открываемые Яной дверки шкафа. – Все эти вещи. На этих диванах люди занимались любовью, на этих креслах попивали пиво, наслаждаясь видом заката с крыльца!

Развалившиеся, никому не нужные сараи, в которых из всех удобств есть умывальник на стене в кухне, в который сначала сам подливаешь воду, а затем еще и выносишь слитую грязную в ведре. Именно так думал Андрей обо всех этих вещах и сооружениях. Он испытывал отвращение, необъяснимую стойкую неприязнь к бессмысленно потраченным на постройку карикатур частной собственности времени и силам.

Но вслух сказал:

– Ага. Иди-ка посмотри на это. – И остановился у причудливо занавешенного странным тюлем прохода в большую комнату дома, где в глубине виднелась лестница на второй этаж.

Яна появилась в дверном проеме, ведущем в кухню, вертя в руках блеклую фарфоровую балерину с отколотой ножкой. Она ввалилась в комнату, щурясь в полумраке, и подошла к Андрею, вертя находку в руках.

– Смотри, – кивнул тот, – какие причудливые узоры может создавать время и сквозняк. Тебе понравится...

Девушка язвительно улыбнулась, повела плечиком и повернулась, следя за его жестом, замерла. Быстро запихала фигурку в карман штанов.

– Нравится?

– Уходим.

– Что? – не понял Андрей, а Яна уже толкала его к выходу, нашаривая на поясе обрез и

лихорадочно оглядываясь. – Да что случилось-то?

– Это не причудливые узоры времени и ветра, – прошипела она сквозь зубы, отчего-то пригибаясь и продолжая осматриваться. Уперлась рюкзаком в косяк двери, вскрикнула, оборачиваясь, едва не свалив с ног Андрея. – Выходим, быстро и осторожно!

– Что ты увидела? – Андрей недоуменно озирался, но пистолет достал. – Привидение?

– Это паутина, – сказала она, и Андрей почувствовал, как в желудок провалился комок льда. Он обернулся, пристально вглядываясь в заплетенный полупрозрачным узором проем, и вздрогнул. Паутина была такая толстая, что сразу и не поймешь, словно сплетенная из мотка белых шерстяных нитей. А в самом ее низу, не замеченный сразу из-за кучи мусора, висел начисто обглоданный скелет то ли собаки, то ли невероятно крупной крысы.

– Вот они, – внезапно выдохнула Яна и отшатнулась обратно в комнату. Андрей резко обернулся, поднял глаза на темный потолок коридора и оцепенел. – Мы в ловушке.

Их было двое. Темные мохнатые тела размером с обеденное блюдо, толстые, разбросанные по потолку лапы. Один сидел в углу коридора, другой, что покрупнее, осторожно и бесшумно перебирался к комнате, где находились люди. Край проема входной двери, видимый из комнаты, посверкивал свежими, блестящими от слизи нитями.

Андрей сжал рукоятку пистолета, ощущая растущую внутри панику. Мохнатая тварь, с неземной грацией переставляя оканчивающиеся когтями полуметровые лапы, осторожно подбиралась к комнате, волоча за собой по потолку клейкую ленту паутины.

Яна задрожала всем телом, присела еще ниже и застонала, не в силах отвести взгляда. Андрей обернулся, замечая в большой комнате, за закрытым проходом, шевеление темных силуэтов. Хрустнуло стекло под лапами паука, Андрей судорожно втянул воздух и крепко схватил плечо Яны:

– Стреляй!

Она вздрогнула, рванулась от его прикосновения, озираясь безумными глазами, но Андрей удержал, притянул обратно.

– Стреляй, – повторил он. Паук достиг притолки, начал вползать в комнату. Девушка взвизгнула, подняла обрез, прицелилась в переваливающееся в комнату мохнатое тело размером с футбольный мяч, отвернула лицо, зажмуриваясь, и выстрелила. Оглушительный хлопок, облако дыма и скрежет жвал, переходящий в повизгивания. Заряд смахнул паука с потолка, отбрасывая прочь, и насекомое отлетело обратно в коридор, выплескивая из развороченного брюха слизь. Андрей подхватил девушку под локоть и рванулся следом через клубы порохового дыма. Сзади заскрежетало, что-то упало на пол.

Они ввалились в комнату, с ужасом разглядывая заплетенный выход наружу. Второй паук, сидящий в углу, неожиданно стремительно задвигался, в долю секунды переместившись с потолка за кучу хлама на полу.

– У-у-убе-убери их от меня, – всхлипнула Яна, опускаясь на колени и закрывая лицо ладонью, – пожалуйста, убери, а-а-а...

Андрей, не спуская груды хлама с прицела, резко дернул девушку вверх, оторвал от лица руку.

– А ну-ка отставить! – рявкнул он. – Кончай истерику, дура! Быстро!

Она подняла лицо, перекошенное от страха, что-то ответила, и в этот момент паук метнулся к ним. Андрей отшвырнул девушку, развернулся, пользуясь рюкзаком как противовесом, и выстрелил, едва успевая следить за размытой, семенящей палками лап тенью.

Паук заверещал, перевернулся, сверкая поблескивающей в пузе стрелкой, и отлетел к стене. Андрей наконец поймал замершую на секунду тварь в хороший прицел и выпустил пол-обоймы, прищипливая огромное насекомое к штукатурке железными иглами. Как в коллекцию. Паук подергался, истекая блестящей слизью, и замер, продолжая лишь тихонечко скрежетать.

– Вставай! – снова рявкнул Андрей, одной рукой подхватил разломанный табурет и со всей силы швырнул его в паутину. Нити выдержали, деревяшка приклеилась и повисла,

лишь слегка прогнув сеть. Андрей зарычал, оглядываясь на ползущие из-за дверного косяка мохнатые лапы, медленно, словно пальцы пианиста,двигающиеся по стене в поисках зацепки. Ухватился за стоящий напротив двери серый шкаф, отрывая его от стены. Мусор под ногами хрустел и скрежетал, заглушая скрежет подбирающихся пауков.

Пыль, грязь и какой-то хлам, посыпавшийся со шкафа, скрыли Андрея в сером облаке. Он снова зарычал, отчаянно выматерился и отскочил, роняя разваливающийся на лету шкаф в дверной проем. Яна, кое-как пришедшая в себя от опасной близости к мохматым лапам, взвела второй курок, снова подняла обрез и, прицелившись в появившуюся из-за косяка голову паука, нажала на спуск.

Казалось, что с глухим щелчком осечки лопнули натянутые как струны нервы. Андрей что-то крикнул, девушка завизжала, прямо по полу и труп первого насекомого отползая от двери, и снова взвела курок. Хлопок выстрела, визг, скрежет и дым, заволакивающий коридор.

Обвалившийся на паутину шкаф смог-таки порвать клейкие нити и с грохотом вылетел на крыльцо, обрывая прозрачную ловушку. Андрей закашлялся, зажмурил глаза и подхватил Яну под локоть:

– Давай же!

Она поднялась на ноги, шатаясь, бросилась за ним. Выскочили на крыльцо, ногами отбрасывая повисшие на оборванных нитях части шкафа, неистово вырываясь наружу и оставляя на паутине, где она ненароком касалась одежды, длинные полосы ткани.

Кубарем слетев с крыльца, бегом метнулись через огород, вышибли калитку и перевели дух только через десяток домов, обессиленно валясь прямо на заросшую дорогу.

– У-у-ух, твою мать! – сказал Андрей, сжимая кулаки. – Любительница старины глубокой! – Он откинулся на заваленный навзничь забор, почти лег на него, жадно хватая воздух открытым ртом. – Понесло ее проникнуться временем предков! Дура!

Яна молчала, тяжело дышала и, не поднимая на Андрея пустого взгляда, рассматривала ботинки и длинную, во всю голень, дыру на штанине, оставленную паутиной. Ее лицо, перемазанное в пыли и какой-то гари, было бледным как холст. Вдруг она повела головой из стороны в сторону, дико осмотрелась, встала на четвереньки, едва не заваливаясь под рюкзаком, и быстро отвернулась к другому забору. Следующие минут пять ее без перерыва рвало.

– Я... я не знала, – наконец выдохнула она, садясь на зад и оборачиваясь. Утерла губы неизвестно откуда появившимся платком. – Я такое впервые вижу... вот зараза...

По ее перепачканному лицу скользнула слеза, она снова отвернулась.

– Вот зараза! Твари гребаные! Вот зараза!

Андрей молчал, пальцем ковыряя пару свежих, прожженных паутиной полос на коже своей куртки. Хотелось курить. И выпить, в общем, тоже. Что бы сейчас Гонзо сказал...

– Заряди оружие, – пересохшими губами сказал он, – и выпей воды.

Она кивнула, взяла протянутую флягу, глотнула, плеснула на платок и старательно оттерла лицо. После этого зарядила обрез.

– Теперь пойдем быстро, – сказал Андрей, осматриваясь, – и никуда, слышишь, никуда не сворачивая!

Она виновато кивнула, шмыгнула носом.

– Выстрелы могли слышать. – Он разрядил пистолет, добил в обойму недостающие иглы. – Так что максимум внимания и скорости, ясно? Шум машины, голоса, любой признак присутствия услышишь – дай знать.

Яна снова кивнула.

– Когда окончательно придешь в себя, тоже дай знать...

Дальше отправились только через четверть часа. Яна вроде оклемалась, а щеки приобрели почти привычный розовый оттенок. Но все еще вздрагивала, настороженно оглядывалась по окружавшим их дачным домикам, уже не таким тихим и покинутым живыми существами, и пошатывалась, не выпуская обреза из рук. Шла тем не менее все

равно хорошо и движение не замедляла. Андрей нервно поглядывал на часы, размеренно топтал жухлую траву, плевался, чувствуя исходящий от прожженных на куртке дыр приторный запах, и старался держаться середины дороги.

Огороды, домики, дома, сараи и дорога, петляющая между ними, все никак не кончались. Предложение влезть на крышу одного из домов и осмотреть этот бескрайний океан человеческих творений если у кого-то и родилось, то так и осталось невысказанным.

– А ты ведь тоже испугался, да? – внезапно усмехнулась Яна после получаса угрюмого, настороженного молчания. Все, пришла в норму.

Андрей пожал плечами, кивнул:

– Нечасто приходится встречаться с мутировавшими пауками размером с дыню, заживо замуровывающими тебя в разваливающемся доме. А знаешь... ты молодец. Правда.

– Спасибо. – Девушка улыбнулась, приостановилась, позволяя догнать себя, и прикоснулась к его руке. – Ты тоже ничего был. «Прекрати истерику, дура!» – грубым голосом передразнила она.

– Я так сказал?

– Да, – посмеялись, все еще немного натянуто, но от души.

Идти стало легче.

– Как-то ты нервничаешь, – подловила она как раз тогда, когда Андрей в очередной раз, покривив губой, взглянул на часы. – Торопишься?

Вместо ответа Андрей тяжело вздохнул и махнул рукой.

– Мы медленно идем? Я уверена, что еще не более получаса и эти участки кончатся. А там и вовсе рукой подать. Что с тобой?

Андрей пожал плечом, сорвал с просевшего плетня гибкий засохший побег, повертел в пальцах.

– Понимаешь, – он помолчал, с неохотой вспоминая последние двадцать четыре часа, – просто вот смотрю я на часы и осознаю, что вот уже целый день как мог спокойно нежиться в горячей ванне и смотреть кабельное, вместо того чтобы носиться по лесам и спасать жизнь от гигантских и, по-моему, весьма разумных пауков...

– Рассчитывал уже вернуться? – Они свернули налево, прошли разбитую водокачку.

– Угу, – Андрей кивнул, – моя машина сломалась, на меня уже несколько раз нападали, и я использовал пистолет чаще, чем в последние три месяца. Расчеты казались такими верными – пять часов туда, пять на месте, пять обратно...

– Если уж о деле, – внезапно оживилась Яна в свойственной всем спутникам Андрея манере, то есть резко меняя тему разговора по собственному усмотрению, – а сколько мы должны взять?

– Ох ты, да чтоб тебя, – Андрей покачал головой, – да сколько ж тебе можно объяснять, что мы не за своими деньгами идем!

– Ну, я вообще-то знаю, – улыбнулась она, – так сколько?

– Тебе лучше не знать. Послушай, Яна. Я не авантюрист. Я – финансовый полицейский, моя задача – выполнить очередную операцию по... в общем, я иду за деньгами, этого отрицать не буду, но деньги это не мои. И моими не будут.

– Да? – хмыкнула она.

– Когда-нибудь, – пожал плечами Андрей, – пенсии, премии, пособия, зарплата, в конце концов...

– Ты обычно работаешь один, да? Поэтому так мне не рад?

– Я работаю на Россию, – по слогам сказал Андрей, начиная выходить из себя. – Возможно, за помощь полицейскому при выполнении задания, хоть и не совсем квалифицированную, – он коснулся свежих дырок на рукаве, – тебе светит премия.

– Значит, – Яна остановилась, пропуская сарказм мимо ушей, – конспирация, да? Не называем вещи своими именами? Нас слушают? Хорошо! Так сколько составит моя премия?

Андрей возвел очи горе.

– Ладно, не притворяйся, это же я, своя девчонка! Получим нужное и разбежимся...

если не понравится вдвоем, ладно? Ну, ты чего такой хмурый?! Расскажи мне лучше про место, в которое мы направляемся. Пора уже.

Андрей задумался, мысленно пожал плечами:

– Это деревня в тридцати километрах к западу от Болотного. Там находится резиденция человека, у которого я должен отнять... очень важную...

– ...и ценную!

– ...вещь. Отнять и вернуться.

Она остановилась. Он тоже. Посмотрели друг на друга.

– Этот человек, – осторожно поинтересовалась она, – живет один?

– Скорее всего нет, – честно, совершенно не ожидая подвоха, ответил Андрей. – Я потому тебя брать и не хотел, что опасно это. Охрана скорее всего, дом хороший. У меня фото есть, карты, на привале покажу. Пошли, чего встала?

– И ты идешь к этому человеку с его охраной и стенами один?

– Не понял?

– Ты, может, этот... киборг, а? Такая непрошибаемая машина убийств, чтобы войти в дом с охраной и вынести оттуда эту «ценную вещь»? Или хороший вор?

– Скорее второе, – быстро ответил Андрей, с опаской глядя на распалюющуюся Янку. – И вообще, пойми, я финансовый полицейский. Неужели тебе это ни о чем не говорит? У меня есть большее, чем автоматы. У меня есть полномочия и возможности. Такие, как я, идут в любые точки, используют любые средства и достигают любых целей. – Гонзо бы это понравилось...

– И все-таки вместо того, чтобы нанять бригаду профессиональных специалистов, вооруженных по последнему слову техники и буквально до зубов, ты тащишься туда один?!

Андрей понял, что устал. Потерев лицо ладонью, он произнес очень медленно и серьезно:

– Я обладаю правом войти в этот дом, безнаказанно убить всех присутствующих и унести все мне причитающееся. Просто.

Девушка замолчала, разглядывая словно впервые своего спутника:

– И ты это сделаешь?

Пауза окутала дорогу тишиной.

– Не знаю, – честно ответил тот.

– И кто дал тебе такие полномочия, мистер Полиция?

– Мой президент...

Они молчали, разглядывая друг друга. Холодало, ветер гнал по низкому небу серые бесформенные кляксы, норовя вот-вот ударить то ли снегом, то ли дождем. Яна поежилась, натянула шапку.

– Зачем?

– Как говорит один мой друг, дружины средневековых русских князей набирались отнюдь не только для защиты отеческой земли от набегов лютых врагов. Раз в год, собрав полную дружину, князь отправлялся по своим наделам собирать мзду. За охрану, за справедливые суды, за торговые пути и разговоры с соседями. Кое-кто платить не хотел. Полагался на свои силы и давал князю поворот. Тогда его жгли, били и силой отнимали необходимое. По шкурке, горшку и щепотке с дыма, как говорит мой друг.

– Это же нечестно.

– Нечестно? – Андрей удержался от усмешки. – А чем кормить прикажешь воинов, кроме оружия в жизни ничего в руках не державших? На что стены строить для защиты горожан? На что ярмарки да праздники устраивать? Народ никогда не понимал, за что приходится платить. И это наша беда.

– Политика слабости и рабства. Способный позаботиться о себе не обязан платить кому-либо еще!

– Отлично! Примеры? Страны Средней Азии. В начале этого века произошло полное отделение этих республик в самостоятельные конгломераты каких-то там их стран размером

с микрорайон. Россия вывела войска, убрала последние посты контроля. Через ставшую невидимой границу сюда огромным потоком, невиданным прежде, хлынули наркотики, оружие и бандиты! Начались новые войны. Они были в состоянии позаботиться о себе, предпочитая торговать не хлопком, а героином?!

– То, о чем ты говоришь, слишком напоминает военный режим!

– С ростом княжеств и увеличением государственных аппаратов правителю уже не хватало времени и дела, чтобы контролировать сборы. Люди поумнели и притихли. Система стала расти, совершенствоваться. Тогда и появились мы, точнее, наши предки – мытари, извечные враги рода людского, приходящие подобно беде и уносящие последние крохи со стола.

– Но убивать за деньги!

– В этой стране идет война, Яна. И ты знаешь это не хуже меня. Оглянись, это же ты прошла по этим землям, паля из обреза. Тут убивают не только за деньги. За гораздо, гораздо меньшее...

– Для одного человека у тебя слишком много власти...

– Возможно, – медленно кивнул Андрей, глядя ей в глаза, – и я это знаю. Мы идем?

Они продолжили путь молча, изредка бросая друг на друга осторожные взгляды.

– Ты готов к подобной операции, – спросила она затем, – чтобы в одиночку забрать такие деньги и остаться цел? Ты делал подобное раньше, ведь работал один?

– Слишком много вопросов, – рассмеялся Андрей, чувствуя, что девчонка все-таки попала в самую точку, – совсем меня замучила...

Она поняла. Больше ничего не сказала, опустила голову и пошла немного впереди.

– Твое занудство усиливается тем, что ты уверен, что все можешь, – пробормотала она чуть слышно, – ты не можешь просто жить, тебе необходимо рассчитать... Ошибка приводит к катастрофе. Ты ведь на самом деле идешь не за деньгами для себя?

– Нет. Но ты внакладе не останешься, верь. – Он догнал, поймал за рукав. – Ты правда мне помогла, Ян. Даже, наверное, не знаешь, как сильно...

– Тогда почему бы тебе просто не перестать мне врать, Андрей? Я не зарезу тебя во сне, поверь! Перестань плести эту красивую чушь и Расскажи мне всю правду, если я на самом деле, как ты говоришь, тут не лишняя! А? – Она остановилась, повернулась, готовая расплакаться, а Андрей застонал и обхватил лицо ладонями.

– Яна...

Пуля срезала верхушку заборной жерди и, взвизгнув, ушла в подсолнухи. Вторая выскла искры из металлического столба справа от дороги. Третья пропахала землю у самых ног Андрея, и когда он уже был готов рвануться в кусты под забором, увлекая за собой Яну, над пустынной улицей пронесся усиленный громкоговорителем голос:

– Не двигаться, вы на прицеле!

Они замерли, обернувшись на голос и разглядывая красные точки лазерных прицелов на своей груди, а Яна тихо, но очень выразительно обрисовала сложившуюся ситуацию в нескольких ярких словах. На улицу поселка выезжал армейский джип.

Очень медленно, словно лениво переваливаясь на ухабах, машина появилась из соседней улицы, завернула и остановилась метрах в тридцати. Верх темно-зеленого джипа был срезан, и это позволило двум автоматчикам встать прямо на задние сиденья, укрепив оружие на металлических трубках кузова. Из крепившегося там же, на каркасе джипа, громкоговорителя снова донеслось:

– Не двигайтесь и не разговаривайте! Сейчас машина приблизится, так что помните, хорошие мои, что мы имеем право открывать огонь на поражение!

Яна еще что-то прорычала сквозь зубы, а Андрей принялся взглядом лихорадочно обшаривать окрестные домики. Через забор, потом к дому, там за вон тот сарай и...

Машина тронулась, медленно начала приближаться, едва помещаясь на улочке по ширине. Повисшие на трубах солдаты при всей тряске профессионально не спускали гражданских с ярких ниточек прицелов. Яна сделала осторожный шаг к забору.

– Не двигайся! – зашипел на нее Андрей. – Мы же на прицеле!

Она ничего не ответила, замерла, а тем временем машина, пробравшись меж двух гнилых и выцветших на тусклом солнце заборов, приблизилась. Заляпанный грязью армейский «ВАЗ» одной из последних моделей остановился в пяти метрах от путников. Стоящие на огневых позициях солдаты ловко поспрыгивали с бортов, не опуская автоматов, а с переднего пассажирского неторопливо полез коренастый сержант, оцарапав дверь о стоящий вплотную забор. Кроме автоматчиков и сержанта в машине оставался еще только водитель.

Сержант в пятнистой форме, крепкий невысокий мужик лет сорока с широким, открытым лицом, отбросил раскачивающийся на шнуре микрофон громкоговорителя и выпрыгнул из машины, приглаживая лопатой пятерни ежик темных полос. Захлопнул дверь. Солдат за его спиной сместился вплотную к забору, не выпуская из поля зрения Андрея. Сержант постоял, неторопливо, словно впервые увидал, рассматривая раскинувшиеся кругом дома, и пошел к Андрею.

Яна собралась, будто готовая прыгнуть, и Андрей поспешил двинуться навстречу военному. Автоматчик подался вперед, сержант предупредительно поднял руку:

– Тише, тише! Не стоит волноваться, я и сам подойду!

– Просто я... – Андрей с ненавистью покосился на девушку.

– Ничего, ничего... – Сержант остановился перед капотом машины, поставив ногу на грязный бампер. – И кто тут у нас есть?

В голове Андрея произошло крушение пяти или шести железнодорожных составов, везших в штаб здравомыслия варианты возможных ответов. Он онемел, в упор глядя на сержанта.

– А вы сам-то кто такой будете, чтоб вопросы задавать?! – внезапно спросила Яна, тоже выходя вперед. Сержант смерил ее изучающим взглядом, усмехнулся:

– Мы, девушка, армейский патруль, а вот кто вы, находящиеся на контролируемых армией территориях, сейчас и будем узнавать! Ясно излагаю?

Водитель в машине закурил. Сержант подошел к Андрею.

– Для начала снимем с моих парней напряжение. Твой обрез, девочка. – Он не глядя протянул руку к Яне, а Андрея спросил: – Оружие есть?

Андрей думал всего полсекунды, всматриваясь в маленькие, опухшие от бесконечных пьянок глаза сержанта. Тот ничего не знал. Вернее, не понял еще. А это давало шанс.

– Есть. Пистолет в кобуре с левого бока. – Военный присвистнул, небрежно расстегнул куртку, кобуру и выдернул наружу «Тигра».

– О-го-го! – Он повертел оружие, забирая у Яны обрез другой рукой. – Вот так игрушка!

Любуясь пистолетом, он понюхал стволы ружья и вернулся к машине, кладя оружие на капот.

– А вот теперь, – по его жесту солдаты опустили автоматы, – можно и поговорить. Хочу предупредить. Воров и мародеров мы вешаем. Охотников за Падалью и сталкеров расстреливаем. Не говоря уже про шпионов... Но честность любим. Так что выкладывайте, кто вы есть такие, и в зависимости от вашего желания дружить мы и будем решать, каким образом поступать в дальнейшем. – Он задумался над собственной последней фразой и почесал пальцами небритую щеку. – Ну, примерно так вот... Снимайте рюкзачки-то...

Они сняли рюкзаки, поставив их прямо на дороге прислоненными друг к другу. Яна нервничала, это было заметно, даже на нее не глядя. Еще секунда-другая, думал Андрей, боковым зрением наблюдая за девушкой, и она взорвется.

– Мы разведывательная геологическая партия, – сказал Андрей, замечая, как впала в глубокий ступор Яна. – Посланы в эти места одной крупной новосибирской компанией для изучения проб грунта, воды, воздуха и живых тканей флоры и фауны...

– Шпионы? – нехорошо улыбнулся сержант.

– Нет! – Андрей весьма театрально всплеснул руками. – Ученые! Новый проект по

заселению существующих поселков. При условии их пригодности, конечно...

– Какая тут пригодность! – нахмурился сержант. – Что, не видно? Засеренные места!

– Нам задание дали, – пожал плечами Андрей, – а мы уж его сделаем... там, как выйдет...

– Ну, вот что, мои хорошие. Сбор каких-либо данных на этих территориях запрещен в любом случае. Это военные земли. Испытания тут ведутся разные. Документы, полагаю, при вас? Давайте смотреть. Да, и еще, – сержант почесал подбородок, – стреляли вы?

– Мы, – ответила Яна, – отстреливались.

– И от кого же? – Сержант повернулся к ней.

– От пауков.

– Ага! – Он добавил еще пару метких словечек. – Нашли свою флору! Вот привезите одного такого в город вашему командиру да подпустите в сортир, когда он на очке сидеть будет, а потом уже и о заселении разговаривайте! Ученые! Откуда идете?

– С востока, – ответил Андрей, косясь на выпавшую из забора штaketину, лежащую прямо на дороге.

– Встречали кого? – Сержант сплюнул, разглядывая грязный ботинок. – Людей? Мутантов?

Яна и Андрей слаженно закачали головами. Слишком слаженно.

– Мы тут ищем кое-кого, – Андрей почувствовал, как холодеет в животе, – человечков одних. Стало известно, что группа пиратов от реки на восток идет. Встретить бы их да потолковать. Не выгораживайте их, ребята, хуже будет, лучше сразу скажите. Все это не люди, а ублюдки... Или, может, парня одного встречали в лесу. Городской такой, чудной. Это беглый. Опасный шибко. Нет? Ну, смотрите... Вань, стукни на базу, что... – Он вопросительно посмотрел на Андрея.

– Геолого-разведывательная партия.

– ...что геологов встретили, пока чисто, пусть вертушку за ними пришлют. А то еще подстрелят вас ненароком, – он подмигнул Андрею, – ну, ребята мои хорошие, давайте сюда ваши пробы да документки.

Андрей шагнул к сержанту, замечая, как двинулась за ножом рука Яны. Ваня, автоматчик, что держал на мушке Андрея, поставил ногу на заднее колесо и, отложив автомат за борт, подтянулся внутрь машины.

– База, база, это «Ласка», прием. – Он сел прямо на борт и вытянул из глубины «ВАЗа» длинный шнур рации с трубкой на конце. – Ответьте, это «Ласка». Мы в квадрате двенадцать, прием.

Андрей перевел взгляд на выжидающе протянутую к нему мозолистую руку сержанта, потянулся за документами, медленно вложил свой значок в его пальцы. Сержант откинулся на капот, открыл удостоверение, начал изучать. Медленно. Но чем больше проходило времени, тем выше ползли его густые брови. Ваня продолжал вызывать базу, а Андрей старательно прицеливался к броску.

Сержант поднял на Андрея вопросительный взгляд, открыл рот, отталкиваясь от капота, как тут правый висок радиста Вани взорвался вместе с трубкой передатчика, и он рухнул внутрь джипа с навывлет простреленной головой.

Сержант замер с открытым ртом, не в силах поверить глазам, а Андрей, не дав себе удивиться, рванул вперед. Прижал правую руку военного к его боку и ударил своей правой в пятнистый зеленый живот, отбрасывая согнувшегося пополам крепыша на капот. Ударил еще. И еще.

Стоящий с другого борта автоматчик подбросил оружие и мгновенно прицелился в Яну, но девушка уже отпрыгивала, укрываясь за машиной, и тогда он бросился вперед.

Сержант наконец очнулся, роняя значок полицейского, и они сцепились, лупя друг друга кулаками. Армеец был крепкий, очень крепкий, гораздо здоровее Андрея, но первые несколько внезапных ударов дали нападавшему фору. Сержант распрямился, целя кулачищем в правый висок, но угодил лишь в плечо. А Андрей со всей дури зарядил тому

ногой в колено и с неожиданной прытью отшвырнул в сторону, разворачивая противника через дальнее плечо. Насколько бы сержант ни был тяжелее, инерция броска сейчас обернула этот вес против него. Крякнув от натуги, Андрей отбросил сержанта налево, ломая коренастой тушей хлипкий подгнивший забор, и отскочил.

Матерясь, военный улетел в жухлые лопухи, с хрустом перемалывая спиной штакетины и грядки, а Андрей уже подхватывал с горячего капота свой тяжелый пистолет.

Выскочившего с автоматом наперевес солдата Яна, поднявшись из-за машины, встретила метким наработанным пинком в пах, одновременно ладонью отводя ствол «Сапсана» в сторону. Узость места – едва ли метровая щель между машиной и забором – просто не позволили тому среагировать, и он, тяжело хрипя, повалился на дорогу, плечом опираясь на передний бампер и прижимая руки к немилосердно отбитому месту.

Водитель, выхватывая свой автомат со специальной стойки, уже выскакивал наружу, дверцей едва не своротив заборчик, когда Андрей с пистолетом в руке упал за машину с противоположного борта. Две ноги в армейских ботинках опустились в жухлую траву, лязгнул затвор, и Андрей вытянул под машину руку, стреляя всего два раза – по игле в каждую ногу. Не успевший захлопнуть дверь водитель закричал так, что, наверное, стекла в округе повывлетали, повис на дверце, роняя автомат, и повалился на землю, хватаясь за пробитые ноги.

Яна, наградив солдата еще одним пинком, на этот раз в ухо, вырвала из его ослабевших пальцев оружие и упала в траву, отползая к забору. Андрей влез из-под машины, развернулся, сядя спиной к джипу, и в упор прицелился в грудь поднимающегося из лопухов сержанта. Тот вставал на четвереньки, готовый вскочить и ухватиться за висящий у пояса, в уже расстегнутой кобуре, пистолет. Но Андрей покачал головой, направляя стволы «Тигра» ему в лицо.

Все произошло за какую-то секунду: неожиданный выстрел, разбивший голову радиста, рывок полицейского, короткая драка Яны с солдатом и стрельба из-под машины по ногам водителя, но Андрею показалось, что прошел целый час. Тяжело дыша, он целился сейчас в поникшего плечами сержанта, дикими глазами разглядывающего свой перебитый за мгновение патруль.

Тот был подавлен, убит и растоптан. На коротких волосах налипла желтая трава и листья, лицо было измазано деревянной трухой. В глазах сержанта, еще миг назад светившихся превосходством и уверенностью, сейчас читались страх и мольба. За машиной монотонно стонал водитель, а отрубленный Яной солдат просто не шевелился.

– Так это ты? – выдохнул сержант, поднимая руки. – Не стреляй, полицейский, я...

Арбалетный болт, внезапно выросший у сержанта из левого уха, не дал окончить фразу. Армеец охнул, захрипел, становясь на колени, и пальцами осторожно дотронулся до пробившей голову стрелы. С края губы сорвалась по подбородку ниточка крови. Остекленевшими глазами глядя на полицейского еще несколько секунд, труп сержанта наконец повалился в траву. Андрей, ошарашен но разглядывающий стрелу, заставил себя очнуться и ползком метнулся за машину, стараясь не подниматься из-за заваленного забора.

– Видишь кого-нибудь? – Яна лежала в траве, вода прицелом завоеванного автомата по окрестным домам. Ни движения.

– Нет. – Андрей отполз к ней, подбирая оброненный сержантом значок и настороженно косясь на стонущего в двух метрах раненого водителя. – Но, судя по траектории полета стрелы, это вон те домики.

Крик, долетевший до них секунду спустя, не был четким, как голос армейского громкоговорителя, но смысл понятен

был вполне.

– Эй! Не стреляй... Пусть девчон... опусти... оруж... Мы выходим...

Андрей на всякий случай положил ладонь на руку Яны, слегка опуская ствол автомата в землю, а метрах в ста к югу, почти у тех домов, на которые он указывал, показались человеческие фигуры.

– Из огня да в полымя? – Он повернулся к Яне, та не отрывала приклад от щеки. – Как думаешь, кто это может быть?

– Не знаю! – неожиданно резко выплюнула она, сбрасывая его пальцы. – А кто бы и ни был, ничего хорошего не принесет! Стрельба по солдатам! Кончать их нужно быстро и уходить, я думаю! Патруль не на нас повесят, все одно!

– Эй, – Андрей примирительно поднял руку, – тише, ты чего? Не глупи, начнешь сейчас стрелять – а вдруг их там с десяток?! А снайпера их в работе видала? Ты чего завелась, это ж вроде не военные...

– Раз, два. Вон три, четыре, – вместо ответа начала считать приближающиеся фигуры Яна, водя стволом «Сапсана», – четыре, пятый наверняка спрятан...

Сзади свистнули, коротко, предупредительно. Вежливо даже, можно сказать. Яна вздрогнула, до боли сжимая рукоять автомата, а Андрей осторожно перевернулся, держа «Тигр» наготове. В нескольких метрах сзади, по пояс в высохшей серой полыни, стоял парень. Демонстративно покачивая зажатый на сгибе локтя охотничьим карабином. Стареньким, годков пятидесяти, еще в конце прошлого века произведенным, «Вепрь», кажется, но ухоженным, поблескивающим маслом и вполне, вполне боееспособным. Парень улыбнулся и кивнул:

– Вставайте, горемычные, – он шагнул к ним, ломая сухую траву ботинком, – только оружие отложите. Мало ли чего...

Андрей поднялся, осторожно откладывая пистолет обратно на капот, и едва ли не силой поднял с земли Яну, вырывая автомат из ее пальцев. Девушка была белая как мел. На вопросы времени не осталось. С другой стороны военной машины приблизились четверо, и Андрей повернулся, разглядывая невольных своих спасителей.

Мужчины, примерно одного возраста, лет по тридцать – сорок, одеты в странную комбинацию армейских и гражданских вещей. Пятнистые серо-желтые жилеты-разгрузки надеты прямо поверх джинсовых рубаш, а толстые кожаные штаны заправлены в высокие армейские сапоги. Сумки, запасные магазины и ножи на поясах, в руках оружие. Два длинных, почти в рост человека арбалета, охотничья одностволка и автомат Калашникова. На головах одинаковые платки-банданы черного цвета. У того, что шел впереди с автоматом на плече, серая ковбойская шляпа.

Андрей обмер, скользая взглядом по спасителям, и невольно для себя отодвинулся обратно к капоту. Ему, побывавшему в горах Кавказа на тамошних туристических маршрутах, был отлично известен этот стиль одежды. Так одеваются партизаны и вооруженные независимые группировки, не брезгающие надеть ни снятый с трупа пятнистый комбинезон, ни новые кроссовки. В глазах приближающихся навечно застыла усмешка и подавляющее превосходство над всем, что только может встретиться на пути.

Мужчины подошли, перешагнули поваленный забор и оказались на дороге.

Перебрасываясь короткими фразами и скаля зубы в улыбках, они сразу же принялись за дело. Один перевернул мертвого сержанта, шаря по карманам, другой сразу полез в машину, громыхая канистрами в кузове. Раненый водитель за машиной странно булькнул и притих.

– Удивлены? – Бандит в шляпе подошел к Андрею в упор, снимая «Калашников» с плеча. – По глазам вижу, че да! – Он широко улыбнулся в лицо Андрею, дыхнув на него запахом жареного лука, мяса и перегара. – Ну да те, кто против пятнистых, те с нами. Верно я говорю, ребята?

Ребята что-то дружно пробубнили, не отрываясь от важного дела – обшаривания тел. Армейские автоматы были сложены в одно место на дороге, туда же полетели магазины, ножи и «Стечкин» сержанта.

– Славный улов, Михалыч! – Один из ребят – тощий снайпер с охотничьим ружьем, подошел поближе и улыбнулся, разглядывая трофеи, отчего шрам на его щеке растянулся и стал ярко-белым.

– Вы кто такие будете? – спросил Михалыч, даже не взглянув в сторону арсенала. – Места эти, как видите, не самые мирные, а?

Андрей замялся, косясь на Яну в поисках поддержки, но девушка молчала, опустив голову на грудь. Михалыч подошел ближе, наклоняясь к Андрею:

– Да не бойсь ты! Человек человека не тронет, колись, кто такие. Мы сами-то не отсюда будем, так, проездом, так че делу вашему мешать не намерены! За вещичками прибыли? За железом, может, светящимся?

Один из бандитов радостно заржал, потрясая в воздухе срезанными бляшками армейских жетонов. Андрей кивнул головой:

– Ну, вроде того...

– Ну и отлично, – Михалыч хлопнул его по плечу рукой, – только не серчай, патруль этот наш! Лады? Машину, может, и оставим, а вот оружие и снаряга наши. Без обид?

Андрей кивнул, пожал плечами, обводя разложенное на дороге хозяйство взглядом. Бандиты снимали с военных обувь, одежду, укладывая все ровными кучками прямо на земле. Потрошили машину, вытаскивая из нее запасные канистры с бензином и аппаратуру. Оглушенному Яной солдату вязали руки ремнем. Труп водителя, улыбающийся перерезанным горлом, небрежно оттащили в сторону.

– Стреляли-то вы? – спросил Михалыч, и Андрей снова кивнул. – В солдатиков?

– Нет. По насекомым...

Михалыч ухмыльнулся, понимающе покивал.

– Капитан, – сказал вдруг один из арбалетчиков, – тута это, солдатик-то на связь выходил уже, когда мы его хлопнули. – Он высунулся из кузова, показывая разбитую, заляпанную кровью трубку рации. – Если квадрант сказал, то вертухайку прислать могут...

Михалыч нахмурился и вопросительно посмотрел на Андрея. Тот кивнул.

– Это правда, он уже вызывал базу... – Михалыч обернулся и так неожиданно рывкнул на своих людей, что Андрей вздрогнул.

– Ну так поживее, крысы сухопутные, если не хотите, чтобы вас армия за жопу похватила и на столбах развешала!

Сухопутные крысы? Андрей внимательно взгляделся в Михалыча.

– Так вы что, пираты?

Все пятеро бандитов замерли, словно их парализовало, и Андрей приготовился к худшему. Но вот Михалыч посмотрел на него и рассмеялся. Тихо, шелестяще, горлом, а остальные вновь вернулись к работе, больше не обращая внимания на чужаков.

– Простой какой, – сказал Михалыч, продолжая улыбаться, – можно ведь и так сказать, только мы нелюбим... А как понял про нас?

– Сержант, – Андрей кивнул на раздетую тушу сержанта, лежащую в траве за забором, – про вас спрашивал. Говорил, ищут вас...

– Патрули эти, – Михалыч смачно добавил, что он думает о природе патрулей, и не менее смачно далеко сплюнул, – че-то за последние сутки их тут как собак нерезаных! Словно и вправду ищут кого... Но только что нас – это все-таки вряд ли. Вот ведь незадача, застряли тут не вовремя... А ну! Быстрее, бездельники! – это уже своим парням.

А те заканчивали, упаковывая трофеи в рюкзаки и пластиковые мешки. Длинный подошел, вертя в руках пистолет и обрез.

– Насколько я помню, – как можно небрежнее сказал Андрей, – до реки километров сто. Как же это вы так тут зависли? Новая модель корабля?

Длинный молча щелкнул курком обреза, поднимая оружие в лицо полицейскому, но Михалыч поднял руку. Обрез опустился.

– Любопытной Варваре, – упрекнул капитан, – сами знаете че! – Но тут же милосердно признался: – Приходится вот иногда, – он покосился на армейскую машину, – наведываться в пеший рейд. Солярка там, консервы, патроны. Только вот застрять тут не рассчитывали, это да...

Андрей понимающе закивал, стараясь не смотреть на длинного и обреза.

– Осторожнее надо быть, – он осмотрелся, – патрули и вертушки сейчас на каждом углу.

– В лесу нет углов, придурок, – сказал длинный и протянул оружие капитану. – А с этим че делать?

– Какие игрушки, – понимающе протянул Михалыч, собираясь забрать оружие.

– Это наше... – начал было Андрей, как тут вмешалась Яна:

– Положи, где выросло, дубина! – И она шагнула вперед, хватаясь за обрез.

Дальше было так. Длинный побледнел, так что шрам на его щеке стал ярко-красным, отбросил стволы на землю и ухватил Яну за волосы прямо через шапку. И замер, косясь на лезвие широкого ножа, приставленное к краешку левого глаза.

Пираты мигом побросали паковку и подскочили, беря Андрея на прицел арбалетов и ружей. Тот поднял руки, оборачиваясь к отступившему на шаг и помрачневшему Михалычу:

– Эй, тихо, тихо! Капитан. Все хорошо! Ян, ты чего делаешь-то? Давайте все сейчас опустим оружие и разберемся! Просто это ружье – единственная память...

– Заткнись! – бросил капитан, ткнув Андрею в лицо указательный палец. – Будет интересно, я тебя спрошу! Эй, девочка, опусти ножик, а то еще порежешь моего друга...

Парень, тот самый, что во время боя обошел их сзади, сейчас бесшумно приблизился к Яне со спины, приставляя ствол ружья к ее затылку прямо под пальцы длинного. Он снова улыбался, прохладно и вежливо. Девушка замерла, чувствуя затылком холод ствола, но нож не опустила.

– Яна, – зашептал Андрей, – ты рехнулась! Что ты делаешь, опусти нож!

– Я сказал – заткнись! – Михалыч оттолкнул Андрея под прицел арбалета, а сам подошел к Яне. – Девочка, а ведь я тебя знаю... да?

Андрей почувствовал, что сейчас потеряет сознание. Ну это он так, фигурально... На самом деле ему внезапно очень захотелось проблеваться. Яна вздрогнула, едва не располозовав длинному лицо, а тот вдруг воскликнул, кося глаза:

– Черти меня раздери, капитан! Точно, та самая сучка! Здорово, Янка! Ах ты, стерва, ну порежь меня, чтоб потом без головы остаться, давай!

Пираты загудели, придвигаясь поближе. Яна побледнела, а длинный осторожно взял ее за ослабевшую руку и отвел клинок от своего лица. Отошел, с улыбкой глядя то на капитана, то на девушку:

– Точно, Михалыч! Она! Вот ведь везуха! А че тебя, дура, опять сюда понесло-та?! Дура! Жениха себе нашла, что ли? Сука! – Он двинулся, замахиваясь на поникшую девушку рукой, но Михалыч едва слышно что-то сказал, и тот замер. – Кончать ее, капитан, и кобеля ееного...

Андрей шумно вдохнул, начиная осознавать, что «кобель ееный» – это он сам. Уверенно шагнул вперед, не обращая внимания на надвинувшийся в лицо трехгранник арбалетной стрелы.

– Капитан, это нелепость. Недоразумение! Давайте поговорим, как нормальные взрослые люди. Это какая-то ошибка! Эта девушка, она идет со мной уже не первый день, вы совершаете ошибку...

– Заткнись, Андрюша... – сказала вдруг Яна, оборачиваясь к нему, и добавила, уже капитану: – Я его почти не знаю. Его не трогайте...

А Михалыч повернулся к полицейскому и приподнял шляпу, отирая лоб.

– Недоразумение? А то, че из-за этой стервы мы в этих поселках уже четвертый день торчим, это тоже ошибка?! Замолчи, мил-человек, а то еще одно слово, и я твои яйца вместо отстреленных Фиге пришью, ясно?!

– Уходить надо, капитан, – снова сказал арбалетчик, – а то рискуем на рею...

Михалыч смерил Андрея долгим взглядом, еще раз сплюнул и кивнул.

Глава 16. Еще один капитан

Андрей-стрелок говорит: – Хороши ваши диковинки, да моя стоит дороже.

**«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.**

Собрались и ушли быстро, профессионально.

Пираты отнесли тела убитых солдат в канаву за ближайшим домом, разделили между собой поклажу, набросили на машину маскировочный, найденный в багажнике тент. И двинулись через огороды, не спуская с прицелов Андрея, разоруженную Яну и пленного солдата, уже пришедшего в себя окончательно.

Михалыч молчал, изредка бросая на Андрея внимательные, изучающие взгляды, а длинный, которого Яна едва не изрезала, ни на шаг не отходил от девушки, все что-то ей нашептывая, гнусно посмеиваясь и матерясь. Бить пленных Михалыч не позволял, но взвалил на каждого из них по дополнительному тюку с поклажей.

Шли быстро, через известные пиратам лазейки в заборах и плотной стене домиков. Через полчаса, когда они уже почти достигли пиратского убежища, на северо-востоке пролетел вертолет.

Андрей молчал, посматривая то на Михалыча, то на Янку, и потел, таща завернутые в полиэтилен автоматы. Первый страх прошел, уступив место пустоте, бессилию и обреченности. Наступила даже секунда, когда Андрей решил, что, если пираты будут казнить виновницу, сделать это попросится он сам. Яна глаз на него не поднимала, виновато волоочась впереди.

Их оружие, кроме оставленного Андрею ножа, капитан взял себе, долго и задумчиво вертя в руках пистолет полицейского. Нож Яны сломали. Это сделал длинный, перед самым уходом, демонстративно и эффектно. И добавил, что Фига подарит ей новый...

Дело, как понял Андрей из бесконечных возгласов длинного и редких реплик капитана, обстояло так. Три, или около того, дня назад Яна шла через эти земли. В поселках встретила отряд пиратов. Бандиты, их было около десяти человек, направлялись от Оби (где оставили свои суда в надежном месте и под охраной) на восток, к деревням фермеров, чтобы обменять награбленную электронику и кое-какой ненужный мусор на солю, выпивку и свежую, незараженную пищу. Девушку не обидели, приветливо встретили и даже накормили. А потом предложили остаться на ночлег. И она согласилась.

Потом пили самогон. Дальше, как по расписанию. Один из пиратов – Фига, положивший на общительную, смелую и самостоятельную искательницу приключений глаз, после очередного влияния и откровенного флирта девушки, собрался положить на нее еще кое-что. Зашедшая несколько дальше необходимого девушка ясно и откровенно отшила пирата. Молодая кровь взбурлила, и началась разборка, результатом которой стало бегство Яны через перепившийся лагерь и роковой выстрел в чересчур прыткого Фигу.

Результатом выстрела было ранение пирата в пах. А так как в команде Михалыча бросать своих принято не было, команда осталась на месте ожидать если не полного выздоровления пирата, то хотя бы возвращения его способности ходить. Фига валялся на топчане с перебинтованным тазом, матерясь и скуля от боли, а Михалыч, отобрав часть людей, уже два дня патрулировал местность, отводя армейских от основного убежища.

И тут Яна вернулась.

Отряд свернул, а Андрея, полностью погруженного в невеселые мысли, несильно, но чувствительно ткнули в плечо прикладом арбалета. Михалыч снова покосился на полицейского, приотстал. Пропустил остальных на измятый тропинками огород, в дальнем конце которого виднелся завешенный маскировочными сетками одноэтажный дом, и неторопливо закурил, придерживая рукой калитку, когда мимо собирался пройти Андрей.

Тот остановился, сваливая на траву гремющий железом мешок, и ухмыльнулся, невольно наблюдая за огоньком подожженной сигареты.

– А вдруг автоматы расчехлю?

Но пират не ухмыльнулся в ответ.

– Тогда тебе точно конец, – сказал он, затягиваясь дымом, осмотрелся, поморщившись

на серые тучи, – а магазины все равно в другом мешке. Ты лучше вот послушай, че скажу... Ты нам никто и не сделал нам ничего, ясно? Так че совет– не дергайся, глупостей не делай, и все путем будет. Пойдешь себе дальше, словно ниче-то и не было. Понял?

Капитан внимательно посмотрел на Андрея, затянулся снова, нервно, торопливо.

– А с девушкой что будет?

На лице капитана появилась недобрая усмешка.

– А не все ли равно, а? Ты ж не спрашиваешь, че с солдатиком будет. – И он снова улыбнулся, через плечо Андрея разглядывая пинками подгоняемого по огороду пленного солдата. – Ты об этой потаскушке печешься, че ли?! Нашел себе геморрой...

– Она со мной, капитан...

– Ты понял меня, – тот более не интересовался текущим разговором, пропустив ответ Андрея мимо, – так че не дергайся... и... как звать-то тебя, горемычный?

– Андрей.

– Хорошее имя. – Капитан быстро, в несколько жадных затяжек дотянул окурок, сплюнул его в кусты и прошел в калитку, поправляя шляпу. – Доброе.

Андрей поднял мешок и зашел следом.

Пришедшие из рейда пираты, Яна и солдат уже были на крыльце, где их встречали еще двое бандитов, того же возраста, так же одеты. Встречающие с одинаковым интересом разглядывали как трофеи, так и пленных. Один из них, крепкий жилистый парень в разгрузочной армейской жилетке, одетой прямо на красное от морозца голое тело, попытался пощупать Яну, но мгновенно отскочил, потирая отбитое пинком бедро, и схватился за длинный нож. Девушка пригнулась, отбрасывая приставленный к ноге рюкзак, но тут к крыльцу подошел Михалыч, и пират мгновенно отвалил.

Как уже успел понять Андрей, капитан пользовался у остальных бандитов неподдельным и глубоким уважением и приказы его, даже если они были и не очень приятными, выполнялись быстро и решительно. Например, подумал Андрей, если он прикажет вскрыть шею полицейского, вон тот длинный урод со шрамом просто с великим удовольствием...

– Че встал столбом?! – рявкнул на него этот самый длинный, выводя из задумчивого транса. – А ну при сюда свой мешок, говно!

Андрей подбросил мешок на крыльцо, поднялся следом, сбрасывая к деревянным перилам рюкзак. И выпрямился, оборачиваясь к пирату.

– Еще раз назовешь меня говном, урод, и я доделаю то, чего не успела сделать моя подруга! – Он в упор посмотрел на пирата, невольно поднося руку к поясу, где остался висеть нож.

– Да мы тебя и твою су... – Шрам его снова побелел, пират открыто схватился за свой клинок.

– Молчать! – Михалыч, казалось, видит и замечает все. – Федор, в дом, трофеи в сарай, солдата на цепь, девку сразу Фиге отдайте. Быстро!

Длинный Федор убрал руку с оружия, плюнул Андрею под ноги и отвернулся, поднимая мешок.

– А с этим... че делать? – Он мотнул головой на Андрея. Капитан прищурился:

– А ничего. Артур посмотрит, да? А ты, мил-человек, как дома будь, да не забывайся...

Капитан взял Яну, упорно не поднимающую на Андрея глаз, под локоть, перебросил свой «Калашников» длинному Федору, и они вместе вошли в дом. Двое пиратов, встречавших их на крыльце, шустро таскали трофеи куда-то за угол, на бегу рассказывая друг другу древние матерщинные анекдоты. Парень, практически в одиночку взявший их в плен, неторопливо приблизился, поправляя аккуратно повязанную на шее бандану и лениво покачивая вздремнувшим на сгибе локтя неразлучным «Вепрем». Подошел, приветливо улыбнулся.

– Я – Артур, – сказал он, но ладони не протянул. – Располагайся. – Провел рукой вдоль просторной веранды и добавил: – Побежишь – убью.

Негромко так, просто предупредил. Андрей кивнул. Артур был моложе его года на четыре, пожалуй. Симпатичный, лицо открытое, молодое такое, прическа аккуратная, выбрит. Полицейский зашел на веранду, укутанную сверху пятнистой сетью, и осторожно присел в старое, приветливо скрипнувшее плетеное кресло. Артур сел рядом в такое же.

Андрей осмотрелся. Пираты неплохо устроились, выбрав в качестве убежища на эти несколько дней просторный, стоящий в стороне от основных дорог поселка дом. Превратив его в готовый к обороне форт, скрыв кресла, шезлонги, раскладушки и стоящий на веранде мангал сетью, а окна заставив мебелью и плотно заколотив досками. В случае чего, полагал Андрей, каждый из них прекрасно знает свое место на огневой позиции.

Андрей обернулся на вход. Яна уже внутри, и нужно срочно что-то делать. Пиратов семеро, наверняка внутри есть еще. А даже если и нет... на героя боевика Андрей явно не походил. Хотя стоило бы... Что они с ней сделают? Выволокут наружу или прирежут внутри? Андрей поерзал в кресле, невольно перехватил внимательный взгляд Артура. Пират придвинулся поближе.

– Я мог убить вас обоих, – неожиданно поделился он, наклоняясь к Андрею, так же вежливо и осторожно.

Андрей не слушал, то и дело оглядываясь на молчащий до поры дом. Солдатику приковали на цепь возле старой собачьей конуры, а двое пиратов, что таскали трофеи в сарай, сейчас стояли рядом с ним во дворе, разглядывая пленного и отпуская в его адрес грязные шуточки. Артур наклонился еще ближе, перехватывая внимание Андрея.

– Мог убить из ружья, – продолжил он, ловя взгляд, – мог сделать это ножом. Капитан ничего не рассказывал про меня?

И только сейчас Андрей разглядел, как неестественно блестят глаза парня.

– Я делал это не один раз и не два. Тихо, незаметно, профессионально. Знаешь, как меня называют ребята? Умелый. А знаешь почему? Я могу подкрасться к отряду на биваке, перерезать половину, а прежде чем вторая половина опомнится, перестрелять ее. Однажды, – речь Артура все убыстрялась, но глаза неотрывно удерживали взгляд Андрея. В доме раздались крики, кто-то сматерился, а пират все повышал голос, не давая Андрею прислушаться, – я взял на abordаж государственный буксир. Везли зерно, охраняли. Один, на катере! Просто так, не для наживы. Ты что думаешь, что Михалычу нужно зерно?! Ха! Я вырезал их всех, а тела сбросил в Обь! Мы потопили потом этот буксир...

Внутри что-то разбилось, Андрей невольно попробовал встать, но Артур подался еще ближе, дыхнув в лицо запахом жеваной конопли, преграждая путь к дому, и продолжал говорить:

– В другой раз мы совершили налет на прибрежную деревню к северу от Новосибирска. Ее охраняли казачьи отряды ополчения! Ха! – Его лицо искривилось. – Я убил четверых прямо во сне, а еще троих расстрелял на подходе. – Он больше не вглядывался в лицо Андрея, унесясь в воспоминания и совершенно не обращая внимания, как сжимаются губы и на скулах полицейского начинают ходить желваки. – Затем мы вырезали деревню, а сопротивляющихся мужиков я убивал руками. Ты когда-нибудь убивал руками, а? Странно, что Михалыч ничего тебе обо мне не рассказал! – Что-то хлопнуло внутри, закричала девушка. – Я многое могу. Ножом, ружьем, рукой. Однажды я убил женщину так, что ее спящий рядом муждаже не проснулся, а потом убил и мужа! – Андрей сидел уже на одном краешке кресла, готовый сорваться, но Артур наклонился в упор. – Ха! Да если бы я тогда трахнул ее, он тоже наверняка бы не проснулся...

– Значит, – Андрей доверительно положил руку на плечо пирата и сам поймал взгляд блестящих, широко распахнутых глаз, – ты считаешь, что можно одному убить семерых и уцелеть?

Пират осекся, посмотрел на Андрея, как на способного ученика смотрит пожилой учитель, и улыбнулся, кивая:

– О да! Конечно! – Костин в ответ благодарно сжал его плечо и по-дружески притянул лицо пирата к своему. – Ты уловил, друг!

– О да! – повторил Андрей, стараясь не выдать себя голосом, закипающим от ненависти и злобы. – Еще как!

Яна внутри завизжала снова, пираты у собачьей будки захохотали, Артур улыбнулся, продолжая кивать, а Андрей ударил. Снизу вверх, большим пальцем сжатой на плече Артура руки резко приподнимая подбородок пирата. В кадык, вбивая его как можно глубже, а затем сразу еще, не выпуская ослабевающее на глазах хрипящее тело матерого убийцы, кромсающего за раз по десять спящих женщин. Артур закатил глаза, вцепился в руку Андрея и сполз с кресла, навсегда разучившись дышать.

Этому их в Управлении учили. И Андрей, последние полгода усердно пропускавший занятия по рукопашному бою, вспомнил. И сумел.

Вскочил, подхватывая едва не рухнувший на пол карабин. Это, конечно, не «Волкодав», но... Пираты, пинками загонявшие солдата в собачью будку, неохотно обернулись на шум падающего тела. Замерли, ошарашенно глядя на мертвого собрата, а затем умерли. Андрей стрелял от бедра, одиночными, без чувств наблюдая, как разлетаются грудины и отваливаются отстреленные охотничьим калибром руки.

Стремительно обернулся, стараясь как можно меньше думать и как можно больше замечать, и отшатнулся к краю веранды, уходя от двери. К выходу и окнам бросились, было видно, что капитан отлично подготовил своих людей. С глухим стуком одновременно отвалились две заслонки, и выходящие на веранду окна оцетинились стволами ружей и арбалетов. Но одно пиратам было на этот раз никак не учесть. Противник уже находился у дома...

Он прислонился к подоконнику, резко забрасывая ствол карабина в бойницу, и нажал на спуск. Крик, кто-то упал, сбивая стулья, а Андрей уже перебежал к следующему отверстию, целиком превратившись в слух и скорость, торопящуюся убивать. Война возвращалась... Один из пиратов все-таки не выдержал, прицелился в огород, выстрелил вслепую, следом щелкнула еще и тетива, раздался гневный рык Михалыча.

Андрей отскочил, встал на подоконник, подтянулся и с одной руки забросил ствол в новую, высокую бойницу. Грохот выстрела, руку отшвыривает отдачей, крики, снова вопль, захлебнувшийся густым бульканьем. Топот ботинок по гнилым доскам пола, и на веранду вываливается новый пират, один из тех, что повязали Яну и полицейского. Вывалился, чтобы повернуться не в ту сторону, дать время Андрею соскочить с заколоченного окна и разрядить в живот бандита очередной патрон. Его изодранное «жаканом» тело мгновенно снесло к краю веранды, ломая перила и отшвыривая плетеные кресла.

Костин скользнул к двери, пригнулся, резко выглядывая из-за косяка, и отшатнулся. Стоящий в дверях арбалетчик запоздало вскрикнул, опустил оружие, и через миг в досках веранды росла толстая, туго звенящая стрела. Андрей шагнул в проем, бросаясь за исчезающим в комнатах стрелком, и выстрелил тому в спину. Падение, грохот ломаемой мебели и стон, вопль, крик Яны в глубине дома и неразборчивые команды Михалыча.

Он прыгнул влево, плечом высаживая хлипкую дверку и проваливаясь в стрелковую комнатенку, приник к косяку, переводя дыхание. Так: Артур, двое на улице, двое через бойницы, неудачно вывалившийся на веранду пират, арбалетчик... Михалыч, раненый этот, Фига, и Федор внутри, вместе с Яной. Десять. Возможно, есть еще.

Полицейский наклонился, стараясь не обращать внимания на скомканного в неестественной позе у простреленной им бойницы пирата с разгрузкой на голое тело. Того самого, что четверть часа назад Янку пытался пощупать. Поднял с пола оброненное стрелком, заляпанное от приклада до стволов еще теплой кровью, двустольное ружье. Сел на корточки, целясь из двустолки в дверь, и проверил магазин «Вебря». Один патрон. Лучше, чем ничего. Оба ствола нового трофейного ружья были заряжены. Они что, пираты эти, армейские автоматы набирают, чтобы потом ими гвозди забивать? Андрей подхватил по ружью в каждую руку и встал, целясь в дверь. Большая левая тут же дала о себе знать, тупо заныв, и он упер приклад «Вебря» в бок. А тут еще отдачей неловко рвануло...

– Эй, Андрюша! Это ты хулиганишь?! – Голос Михалыча звенел от сдерживаемой

злости, эхом гуляя по дому. – Че ж ты делаешь-то, дурачок! Я ж тебя предупредил!

– Выходи, говно, – заорал Федор, – а то твоей девке вторую дырку щас прорежу!

– Подождите, – Андрей набрал в грудь побольше воздуха, – капитан, спокойно, я иду!

Конечно, он рисковал. Находись в комнате хоть еще один пират, и весь план бы рухнул, оставив Андрея валяться посреди комнаты с истекающей кровью раной в голове. Но еще одного пирата не было.

В комнате был капитан, бледный как смерть, длинный Федор, держащий нож у горла привязанной к стулу в развратной позе голой Яны, и раненый Фига, в окровавленных простынях возлежащий на койке в углу комнаты. Немая сцена. Входит Андрей. Неподвижный Михалыч все понимает, но его автомат остался снаружи, и он лишь смотрит, в тщетной попытке что-то сказать; Федор скалится, клинком опасно выписывая восьмерку под кадыком девушки, предвкушая кровь; Янка просто закрыла глаза, она привязана, раздавлена, обречена; а Фига просто debil. Он вообще ничего не понял, поудобнее устроился на ложе в предвкушении шоу, а пистолет под его подушкой даже не тронут.

Затем все происходит. В одну секунду. Андрей зашел в комнату, стреляя из карабина в скрытый простынями живот Фиги, а стволы ружья разряжая в сторону Федора. Оглушительный грохот слившихся воедино выстрелов заложил уши, а комнату заволочло едким пороховым дымом, и полицейский шагнул внутрь.

Тело Федора отвалилось от стула девушки и с глухим стуком грохнулось об пол. Михалыч закрыл рот, так ничего и не сказав. Покачал головой. Андрей отбросил разряженное ружье и прицелился из не менее разряженного карабина в капитана пиратов. Тот медленно поднял руки.

– Чего звали, кэп? – Он прищурился, внимательно глядя капитану в глаза. Дым рассеивался. – Я же сказал, что девушка со мной...

Удерживая оружие левой, свободной рукой, Андрей подобрал оброненный Федором нож и осторожно взрезал сдерживающие Яну веревки.

– Нехорошо вы с девушкой, капитан, не по-джентельменски... Это из-за него все? – Он качнул стволом карабина на скорчившегося в ошметках собственной плоти Фигу. – И всего-то забот, – он фыркнул, подражая Яне, – где его претензии, Михалыч, а? Молчишь... Ага.

Андрей уронил нож и потряс девушку за плечо:

– Ян, Ян, слышишь меня? Вставай, одежда за спиной, одевайся быстро. Давай, миленькая. – Он не сводил глаз с капитана, боковым зрением наблюдая за дверью. – Уходим, давай вставай!

Девушка очнулась, невидящим взглядом обвела комнату, но встала, потирая передавленные веревками запястья. Отошла за стул, подбирая одежду. Федор застонал, переворачиваясь на бок в луже собственной крови, и Андрей поставил ногу на его развороченное дробью плечо.

– Я же просил меня больше не обзывать, а, Длинный? Не слушал ты меня. – Он наклонился, и в этот момент Михалыч выхватил из-за пояса андреевский «Тигр». Мужчины замерли, целясь друг в друга через комнату, а Яна, словно не замечая этого, продолжала одеваться.

Андрей молча разглядывал стволы собственного пистолета, направленные в лицо. Когда знаешь силу, становится страшнее. Он осторожно, чтобы не заметил капитан, сглотнул.

– Так и будем стоять, да, кэп? – спросил он хриплым голосом.

– А варианты есть, родной ты мой, да?! – Михалыч был спокоен. Казалось, он уже приготовился умереть, речной волк и гроза грузовых «ракет», умереть, забрав с собой и ненавистного теперь чужака.

– Я дам тебе совет, капитан, – Андрей чувствовал, как с каждой секундой сохнут губы, – как ты дал мне. Ты позволь нам уйти, а мы тебе жизнь оставим и ребят твоих раненых. А если передумал, так тогда конец твоей карьере пирата... Я ведь не за тобой пришел. Я за ней.

Яна окончила одеваться, приладила волосы, оправила одежду, не глядя на мужчин – прямо через пересеченные прицелы, – прошла сквозь комнату и вышла прочь.

– Уйдем мы, и точка, капитан, – шептал Андрей, – новых парней наберешь, да не таких отмороженных, как Артур твой... Ты подумай, важно это...

Они стояли так несколько минут, и потом Андрей долго размышлял, что было бы, нажми капитан на спуск. Но тот наконец опустил оружие.

– Если не за мной пришел, так уходи... – Он сдвинул шляпу на затылок. – Нет больше спора.

Андрей кивнул:

– Оружие наше отдай.

– Зачем вам развалюхи эти? Тут же новенькие армейские! Бери, сколь хочешь, дарю!

– Нет, – полицейский усмехнулся, – любо нам из нашего стрелять, капитан...

Они помедлили, осторожно передали друг другу стволы, и Андрей побледнел, заглядывая в пустой магазин пистолета, а Михалыч тихо, сквозь зубы сматерился, опуская карабин. Глаза встретились, как прицелы.

– Так ты меня на понт взял, крыса сухопутная?!

– Той же картой, капитан, где обойма?

– На столе. – Михалыч, казалось, постарел на глазах. – Разобраться я хотел в игрушке твоей... – Он отбросил разряженное оружие на пол. – Вот гаденыш... и верь после этого людям.

– Я не стану спрашивать тебя, капитан, что было бы, если бы в карабине были патроны, – Андрей в пол оборота повернулся к столу, выгребая из-под пустых консервных жестянок, шприцев и бутылок обойму и обрез Янки, – я просто уйду.

Проверив заряды в обрезе, Андрей захлопнул стволы, сунул «Тигр» в кобуру и спиной вперед вышел из комнаты, держа капитана под прицелом ружья.

– Бывайте, капитан! Семь футов под килем. – Михалыч отвернулся и сел на увешенный обрывками веревок стул. В соседней комнате громко стонал раненый.

Яна уже была снаружи, под рюкзаком. Стояла рядом с развороченными телами пиратов возле собачьей будки и смотрела в небо, не обращая ни малейшего внимания на причитания и просьбы посаженного на цепь солдата. Андрей подошел, остановился рядом, крикнул, влезая под собственный рюкзак.

– Ребята, ну пожалуйста... ну пожалуйста, брат, освободи, а, брат? – Солдат тянул короткую цепь, пытаясь прикоснуться к ноге Андрея.

Тот обернулся на дом, носком ботинка подтолкнул к будке автомат одного из убитых пиратов:

– Уходи, солдат, там еще живые остались...

Тот не ответил, схватил оружие, отвернулся, приставил дуло к замку и выстрелил, со звоном перерубая цепь.

– Спасибо, брат! Спасибо. – Он поднялся на ноги, сжимая автомат. – Век не забуду...

– Забудь лучше. – Андрей, все еще косясь на дом, осторожно положил руку на плечо девушки. – Ян, пора нам. Пошли, родная, пошли отсюда...

Девушка, все еще бледная и молчащая, медленно кивнула. Поправила шапочку, рюкзак и уверенно, хоть и немного пошатываясь, зашагала через грядки, на ходу натягивая перчатки.

Глава 17. Главное преимущество любой дороги в том, что она когда-нибудь кончается

...и перепрыгнула через огненную реку, перенесла Андрея на тот берег и сделалась опять маленькой.

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

Яна начала говорить только через час. Негромко, нервно. Да и то не говорить, а отвечать на вопросы и иногда указывать направление.

Остатки водки из рюкзака Андрея, выпитые девушкой прямо на ходу (жадно, давясь и морщась), все-таки помогли, немного отогрев Яну после происшедшего и вернув на щеки привычный румянец. Но тяжесть и неловкость все еще продолжали висеть над ними, не позволяя ни нормально поговорить, ни обсудить, ни забыть.

А потом Яна как будто сразу же оттаяла. Встряхнулась, словно сбрасывающая потоки воды собака, и обернулась на склоне, сверху вниз внимательно глядя на насупившегося Андрея:

– Спасибо, Андрюша...

Тот остановился и от неожиданности промолчал. Пожал плечами:

– Да ладно, в общем...

– Помолчи, хорошо? – Она прищурилась, глядя ему в глаза. – Еще немного, и я бы уже никуда не пошла. И ты это знаешь.

Он снова пожал плечами, привалился к дереву, пользуясь короткой передышкой.

– И еще извини, – она дотронулась до его руки, – я должна была предупредить...

– Ничего... – И Андрей не лукавил. Гнев, зародившийся было на спутницу, теперь практически без следа отступил, смытый волной пиратской крови и адреналина. – Считай, проехали. Я вообще сглупил, когда к тебе в комнату вошел. Мог бы и зацепить, – он даже почувствовал, как вернулся внезапный страх за выстрел навскидку, – считай, повезло.

– Ты все правильно сделал, – она опустила голову и провела ладонью по лицу, – помедлил бы, и обоих сейчас бы уже закапывали.

– Надо было лучше...

– Зануда, – она покачала головой и посмотрела на него, – спас мне жизнь и честь, а теперь занудствует. Перестань. Ты молодец.

Андрей снова пожал ноющими от рюкзака плечами.

– Тогда давай оставим эту тему?

– С удовольствием. – Она кивнула, как-то странно посмотрела в сторону, – больше и не вспомним. Сейчас за холм, потом налево, там к озеру выйдешь. Дальше Болотное, ну а там уж по карте. Не пропадешь. – Она натянуто улыбнулась.

– Не понял? – удивился Андрей.

– Что? Да просто... пойду я, пожалуй. Я не должна была... это просто, – она замолчала, собираясь с духом, – не должно было это так быть. Ты же людей убил. И не одного-двух... я не должна. Я пойду. Может, возьмешь обрез?

А затем Андрей без передышки выдал Яне такую тираду, что все еще бледное лицо девушки мгновенно покраснело.

Она замерла, выслушивая многоэтажные построения, и закусил губу.

– ...так что не хер причитать о прошедшем, взяла рюкзак и топай вперед, ясно?! – окончил Андрей, переводя дух. – Я тебя с собой взял, теперь попала. Помощь мне твоя нужна, последний раз говорю. Так что еще одно слово, придется тебе еще и под моим рюкзаком топтать в качестве наказания, но свалить не позволю! Уйти она собралась! Обрез мне оставляет! Кто денег хотел?! Я?! Марш указывать дорогу! И так времени потеряли... И Андрей обошел Яну, даже не обернувшись. Снова риск, конечно, сейчас взбрыкнет вот и утопает на юг, до свидания, полиция... Но она немного постояла, осторожно вытерла влажные глаза и поспешила вдогон, хрустя ветками.

Как выстрел навскидку. Андрей невольно улыбнулся, слыша за спиной торопливые шажки, и понял, что по Великой Счастливой Случайности снова попал в цель. Необъятная женская природа... Девушка ожила, пошла свободнее, плавнее, уже не подворачивая ноги на каждом косогоре, и даже что-то непринужденно защебетала, лишь изредка замолкая, словно прислушиваясь к себе.

И как бы ни была тяжела ноша человеческой памяти, есть люди, предсказать или

понять которых ну просто невозможно. Прошел еще час, растянувшийся на новые рощи, луга и холмы, и девушка, казалось, просто вычеркнула, вырезала и утопила в прошлом последние несколько ужасных часов своей жизни, снова как ни в чем не бывало принявшись приятно надоедать Андрею бесконечными разговорами.

А еще через полчаса выяснилось, что водки с собой в поход нужно брать несоизмеримо больше, а из карабина нужно было стрелять в Федора, а не в Фигу. И риска меньше, что девушку зацепил бы, и Фигу еще разок дробью раскурочил... Но в целом он, конечно, держался молодцом! Андрей молчал, усмехался в усы и качал головой.

И что бы ни произошло с ними этим днем, по чьей бы вине ни угодили они в переделки, он на самом деле понял, что все-таки рад тому, что со спутницей, такой неожиданной, но уже такой привычной, все в порядке... Он смог остановить страшное. Смог их вытащить. И от этого тоже было хорошо.

А когда глубокий овраг неожиданно пересек им путь, грудины невольно наполнило радостным предвкушением конца пути. Они спустились и вброд, даже не замочив штанин, почти бегом перешли мелкий извилистый ручей.

Из оврага путники поднялись в небольшую березовую рощицу, сразу за которой лежало широкое, прогнутое словно чаша поле, окруженное опушками лесов, а в центре его разлилось почти правильной овальной формы озеро. На дальнем берегу озера дымили трубами деревенские домики, практически скрытые серым облаком тумана.

Яна наконец замолчала, внимательно осматриваясь и поглядывая на компас.

– Чтоб меня перевернуло, – задумчиво произнесла она, опуская рукав, – если это не Болотное.

Андрей вопросительно взглянул на нее, кивнул в сторону домов на противоположном берегу озера и получил ответный кивок. Болотное. Он выдернул из кармана пластиковую трубочку карты, а из другого прицел карабина.

– Видимо, да. – Наконец, после увлеченного созерцания деревни и рыбацких, давно заброшенных мостков, он, словно заправский полководец, опустил импровизированную подзорную трубу и повернулся к девушке. Заговорщицки сощурил глаз и улыбнулся: – Мы дошли?

Она выждала положенные десять девчачьих секунд, нахмурилась для порядка и улыбнулась в ответ. Кивнула, посмотрела на карту, ведя по пластику коротким обломанным ногтем.

– Дошли. Теперь на запад, километров тридцать, если мы подразумеваем одно и то же место, хотя, – она пожала плечами, – я вообще-то рассчитывала выйти слегка западнее, почти под Карасевом... Не важно.

Андрей посмотрел на лежащее за озером Болотное, разглядел в окутывающем село тумане и смоге несколько невысоких заводских труб, покачал головой и убрал карту. Дошли. И довольно быстро, за последние часа полтора проделав больше десяти километров.

Стеля в людей, бандитов, пиратов и военных. Общаясь и воюя с мутантами, потеряв напарника, к которому уже успел привыкнуть и даже научился понимать. Неожиданно подцепив на хвост жаждущую обогащения Яну, разбив и в конечном счете потеряв машину, оборудование, часть снаряжения и оружия. Попад в плен и вырвавшись из плена, едва не угодив на долгий ужин к огромным насекомым. Избитый, оглушенный, практически изнасилованный, покусанный, измотанный дорогой. Ставший убийцей, спасителем, судьей. Дошел.

Военные на пути от дачных поселков больше не допекали, лишь один раз путники видели вдали блокпост, пару машин на дальних дорогах, и еще раз пролетал вертолет. Что бы ни думал там о себе Шелест, его люди работали недостаточно эффективно. Только совсем недавно, минут тридцать назад, с юга, со стороны резервации и поселков, донеслись редкие, приглушенные расстоянием выстрелы, но Яна так ничего и не услышала, убедив Андрея в том, что это охота или просто показалось. А еще, добавила она, если уродцев Белохвостова таки перестреляют или добьют ублюдков-пиратов, она лично плакать и страдать долго не

будет. А точнее, не будет вовсе.

– Часа четыре, и мы на месте. – Она бодро хлопнула Андрея по плечу, развернулась и пошла вдоль опушки. — У тебя ведь есть план?

– План? – неосторожно переспросил Андрей.

– Да, план. – Яна остановилась, оборачиваясь и внимательно заглядывая ему в глаза. – Ну, как бабки поймать? Да?

– А, план. – Андрей осторожно отъехал от неприятной темы. – Конечно, есть!

– Ну, хорошо, – медленно сказала Яна и пошла прочь. – Вперед, Полиция, скоро будем на точке!

Глава 18. Цитадель

Андрей пошел по тропинке, видит: старая изба – не изба, тыном обнесена, без окон, без крыльца.

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

Андрей, конечно, предполагал, что-то рисовал в воображении, фантазировал и пытался угадать, каким будет край, выбранный Воротовым в качестве своего убежища. Но когда Яна вывела его из заболоченного леса, понял, что с фантазией у него туго. У подножия огромного холма, едва ли не сопки, лениво протекала мертвая речка. Проселочная, но наезженная и ухоженная дорога скакала через мосток и тут же убегала в беспорядочное нагромождение домов, сараев и коровников под гордым названием Карасево, облепившее длинный и просторный склон.

Вообще, деревни было две. Лежащие на встречных склонах двух холмов с подыхающей меж ними речкой. Одна – то самое Карасево, занимала больший северный склон, процветала и жила, беспробудно бухая и плодя подкрепление для Антона Белохвостова, выращивая упорно не желающих плодиться и доиться коров да картофель размером с добрый арбуз. Деревня с этой позиции являла собой весьма живописное и первобытно-свежее явление со всеми ее разбитыми дорогами, покосившимися домами и плантациями картошки. Если бы Андрей был художником, то непременно бы завизжал от восторга, мгновенно принявшись устанавливать мольберт и в полный голос восхищаться буйством грязно-зеленого и желто-коричневого. Но Андрей не был художником. Да и мольберта у него не было.

Вторая деревня, непосредственно сам Старый Елбак, куда и лежал в конечном итоге путь, расположилась на правом, ближнем берегу, оккупировав малый южный холм и, как это ни удивительно, практически полностью канув в небытие. Оставила после себя лишь с десяток остовов изб, старую, непонятно зачем возведенную посреди леса водонапорную башню и жилище Воротова. Собственно говоря, теперь это жилище и было тем самым Старым Елбаком, о котором так упорно твердили картографы.

Яна вывела их на дорогу приблизительно в полукилометре от особняка, но Андрей все равно спрятался в кювете, опасаясь дальнобойных наблюдательных приборов и сканеров. Сбросив изрядно задолбавшие рюкзаки, они приникли к краю дороги, по очереди передавая друг другу оптический прицел. Зрелище впечатляло.

Домина, четырехэтажная громадина из красного и белого кирпича, со всеми его пристройками и ограждениями занимал не менее полутектара; неровным прямоугольником вытянувшийся с севера на юг, выросший прямо на краю холма. Нависая над речкой, он очень сильно напомнил Андрею средневековый замок, заботливо и нещадно оберегавший своих подданных на другом берегу от всевозможных опасностей и чрезмерной лени.

Особняк был обнесен двухметровым кирпичным забором, по всей протяженности оснащенный прожекторами, лентами сканеров, камерами и датчиками слежения, внутри же вели широкие кованые ворота, выходящие на юг, выбить которые было возможно, разве что с танка. За таким забором ну просто обязательно должна быть вертолетная площадка. Из-за

ограды, далеко разносясь в осеннем воздухе, долетал собачий лай, хриплый, рваный, злой.

А сам дом представлял собой весьма любопытный образчик архитектурного маразма, помноженного на большие деньги. Викторианский стиль был весьма удачно скомпонован воедино с античными колоннами, арками, витражами и капителями, что нисколько не помешало строителям и дизайнеру подбросить сверху ту самую виноградину – весьма немалое количество хромированного железа и пенобетона, ни на секунду не дающих хозяину забыть о родном мегаполисе. Дом сверкал тонированными стеклами, гордо выпячивал диски параболических и спутниковых антенн, а увивающий отдельные участки стены (устойчивый к сибирским морозам) дикий, но укрощенный ножницами садовников плющ мирно сосуществовал с блестящими, стильно издырявленными железными скамейками, размещавшимися на террасе с римскими колоннами и арчатой галереей третьего этажа.

Узкие оконные рамы сверкали надраенным хромом, ничуть не стесняясь безвкусного соседства с тяжелыми, полосами окованными деревянными дверями, и Андрей не удивился бы, узнай, что господин Воротов очень любит окрошку. Заедаая пирогом. И запивая козым молоком.

– Вот это да! – восхищенно выдохнула Яна, прилипнув глазом к резиновой прокладке прицела. – Вот бы пожить в таком! Ну и домик!

Андрей прервал восторженные возгласы, самым наглым образом реквизируя у девушки прицел. И даже позволил себе негромко фыркнуть. Она не заметила. Она уже видела себя богатой.

– Знаешь, – хмыкнул Андрей, прицеливаясь в дом Воротова, – один мой друг сказал, что хозяин весьма неровно дышит в сторону слабого пола. Ты могла бы иметь у него успех, полагаю...

– Пошел ты, – беззлобно огрызнулась Яна, сползая пониже и переворачиваясь лицом к низкому небу. – Вот это деньжищи!

Это точно, подумал Андрей, рассматривая вооруженных короткоствольными пистолет-пулеметами охранников на террасе и балконах. Деньги тут большие, пожалуй, даже не меньшие, чем те, за которыми он пришел. И заработать такое на продаже одного лома черных металлов очень, ну очень нелегко. Воротов, должно быть, просто работает день и ночь не покладая рук.

Охраны в доме немало – человек, наверное, двадцать, прислуга там, гости может быть. В лоб не возьмешь, системы наблюдения тоже не из детского сада. Андрей закусил губу и осторожно покосился на витающую в облаках Яну. Может, переодеть ее проституткой, внедрить в особняк и заставить вскрыть сеть? Или уговорить Воротова сделать ей подарок – перевод необходимой суммы на необходимый счет? Круто!

Андрей вздохнул и спрятал прицел. Вечерело, тело хотело на покой, живот хотел есть. Голова чего-то просила – наверное, водки. Еще раз взглянув на растянувшуюся на склоне Яну, Андрей почему-то вспомнил, что презервативы еще остались, хотя после сегодняшнего, наверное...

– Мы поставим лагерь, – сказал он, стараясь не выдать себя голосом, – а завтра приступим к осуществлению... моего плана.

Яна кивнула, не отрываясь взглядом от неба.

– Точно, Полиция. Что бы ты там ни задумал, сегодня можно запросто не успеть, если, конечно, не ночью, да и отдохнуть не помешает... А вообще я скажу, – она потянулась, разминая уставшие от долгой и быстрой ходьбы мышцы, и приподнялась на локте, оглядываясь наособняк, – что ты на самом деле отмороженный. Только притворялся мирным и тихим. Это ж надо, какая крепость!

Ага. Он и сам в последнее время начал это подозревать. В смысле, что «отмороженный» – значит храбрый и умеющий рисковать, да? Наверное, да...

Андрей поднял рюкзак, возвращаясь в лес.

Постепенно приближался вечер, раскрашивая склон славной деревни Карасево огоньками окон, а особняк Воротова, с этого места, конечно, невидимый, наверняка просто

расцвел, сверкая и переливаясь в собственной роскоши. Стало заметно прохладнее.

Они отошли в лес примерно на пару километров, нашли удобную, сухую и прикрытую с востока склоном поляну, развели костер, нормальный, не шпионский, как в прошлый раз, и наконец нормально прогрелись; поели, затем наглоотались отдающей железом воды, купленной у мутантов (датчик загрязнения уверенно промолчал). И в этот раз все же поставили палатку – усталость, вечерний холод и близость цели просто не оставили сил на подозрительность и излишнюю осторожность.

Потом забросали костер, прогрели палатку сухим горючим, расстелили мешки и залезли внутрь, снова положив оружие под импровизированные подушки. Достали последний глоток водки, выпили, закусывая хлебцами и консервированной рыбой.

Водка уверенно и быстро добила напряжение дня, наконец-то расслабила и прогрела изнутри. Разболтались ни о чем, немного посмеялись.

Потом Яна сказала, стягивая через голову свитер, вся такая загадочная в свете бьющего в потолок фонарного луча:

– Я сегодня не такая пьяная.

– Ну и что? – спросил Андрей, всецело поглощенный созерцанием ее форм, укрытых лишь шерстяной рубашкой.

– Поэтому первым сегодня придется приставать тебе. – Она улыбнулась и нырнула в мешок, изящным движением выбрасывая наружу рубаху.

Андрей улыбнулся и щелкнул фонарем.

– А ты уверена? – осторожно спросил он.

– Иди сюда, зануда!

– Ну ладно...

А потом она сказала еще:

– Та старуха, что сказала про то, что, возможно, ты найдешь любовь? Как ты думаешь, она правда такие вещи видит, ну, как... Измененная?

Андрей помолчал, потом наконец оторвался от ее пупка

и ответил из глубин спальника:

– Я думаю – да. А почему бы и нет, собственно?

И вправду, а почему бы, собственно, и нет? Это было бы даже неплохо...

Глава 19. Воротов

– Давай, – говорят, – добрый человек, меняться: уступи нам своего слугу, свата Наума, возьми у нас за него любую диковинку.

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

Таблетка шипела и надрывалась изо всех сил, но вода упорно сопротивлялась, никак не желая закипать. Перекладывая кружку из одной руки в другую, Андрей с ненавистью в глазах наблюдал за плиткой сухого горючего, бесполезно прогоравшей под его будущим чаем, вполуха слушая утренний концерт Яны.

– Ты на самом деле больной! – не унималась она, беспокойно вышагивая вокруг палатки. – Объясни мне, дуре, – ну как тебе вообще в голову приходят подобные идеи?! И ты еще осмеливаешься утверждать, что это твой план?

Она фыркнула так, что вода в кружке едва не закипела. Яна бросила спальник, который безуспешно пыталась свернуть вот уже четверть часа (то есть все время своей непрерывной уничижительной речи), и опустилась на полено.

– Почему вещи, наподобие патриотизма, простого желания следовать собственным интересам или, к примеру, противлению взятке, всегда рассматриваются как проявления психических заболеваний? Можешь не отвечать, вопрос риторический.

– Давай придумаем что-нибудь еще, – как-то жалобно сдалась она, но Андрей даже не

посмотрел в ее сторону, всецело поглощенный закипающей жидкостью, – есть же другие варианты.

– Принимаются, – великодушно согласился Андрей, наконец-то высыпая в кружку пакетик чаю. Над небольшим лагерем пронесся приятный травяной аромат. – Попей чаю – согреешься.

– Пошел ты со своим чаем! – Она сказала это не гневно, а скорее обиженно. – Придумал план, умник! Ты что, на самом деле собираешься просто пойти туда? Войти с двумя ружьями в руках и убить всех?

Андрей кивнул, увлеченно дую на чай. Металлическая кружка приятно согревала ладони. Яна покраснела и сжала пальцы в кулачки:

– Просто пойти и потребовать свои деньги?!

Снова кивок. И какой смысл лишний раз объяснять, что не свои, а государственные, и не потребовать, а предъявить обвинение в соответствии с иском?

– Он же тебя просто пристрелит и закопает на огороде, рядом с морковкой!

– Не пристрелит.

– Да откуда ты знаешь?! – Она вскочила, снова села, зажав ладони между колен. – Откуда ты его знаешь, а? Тебя пристрелят, а я что делать должна?

– Ты, – Андрей ласково посмотрел на подругу, – будешь сидеть здесь и ждать, и если, о чем я, конечно, даже думать не хочу, а тебе типун на язык, если все-таки я не вернусь в течение суток или не подам знака, ты свернешься и пойдешь в город. Получать законную и не очень маленькую награду за информацию о моем местонахождении. Красный Проспект, здание 38, ну, там увидишь. Ясно?

Она отвернулась, поникла плечами, и Андрею на миг показалось, что девушка сейчас расплачется. Нет, просто так и осталась молча сидеть, уставясь в скат палатки. Он осторожно, обжигая небо, допил чай, поставил кружку:

– Полагаю, я могу идти! Никто не ответил.

– Тогда я пошел!

Тишина. Андрей пожал плечами, поправил шапку и поднял ворот куртки. Выбил из пачки две последние сигареты, одну забрал, бросил пачку к бревну, неспешно прикурил, несколько раз затянулся.

– Как бы то ни было, Ян, – сказал он сквозь дым, – спасибо тебе за компанию! Думал зря, сейчас так не думаю. Ты, если что... сделай, как я прошу, ладно?

Она неохотно повернулась, глядя на него снизу вверх, поднялась, подошла вплотную:

– Ты это брось, Полиция. Ты вернешься, и никуда я без тебя не уйду. Вернешься с нашими деньгами и еще раз поблагодаришь меня за помощь и компанию, ясно? Ясно?!

Он усмехнулся, а она крепко поцеловала его, лаская ладонью заросшую щеку.

– Ладно, – сказал Андрей, отдал двумя пальцами честь и отошел от ее объятий. Еще раз улыбнулся, обернулся и поднялся на склон. Больше не поворачивался. Пошел к дороге.

Вариант был один, это стало очевидно с того момента, когда Андрей увидел особняк. Ни о каком проникновении в громадину Воротова без специальных средств не могло быть и речи, и если бы еще с ним был Гонзо... но крысы больше не было. Таким образом, у Андрея оставался лишь один вариант. Единственный возможный ход или, скажем, первый. Кроме того, если Небеса будут милостивы, самый безобидный из всех возможных, надо отметить. Пробный шар.

Почти через полчаса Андрей вышел на дорогу. Было еще холодно, от полей поднимался пар, парила листва, вода, пар валил изо рта. Засунув руки в карманы куртки, он двинулся к особняку Воротова, неясной громадой вырисовывающемуся в тумане. Было полвосьмого утра.

Табельный пистолет, значок и сотовый телефон. Вот и весь арсенал, с помощью которого придется идти на штурм. Есть, конечно, еще ноутбук на аккумуляторах и набор «юного шпиона», но нужно же что-то оставить и для второй попытки. Если она вообще будет, эта попытка...

Когда до дома осталось метров сто, Андрей вынул из кармана телефон. Открыл, вызывая на дисплей предварительно забитый в память номер Воротова. Глубоко вздохнул и утопил кнопку вызова.

Если все верно, то жилище Воротова оборудовано автономными системами коммуникаций, в том числе и собственным сотовым коммутатором. Воспользоваться системой индивидуального роуминга Андрей, конечно, не мог, и про звонок в Новосибирск оставалось лишь мечтать, но отловить на мощном служебном телефоне частоту передатчика и дозвониться в дом – возможно, получится...

Гудок, еще один. Затем щелчок и отчетливо слышный вежливый мужской голос:

– Алло?

– Доброе утро, – сказал Андрей, сбавляя шаг и стараясь справиться с дыханием, – могу я поговорить с господином Воротовым?

– Прошу прощения, – ответила трубка все так же вежливо, – но кто его спрашивает?

– Мое имя вам ничего не скажет, но уверяю вас, речь идет об одном очень важном деле, оставить без внимания которое господин Воротов наверняка не сможет. Проинформируйте его об этом, мне необходимо обсудить данный вопрос непосредственно с ним. – На том конце наступила тишина, послышались какие-то щелчки.

– Прошу прощения, – сказала наконец труба, – но господин Воротов сейчас в отъезде. Вы можете оставить ваше сообщение или координаты...

– Речь идет о вопросе, касающемся недавней неприятной ситуации, связанной с выплатой господином Воротовым государственных налогов, – прервал Андрей, останавливаясь. Забавное, наверное, зрелище – разговаривающий по сотовому посреди проселочной дороги человек.

– Кто вы? – менее вежливо поинтересовалась трубка.

– Я тот, кто может кое-что рассказать об отношениях господина Воротова с господином Мамукашвили.

– Прошу прощения, одну минуточку.

– Алло, – новый голос, бархатный и низкий, словно хорошо поставленное воркование, – с кем я разговариваю?

– Господин Воротов?

Тишина. Слышно мысли.

– Да, это я, кто говорит?

– Доброе утро, господин Воротов. – Андрей повернулся, рассматривая так примелькавшиеся пейзажи разрушенных изб. – Вас беспокоят из Управления финансовой полиции города Новосибирска. Моя фамилия Костин, идентификационный номер два-четыре-шесть-шесть-девять-один-точка-зет-двойной-ноль. Отдел индивидуальных расследований. Извините за столь ранний звонок.

– Что вам угодно? Мне сообщили, что вы упомянули какие-то фамилии...

– Господин Воротов, – Андрей продолжал, чувствуя, как поднимается изнутри знакомое чувство упоения – прижать, раскопать, задавить, – полагаю, в течение последних двух месяцев вы неоднократно получали от нашего Управления письменные и электронные уведомления о задержках в своевременной выплате налогов, штрафных санкциях и специальном судебном иске, возбужденном против вас. Вы игнорировали все отправленные нами уведомления и повестки, таким образом выражая неуважение и пренебрежение к государственной службе Финансовой полиции. Специальной комиссией дело было передано в отдел индивидуальных расследований для проведения расследования и вынесения вердикта и поручено мне...

– О чем вы говорите? – Нет, Воротов не испугался. Он был спокоен и вежлив, но Андрей почуял выработанным в себе за годы работы шестым чувством, что бизнесмен на крючке. Готов.

– Следуя данному указанию, я намерен провести все необходимые расследования. Вы обвиняетесь в укрытии налогов и ведении нелегальной коммерческой деятельности по статье

три-восемь-ноль Финансового кодекса Российской Федерации – торговля редкоземельными металлами без специальной лицензии. Все необходимые для выдвижения обвинения доказательства уже собраны и переправлены в соответствующие структуры. У меня есть ордер на ваш арест, господин Воротов, до дальнейшего разбирательства и определения размеров конфискации.

– Господин?..

– Костин.

– Господин Костин, я занятой человек. – Воротов сделал паузу. – Все вопросы, подобные данному, как вам известно, решаются через моих адвокатов и...

– Господин Воротов, – вежливо, но решительно прервал его Андрей, – мы в Управлении тоже чрезвычайно заняты люди, и вам необходимо знать кое-что еще. Я сотрудник отдела индивидуальных расследований, это ведь вам кое о чем говорит, да? Речь сейчас не идет об адвокатах, господин Воротов, я намерен арестовать вас. Для проведения проверки и конфискации не обращенных в деньги металлов. Если понадобится, Илья Игнатьевич, с применением силы. Вы знаете, на что уполномочены «индивидуалы».

– Вы меня запугиваете? – Воротов усмехнулся, спокойно, мягко. – Пытаетесь взять на понт? И что за нелепый блеф с фамилиями совершенно незнакомых мне грузинов? Ничего забавного в этом не вижу, господин... Костин. Вы отнимаете мое рабочее время, рекомендую обратиться в мой адвокатский отдел, прислать проверку там или...

– Я просто констатирую факт, – произнес Андрей, невольно вспоминая Белохвостова, – а вы меня ведь так и не поняли, Илья Игнатьевич.

– Я все прекрасно понял! Всего хорошего!

– Откройте мне.

– Что?

– Я говорю, откройте мне, Илья Игнатьевич, утро нынче прохладное.

В трубке снова наступила тишина, но не напуганно-настороженная, как в первый раз, а недоумевающая, открытая.

– Где вы сейчас находитесь, господин Костин? – осторожно поинтересовался Воротов.

– Шагах в тридцати от ваших замечательных кованых ворот. Я иду, открывайте. – И Андрей закрыл телефон. Все, теперь «пан или пропал». Он не дошел шагов десяти, как правая створка медленно поползла наружу. Его выпускали.

И он вошел. Замерев на пороге под однозначными взглядами черных дул, направленных в его грудь. Трое дюжих охранников, похожих друг на друга, как и все охранники планеты, одетые в одинаковые форменные пуховые куртки, неподвижно стояли возле ворот, направив на него матово-черные короткорылые «беретты». Они не улыбались, не разговаривали, не мигали. Они вообще ничего не делали, только смотрели.

Андрей нахмурился и осмотрел себя, словно ожидал увидеть расстегнутую ширинку. Хотя этого и не требовалось. Грязные, влажные от утренней росы джинсы и ботинки, мятая и порванная куртка, заляпанные бурым перчатки, следы крови на правом плече, разбитый висок, небритая рожа.

Один из охранников осторожно приблизился, движением ствола приказывая поднять руки, и через мгновение нож, пистолет, значок и телефон Андрея были изъяты. Он опустил руки.

– Доброе утро, – сказал Андрей для того, чтобы что-то сказать. И осмотрел двор.

Сам дом находился метрах в тридцати дальше, к нему вела широкая асфальтированная дорога, на которой одинаково удобно было бы и танку, и правительственному лимузину, чуть дальше в стене темнели двери двух подземных гаражей. Многочисленные пристройки и беседки, невидимые из-за забора, собачьи будки. И смотри-ка, Андрей хмыкнул, вертолетная площадка, сейчас пустая. Очень милая, режущая глаз своей неестественной зеленью трава – специальное морозоустойчивое покрытие. Везде.

– У вас мило, – сказал Андрей, не двигаясь. Охрана не ответила, а через секунду один из них притронулся к «сопле» передатчика за ухом и кивнул головой:

– Вы можете проходить. С дорожки не сворачивайте, тут собаки, идите прямо к крыльцу дома. – Андрей кивнул, и охрана опустила оружие.

Полицейский двинулся к дому. Должно быть, тут и правда неплохо отдыхается, но вот только он здесь не для этого.

На ступенчатом крыльце уже ждали. Еще один детина в пуховике вежливо приоткрыл одну из створок высокой стеклянno-металлической двери, даже не снизойдя до осмотра непотребного вида Андрея, и тот попал в теплый холл. Размером примерно с футбольное поле. Несколько канапе вдоль стен, натуральная кожа и дерево, зеркала и большая люстра. Обои можно просто резать на купюры и пользоваться, как валютой. Несколько дверей в глубины дома, широкая лестница на второй этаж ровно напротив входа.

Андрей осмотрелся, оценивающе покачал головой, представляя, каксейчас пойдет по этому воздушному, определенно не синтетическому ковру, и только сейчас заметил, что не один.

Воротов стоял на лестнице, эдакий барин в багровом, как потерянный джип, халате с воротником и меховых тапочках, обеими руками прижимая к себе двух весьма и весьма симпатичных девиц лет двадцати. Стоял и смотрел, не выдавая своим идеально выбритым лицом совершенно никаких эмоций. А вот тисканые им девочки совсем не собирались прятать реакцию. Как следует рассмотрев внешний вид Андрея, они противно захихикали, что-то шепча друг дружке за спиной Воротова. Симпатичные, но дуры...

Андрей не двигался, ожидая реакции хозяина. И она последовала.

– Любаша, Катюша, поднимайтесь-ка в сауну, девочки. – Он привычным движением развернул девушек лицом к лестнице и прихлопнул пониже спин. – Я буду минут через двадцать.

Продолжая хихикать и оглядываться, девчонки поднялись наверх, оставив мужчин в холле одних (в чем, впрочем, Андрей сильно сомневался). Воротов подождал, пока их легкие шажки стихнут наверху, и не спеша спустился, доверительно улыбаясь – ну, вы понимаете, пустышки... Андрей не понимал. Но в ответ улыбнулся.

– Значит, господин Костин? – поинтересовался Воротов, осматривая Андрея.

– Господин Воротов? – в тон ему поинтересовался тот.

– Вы же должны были видеть мою фотографию в досье, – парировал хозяин.

– На ней вы выглядите значительно старше, – снова сбил удар Андрей.

Он не врал и не лукавил – на приложенных к досье фото-, видео- и голоматериалах Илья Игнатьевич Воротов выглядел много старше, на все свои сорок пять, а то и больше. В жизни же сейчас Андрей разговаривал с крепким, подтянутым мужчиной лет, навскидку, тридцати восьми. Темные, с легкой проседью, аккуратно подстриженные волосы, темные глаза. Воротов улыбнулся, жестом приглашая гостя на один из диванчиков.

Андрей прошел, с удовлетворением слыша, как чавкает под грязными подошвами ковер. Налице бизнесмена не дрогнул ни один мускул.

– Прошу прощения, господин Воротов, но девушки вас не дождутся. – Андрей сочувственно развел руками.

– Что так? – непринужденно спросил тот, присаживаясь рядом.

– Вы арестованы по перечисленным мною обвинениям. Мне нужен беспрепятственный доступ во все помещения дома, и можете собирать вещи. Уверяю вас, что после процедуры конфискации, как показывает практика, к вам станут относиться гораздо более снисходительно.

Воротов несколько секунд молча рассматривал Андрея в лицо, а затем поднял голову вверх и расхохотался, да так, что Андрей позавидовал. Чисто, заразительно, здорово. Хохотал с минуту, затем умолк, потирая глаза, и снова взглянул на Андрея:

– А знаете что? Я был прав! Вы мне все-таки понравились! Понравились сразу, еще во время этой странной телефонной беседы, а теперь еще больше. Знаете, по роду службы частенько рискуя, я просто без ума от рискованных людей. Таких не часто встретишь, поверьте.

– Верю. Но что смешного?

– Господин полицейский, – Воротов с укоризной посмотрел на него, – не перегибайте палку, прошу. Вам не идет. Вы на самом деле смелый и находчивый человек, Костин. Вижу также, проделавший нелегкий путь? Да что там! – Воротов махнул рукой, не давая ответить. – Это бывает, не оправдывайтесь. Знаете, что я вам еще скажу? – Он наклонился вперед, доверительно понижая голос: – Сколько вы хотите за свои беды и расторопность российских солдат?

Андрей вздрогнул, но виду не подал, отстранился и, стараясь говорить в тон, назвал сумму конфискации. На счет Управления. Воротов присвистнул:

– Куда вам так много, Костин?

– Вы, Илья Игнатьевич, меня поняли неверно. Это не мне, это государству.

– И правда не понял. – Воротов сделал удивленный вид, но глаза его смеялись. – Совершенно определенно, что пришли вы сюда именно договориться. Если бы это было не так, господин полицейский, то вы бы вместо переговоров сразу же перешли к действиям и я уже полчаса как лежал бы сейчас мордой в пол под ногами ваших головорезов, поломанным ртом давая показания.

– Не совсем так... Просто, Илья Игнатьевич, я хочу дать вам шанс. Позволить принять, так сказать... верное решение. Вы все же арестованы, а имущество подлежит законной и установленной специальным ордером конфискации, ясно? Прошу не усугублять и без того немалую вину еще и взяточничеством, Илья Игнатьевич. По долгу службы, так сказать, мне ведь все фиксировать приходится...

Воротов поднялся с диванчика, и улыбка слетела с его лица.

– Я же просил, не перегибайте, Костин! На шутики у нас может не остаться времени! Воспользуйтесь моим благодушием и скажите, чего вам нужно!

– Я уже сказал, – Андрей поднялся вслед, – и вы меня слышали. Но это не мне, это для России, что такие, как вы, по кусочкам распродали за бугор, господин Воротов. Немедленно предоставьте мне свободный доступ во все помещения, отключите связь, компьютеры и прикажите посторонним покинуть здание.

– Вы больной? – вдруг спросил Воротов, и лицо его окаменело. – Диктовать мне подобные условия, окруженный вооруженными людьми, которым вообще ничего не стоит убить вас и скормить местным рыбам, в самом сердце моей земли?!

«Его земли», я не ослышался?

– Лезть ко мне здесь, в моем мире, с дурацкими обвинениями о неуплате налогов и торговле оружием, рискуя с минуты на минуту увидеть меня в ярости от собственного упрямства?!

– Я еще не выдвигал вам обвинений в торговле оружием, господин Воротов.

Тот осекся, но отточенным приемом профессионального дельца взял себя в руки.

– Я могу убить вас, полицейский, нарушив ваш тамошний закон, но поступив по закону здешнему! Это ясно? И никто и никогда не сможет даже связать наши с вами судьбы, не говоря уже о том, чтобы чего-то доказать!

– Вы уверены?! – ударил Андрей.

– Не блефуйте, смелым это не к лицу! И спрячьте липовый патриотизм – вы не в зале суда. Вероятно, трудная дорога повредила ваш рассудок. Убирайтесь, господин Костин, и не возвращайтесь, если не будете по-настоящему готовы к тому, чтобы в чем-то меня обвинить. А иначе мне придется на время забыть, что я законопослушный гражданин.

– Вы меня не убьете, какие бы обвинения я вам ни предъявил, Воротов. – Андрей почувствовал, как вспотели ладони, и стиснул в пальцах перчатки. Смело взглянул в наливающиеся кровью глаза хозяина дома.

– Это еще почему? – надвинулся тот. – И я не смогу вызвать охрану лишь потому, что вы честный и преданный слуга России, готовый пожертвовать последней каплей крови ради долга?!

– Нет. Просто я вам понравился.

Воротов осекся, словно ему в лицо выплеснули стакан ледяной воды. Замер, а краска

постепенно отхлынула от лица. Он хмыкнул, плечи вздрогнули, снова запрокинул голову и расхохотался. Посмеиваясь, достал из халата платок и вытер навернувшиеся слезы.

– Вы и правда молодец, Костин, правда! Так отчаянно сражаться! Ваши боссы могут вами гордиться. На кого вы работаете, на президента? На народ? Отлично, похвально! Знаете, что такое политика невмешательства? Это когда мы с вашим президентом не трогаем друг друга. Я свою часть договора выполняю, в его дела не лезу – своих невпроворот, так пусть и он в мои не суется! Его работа – это его работа, а моя на мне. Понимаете, о чем я? Мы оба зарабатываем деньги, каждый тем, что умеет лучше всего, вот и все. Не более. Он там, я тут. Он одним, я другим. Мы оба строим и правим, так нам что, не хватит места, мы что, локтями будем толкаться? Отнюдь, и вы это знаете. Вы думаете, что я не плачу налогов? Ошибаетесь! Плачу, но почему я должен делать это вашему президенту? У меня здесь свои верхи, значит, и свои законы, и в этом мире я прилежный и внимательный плательщик, поверьте. А до вашего мне дела нет. Так что давайте не будем друг другу мешать, ладно?

Воротов подошел к лестнице, оперся на резные перила. Обернулся, глядя с прищуром.

– А сейчас уходите, – он спрятал платок, – пришлите мне номер счета и сумму – клянусь, вы ее получите. Как компенсацию и заслуженную, заметьте, лишь мною отмеченную, реальную плату за труд. Возвращайтесь в Новосибирск, я прикажу военным не трогать вас и даже подбросить. Уходите, Костин, я больше не хочу повторяться, у меня много дел. Станислав, проводи гостя. Всего хорошего, господин полицейский.

– До скорой встречи, – сказал Андрей, послушно направляясь за появившимся из-за ближайшей двери охранником.

– Нет. – В голосе Воротова все еще слышался смех, он снова обернулся. – Не так, Костин. Уверяю вас, что если наша следующая встреча все же произойдет, то мне придется прибегнуть к более радикальным мерам, чем выпроваживание вас вон.

И господин Воротов неспешно направился в сауну.

Глава 20. Миссия выполнима?

...увидишь терем не терем, избу не избу, сарай не сарай, заходи туда и становись за печью.

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

Пистолет, как это ни удивительно, ему все-таки на выходе отдали, как и все остальное. Хотя даже вот так, сиюминутно, узнав Воротова как человека, можно было ожидать чего-то подобного. А то и автомобиля до города.

Чего там Гонзо, умник хренов, тогда наплел про его психотип? Угрюмый и замкнутый онанист-трудоголик?! Склонный к вспышкам гнева? Вот только про женщин он как-то угадал, Шерлок. Ну да о мертвых или хорошо, или не как.

Буквально через полчаса стало очевидно, что можно и плохо.

Гонзо сидел на задних лапах именно там, где его в последний раз видел Андрей, а именно на верхнем клапане рюкзака, и увлеченно втолковывал что-то открывшей от удивления рот Яне. Она даже не заметила, что со склона, злущий как черт, но довольный первым шагом, спустился Андрей. Продолжала, словно волшебство из сказки, разглядывать говорящую крысу. Гонзо, конечно же заметивший приближение Андрея, вытянулся в столбик и смешно замахал передними лапами.

– Полагаю, – вместо приветствия выдал он, – что ты безумно рад меня видеть?!

Андрей изо всех сил подавил довольную улыбку. Конечно, рад! В первый, но не в последний раз он почувствовал некое живое чувство к не совсем живому, кибернетическому существу. А знать бы, что это не предел... Но полицейский не улыбнулся, вместо ответа едва ли не рывкнув на Яну.

– А если бы вместо меня сюда спустился взвод солдат?! – Она не нашла что ответить,

беспомощно глядя на Гонзо, когда крыса снова спасла положение, примирительно заявив: – Спокойно, босс, не нужно семейных сцен, теперь с вами снова я!

– И вообще, – обрела возмущенный голос Яна, – почему ты не сказал мне, что крыса живая... в смысле – говорящая, ну то есть киборг и вообще?!

– Как ты уцелел? – спросил Андрей, не без удовольствия привычно поднимая мягкий комочек напарника на ладонь. – Я тебя уже похоронил.

– Мелочи, – отмахнулся лапой Гонзо, – отбросило с куском твоего рюкзака и коротнуло об дерево, а вот идти по твоим следам было гораздо интереснее. Как тебе понравится упорная и не разбирающаяся в кибернетике лисица, которую даже два шрама на носу ничему не научили? Так вот и дошел, много видел, много слышал...

– Рассказывай, – Андрей опустил на бревно, – все, что зафиксировал.

Яна недовольно нахмурилась и надула губки. Однако перебивать или вмешиваться не решилась. Села обиженно, отвернувшись в сторону, при этом не забывая внимательно слушать.

– Видел патрули, – начал Гонзо, – вертолеты и прочесывающих лес солдат. Если мои аналитические системы еще не окончательно сбиты, то могу с уверенностью заявить, что вам крупно повезло. Если бы ты видел траектории вашего пути и вектора движений патрулей в отдельные участки времени, тебе бы определенно стало не по себе... Но вы прошли, хотя и не в одиночестве. Я видел мутантов, слышал разговоры. Говорят, вы понравились старейшине Измененных и отдали им карабин? Это правильный и рассчитанный во всех отношениях шаг. Тот киберноид, что двинул сразу за вами по следу после перестрелки, где я получил сотрясение, прошел через резервацию, и я уверенно могу сказать, что больше его никто и никогда не найдет. Несколько мужчин из деревни отследили большую часть тепловых маяков, им оставленных, и побросали их в пруд. Ты молодец, Андрей. Видел мертвых бандитов, брошенный армейский джип. Видел бегущего через лес перепуганного солдата. Еще я слышал переговоры, очень интересно, – пару раз мне удавалось настроиться на армейскую волну. Большая суета, скажу вам. И не только из-за нас, что примечательно. Готовятся к маневрам или приезду комиссии, не разобрать – все шифровки и закодированные обозначения. Если так, то мы в самом центре чего-то очень шумного и к нашему появлению совершенно неготовому. Тем злее идет охота, к слову сказать. Но будь добр, объясни наконец толково, где ты был в то время, пока я знакомился с твоей очаровательной подругой?

– Да! – подавала нетерпеливый голос очаровательная подруга. – Ты достал деньги? Что там было, Полиция?!

– Я был у Воротова. – Андрей тяжело вздохнул, покачивая крысу на ладони. – Выдвинул ему официальное обвинение и попробовал арестовать. Теперь мы в состоянии войны.

– Необдуманный и импульсивный поступок, – заявил Гонзо.

– Что? – возмутился Андрей. – Это единственное, на что я был способен в нашей ситуации. А ты предлагаешь штурм?! Ты дом-то его видел?

– Ты мог дождаться меня и скоординировать планы.

– Чего?! – Андрей едва не прихлопнул воскресшего киборга. – Ну, дружище, ты даешь! Я, твою мать, если она у тебя была, вообще-то полагал, что ты мертв!

– Ты мог верить и дожидаться, – снова отвечал киборг, – я, между прочим, друзей не подвожу!

– Ах ты, гад! – Вовремя вмешавшаяся Яна остановила справедливую, по большому счету, расправу над нахалом, настойчиво затеребив рукав Андреевой куртки. – И что? Что он тебе сказал?

– А? – Гонзо воспользовался паузой, чтобы улизнуть к палатке. – Сказал? Ах ты, гаденыш! – Это снова крысе. – Я еще с тобой поговорю! Сказал? Сказал, чтобы я убирался, а если вернусь – он меня пристрелит. Но одно наверняка – я его зацепил, скажу точно, нутром чую.

– Это, бесспорно, положительный момент, — донеслось из-под палатки, — теперь он наверняка натравит на тебя своих головорезов и похоронит в сточной канаве.

– Нет, — Андрей покачал головой, — не натравит. Воротов из тех людей, что будут играть, если правила их устраивают. А я постарался неплохо начать партию.

– И что дальше?! — не унималась девушка. — Будем грабить?

– Почти, — вместо Андрея ответил киборг, — но не совсем. Сейчас я отправлюсь к особняку, сниму системы охраны и компьютерный контроль. При всей их крутости у них должно быть слабое место, им мы и воспользуемся, если, конечно, сумеем. Предупрежу сразу — стрелять я не обучен, поэтому придется больше действовать головой и скорее всего ночью. Отдыхайте, голубки, я буду через пару часов. Не провожайте, дорогу найду.

И Гонзо, более не сказав ничего, шустрой белой молнией мелькнул в желтой траве.

– Я хочу немного полежать, — Андрей откинул полог палатки, — этот разговор меня слегка измотал, а наш мистер Всезнайка в чем-то прав — теперь, пока он не выполнит свои узкоспециальные функции, приступать к дальнейшим действиям просто бессмысленно. Бери обрез и залезай ко мне.

– Ты так суров с ним. — Яна принялась расшнуровывать ботинки.

– Это фальшивка, и он это прекрасно знает. Если бы не Гонзо, то, возможно, я уже был бы мертв, болен или сошел с ума. По-настоящему.

– А что за дурацкое имя?

Андрей промолчал. Он шаг за шагом повторял в памяти состоявшийся с Воротовым разговор, все отчетливее начиная осознавать, что скорее всего эту партию придется проиграть. Пешка в чужом тылу. И дамкой ей не стать... хоть тресни.

Гонзо вернулся не через два часа, как обещал, а через три с половиной. Но его не потеряли, потому что и Андрей и Яна самым примитивным образом задремали, забыв про время. Возмущенный до глубины своей маленькой кибернетической души, он прошмыгнул в палатку, громко и отчаянно заверещав, чем вызвал целый шквал матов, проклятий и едва не словил заряд из игломета, к счастью вовремя соизвавшись в своей вине.

Затем дождался, пока Андрей хоть самую малость продерет глаза, и затараторил:

– Я проник на территорию особняка и узнал все самое необходимое. Новости не из разряда утешительных, но все же. Системы визуального наблюдения «Бихолдер-2», ночное зрение, реагирование на движение крупных объектов, централизованное управление, передача данных на командный пункт, вероятно круглосуточный. Датчики вибрации «Нарат» по периметру стены и выборочно в грунте под ней внутри. Я даже обнаружил систему навигационного контроля за воздушным пространством. Воротов, видимо не зря, всерьез опасается десантирования.

Далее идут более простые системы сигнализации на самом доме и подсобных помещениях. Камеры и системы ограниченного доступа. В охране как минимум два киборга, но модели не новые, списанные еще лет пять назад, не менее девяти живых человек. Человек шесть прислуги, сам Воротов и девочки, как я и предполагал. Девушек шесть или семь — постоянная свита нашего барина. За время моего присутствия на территории особняка туда дважды наведывались гости. Первый раз двое из охраны привезли на грузовом фляере Воротова троих, деревенских по виду, парней. Гостей сопровождали в нижние помещения, порусски говоря в тюрьму, предварительно слегка помяв и развязав. Второй визитер был встречен более радушно — легковой, повышенной проходимости автомобиль на подушке, без опознавательных знаков. Прибывший — пожилой человек, лет пятидесяти пяти, русский, одет как бизнесмен или банкир среднего уровня, парфюм дорогой, современные средства коммуникации в машине, личность не установил. С ним охранник, он же водитель. Профессионал, гораздо более качественно подготовленный, чем люди Воротова, естественно, вооружен. Обе машины пришли с северо-запада, из Карасева.

Теперь о системах коммуникации самого особняка. Воротов пользуется хорошей и отнюдь не дешевой системой связи, имея непосредственный доступ к одному из так называемых орбитальных VIP-спутников. Отлично защищенный и на сто пять процентов

конфиденциальный мегасервер где-нибудь в Швейцарии или Франции, прямая, недоступная дистанционному перехвату связь. Конечно, он имеет еще и более стандартные, не столь претензиозные каналы – фабричный спутник «Майкрософт», спутниковое телевидение и собственный коммутатор сотовой связи, но все финансовые и приватные операции, конечно, совершает только через защищенный спутник.

Гонзо замолчал, оставив почти ничего не понимающего напарника и совсем ничего не понимающую Яну додумывать то, чего они не поняли. Андрей потер глаза, потянулся и задал вопрос, которому имело смысл научиться любому человеку, имеющему дело с подобным Аналитическим Гением:

– Опиши все возможные варианты дальнейших событий, предполагаемые сценарии развития и процентные вероятности успеха и провалов.

Яна восхищенно наблюдала за брифингом полицейских, открыв рот.

– Мы взламываем персональный компьютер Воротова и совершаем прямой перевод на счета Управления. Вероятность успеха шестнадцать процентов, предполагаемые потери сто процентов...

– Дальше, – зевнул Андрей.

– Цепляемся на выделенную линию его спутниковой VIP-тарелки и повторяем операцию, активировав спутник. Вероятность успеха пятьдесят два процента, предполагаемые потери тридцать восемь процентов.

– Что нужно?

– Мои способности, твой ноутбук и полчаса на территории особняка, в коммуникационном центре или любом отрезке выделенной кабельной линии.

– Мы собираемся проникнуть внутрь? – восторженным шепотом спросила девушка, и полицейские, как один, смерили ее немой оценивающим взглядом.

Андрей снова повернулся к Гонзо:

– Еще варианты есть?

– Сценарии с похищениями Воротова или переодеваниями в инспектора газнадзора интересуют?

– Нет.

– Использование оружия массового поражения?

– У нас все равно нету. Нет.

– Открытый штурм? Запугивание? Шантаж? Использование военных?

Андрей покачал головой, машинально нащупывая в кармане еще утром кончившиеся сигареты. Вспомнил, дотянулся до фляги с водой.

– Тогда все, – бодро пискнул Гонзо, весьма довольный собой, – системы мои, охрана твоя. Когда выступаем?

– Ночью, – сказал Андрей, откидываясь обратно на рюкзак, – возвращайся к особняку и продолжай наблюдение. Возвращаешься в девять, удачи.

Гонзо, пожалуй впервые не ответивший нагlostью на откровенный приказ Андрея, послушно исчез, а Яна осталась сидеть поджав ноги, непонимающе глядя на преспокойно смежившего веки полицейского. Девушка начала медленно осознавать, что каким-то совершенно непостижимым ей образом она в план не попадала.

– Сегодня, возможно, не стоит вообще, – подытожил Гонзо, окончив рассказ, – количество охраны таким образом увеличено почти вдвое, они наверняка усилят и контроль за периметром. Мои рекомендации – это дожидаться, пока кодла разъедется по домам, – день-другой, не больше.

Андрей кивнул, внимательно обдумывая принесенную киборгом информацию, и протянул руку к выходу из палатки, нащупывая веточку. Задуматься стоило. Еще четыре машины, прибывшие в последние три часа, еще девять охранников, хорошо одетые гости. Плюс добавивший вопросов вертолет едва ли не правительственного класса, бесшумной черной тенью проскользнувший на территорию особняка четверть часа назад. Большие гости, важные люди.

– Заседание совета директоров. Воротов наметил деловую встречу? – ни к кому конкретно не обращаясь, сказал Андрей. – Вот повезло нам со временем...

Ну просто везение века. Сейчас дворец Воротова буквально кишел людьми, охранники, солидные дядечки, ворочающие миллионами, и разодетые в прозрачные девицы, да еще азиаты эти. Воротов – мировой мужик, подумал вдруг Андрей, другой бы накануне подобного шабаша вообще без разговоров избавился от полицейского, а потом и не вспомнил вовсе! Это возбуждало и легонько щекотало нервы, напоминая о нестабильности и непостоянности человеческого существования, с другой стороны, вселяя некую боевую уверенность в собственных силах – не ошибся ведь в человеке! А значит, дождет!

– Воротов уверен, что ты возвращаешься в город, – сказал Гонзо, – это я слышал сам из его телефонного разговора с каким-то доверенным лицом по имени Лешик. Он сейчас полностью занят предстоящим собранием, которое, вероятно, уже начинается, и более о тебе не вспомнит. Разве что в качестве светского анекдота... При условии, что все уверены в нашем отсутствии, мы имеем в своем распоряжении пару дней точно.

– А жрать мы чего будем? Механических крыс? Тихонечко сидевшая в углу Яна прыснула в кулачок, но сразу умолкла. Гонзо, словно миниатюрный мохнатый человечек, пожал маленькими плечами.

– Идентифицировать кого-нибудь из прибывших удалось?

– Ну, – замылся, разглядывая собственный хвост, киборг, – был бы у меня доступ к расширенной сети Управления или базе данных нашего отдела, хотя бы...

– Был бы у бабушки член, дедушкой была бы!

– Ладно-ладно, двоих точно. Господин Есипов, член совета директоров Новосибирского приборостроительного завода. Ну, знаешь, наверное, системы наведения, прицелы, оптика плюс электроника, ими отдел контроля за военно-экономическими преступлениями еще занимается. Машина личная, не заводская, но это ни о чем не говорит. С охраной, конечно. А второй – это Фалдин, Сергей Владимирович, директор одного из академгородковских биолого-кибернетических институтов. Их там как грязи, и, насколько я помню, эти тоже занимаются попытками выведения всемогущего биопротессора, эдакой панацеи для отечественной космонавтики, киборгопроизводства и колонизационных программ. Вообще-то Фалдин в наши черные списки не попадает, он вообще со своими учеными мужами из обросшего лесами Городка сама невинность и чистота, чего бы я уверенно не сказал о Есипове.

– А японцы?

– Прилетевшие вместе с Фалдиным на вертолете японцы – это вообще самый интересный момент всей истории. Я их не знаю. Совсем. Но это еще более странно. Вертолет частный; дорогой и мощный, конечно, но частный, сейчас такие выпускают на авиастроительном. На одной из машин барнаульские номера, на еще одной их просто нет. Кстати, во время экскурсии по дому господина Воротова я снял внутренние планы здания. Что еще?

Андрей снова покивал, раздумывая над услышанным. Какой интересный, а главное, своевременный съезд! Может, ворваться сейчас туда с «Тигром» наголо и арестовать всех?! Обвинения и доказательства ведь наверняка найдутся.

– Эх, сейчас бы сюда взвод наших оперативников из групп быстрой поддержки... – подумал Андрей, но Гонзо хмыкнул в ответ, и Андрей с мимолетным ужасом осознал, что снова думает вслух.

Киборг еще раз усмехнулся:

– И за что ты их собрался брать, мистер Элиот Несс? Может, у них там собрание по уточнению деталей создания глобального детского фонда помощи больным лейкемией? И тут ты со своими спецназовцами!

– Ага, фонд, русско-японский! – Андрей закусил губу. В одном Гонзо прав, если Капоне когда-то и замели под эту лавочку, то уж Воротов-то далеко не Капоне. Хотелось бы надеяться, конечно, что сколько веревочке ни виться...

– Да, возможно, – Андрей вздохнул и зачем-то посмотрел на часы, – сегодня нельзя. Слишком рискованно... Скорее всего завтра, дальше мы просто не протянем, и остается лишь надеяться, что они уберутся к вечеру.

– Первое разумное решение, услышанное от тебя за всю поездку! – Казалось, умеет Гонзо улыбаться, сейчас бы лыбился во все свои сто мелких зубиков. Но тут вдруг в разговор вступила Яна.

– Вы что, в Управлении вашем все такие придурки? – для начала поинтересовалась она, придвигаясь поближе и двигая локтем в подвешенный лучом в пол фонарь. По палатке, окруженной плотными сумерками, заметалось пятно света. Как лампа в гангстерских фильмах прошлого века. – Что люди, что их звери! Вы о чем говорите? Не сегодня?! А когда же еще, если не сегодня! Я, конечно, не киборг-аналитик, но, поверьте, знаю, что самый лучший способ убежать от волка, это спрятаться в его норе. Ну, – она замылась, – как-то там по-другому про волка было, но вы поняли... Это ж идеальный вариант! И лучшего не будет! Сегодня, и только сегодня, когда там суeta, шум и полный народу дом. Чего вы собрались ждать – системы наблюдения завтра хуже, чем они есть сегодня, не станут, а завтра, поверьте, когда весь этот гвалт поуляжется, охране больше и делать-то ничего не надо будет, кроме как пялиться в мониторы. Переизбыток охраны не помогает, а только мешает безопасности любого объекта. А учитывая, что в среде людей, таких, как Воротов, принято не только смотреть наружу, но и поглядывать за друзьями-коллегами, его быки будут загружены на все сто! Да что я вам, как умственно отсталым, все объясняю?! Сами же понимать должны!

В палатке наступила тишина. Луч света все еще качался, выхватывая из полумрака то возбужденное лицо девушки, то задумчивого Андрея, то замершую крысу. Наконец Андрей сказал, вынимая палочку из зубов:

– В словах девушки есть определенный смысл...

– Что?! – Гонзо аж подпрыгнул. – Ты опять за свое? И думать забудь! О чем ты? О чем она?! Какой смысл, ты же принял решение?!

– Я еще не окончательно принял решение...

– Не смей говорить обо мне в третьем лице, словно меня тут вообще нет, крыса!

– Со своими рискованными затеями ты рискуешь всех нас угробить и вообще поставить операцию под угрозу!

– В ее словах есть смысл, ты же знаешь, подумай, Гонзо, над этим можно подумать...

– А ты со своей нерешительностью и сраным анализом операции элементарно упускаешь шанс сделать все сразу и без особых хлопот! А речь, между прочим, идет не о чем-нибудь, а о моих деньгах, так что повторяю, не надо делать вид, что меня здесь нет!

– Твои предположения относительно...

Гонзо вдруг замолчал и в наступившей в палатке тишине повернулся к Андрею:

– Она сказала, ее деньгах?

Андрей отбросил палочку к выходу и решительно сел, понимая, что еще немного и разговор скатится к опасному скользкому краю.

– Не важно, что говорит каждый из вас! – отрезал он, игнорируя последний вопрос Гонзо. – Операция находится под моим непосредственным контролем, а значит, и право принятия решения на мне. Так что, пожалуйста, не надо меня загружать вашими дрызгами. – Он взглянул на часы. – Сейчас без четверти десять вечера, и ровно в десять часов я дам вам знать об этом решении! А пока помолчите, иначе стянете на свои вопли всю охрану Воротова!

Закончив гневную речь, Андрей пробрался мимо притихших напарников к выходу и вылез на улицу, натягивая пониже шапку. Как же надоели ему уже эти темнота, лес и постоянный холод.

Глава 21. Штурм

Он туда вошел и спрятался за пенью.
«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

– Может быть, еще не поздно повернуть? – спросил Гонзо, уткнувшись носом в закрытое отворотом шапки ухо Андрея.

Тот удостоил напарника косым взглядом, полным нескрываемого презрения, и двинулся дальше, осторожно ставя ноги в валежник и стараясь не налететь на низкую ветку. Морозный воздух приятно пощипывал кожу.

– Слишком громко, – прокомментировал Гонзо, – нас услышат.

– Заткнись, – прошипел сквозь зубы Андрей, продолжая двигаться к забору. Ветки немилосердно хрустели, ломались и шелестели лежавшей под ними листвой. Темнота – хоть глаз выколи.

Стоп. Хватит. Андрей осторожно опустился на землю, расчищая себе в опавшей листве позицию. Лег, бесшумно опуская за поваленное бревно сумку с электроникой, снял киборга с плеча.

– Дистанция достаточная? – тихо, одними губами спросил он, глазами меряя отделяющие его от кирпичного забора десять – пятнадцать метров.

– Вполне, – ответил Гонзо, прыгивая на землю, – а как ты думаешь, с девочкой проблем не будет?

– Ты не о том сейчас думай! – раздраженно прошептал Андрей. – Девочка тихо дожидется и прикроет отход, не ссы! Давай к делу! Локальный центр здесь?

– Разворачивай компьютер, – Гонзо вскарабкался на бревно, – я цепляюсь на кабель, настраиваюсь на волну передатчиков, ты качаешь картинку и делаешь самый распространенный и древний прием всех воров мира – замораживаешь ее. Затем я блокирую «уши» и подаю сигнал тебе. Расстояние между инфракрасными датчиками навигационного контроля – два метра, тебе хватит.

– Все так! – Андрей достал из сумки ноутбук и открыл, приглушая яркость ослепительно вспыхнувшего в ночи экрана. – Проверка передатчика. – Он дотронулся до утопленной в правое ухо пластмассовой бляшки. – Слышу отлично, прием. – Это уже в приклеенный под подбородком микрофон. – Все в норме. Пошел! Я подключаюсь.

Гонзо бесшумно нырнул в траву, буквально через три секунды маленьким белым комочком взлетая по темной стене, а Андрей заскользил пальцами по клавишам компьютера, готовя программу.

– Это твоя крыса, я на локальном узле контроля, вскрываю кабель, – раздалось в правом ухе.

– Готов к приему.

– Лови. – Шкалы частот на экране какое-то время не совпадали, рябили, затем сошлись, всплыл запрос на утверждение частоты, и Андрей поправил установленный на торце монитора портативный передатчик, направленный в сторону забора. – Секунд десять, больше не надо. Только обрати внимание, чтобы, как в дешевых боевиках, в закольцовке не появилось ничего движущегося.

Умник хренов. Андрей настроил картинку – кусок леса, забор, расчищенная полоса земли вдоль забора. Выждал, включил запись. Сохранил файл, закольцевал и отправил на локальный узел, невольно подумав, а что было бы, окажись его напарником не крыса-хакер с немалым набором электронных способностей, а сексапильная брюнетка из последних поколений...

– Файл пришел, – сказала ухо, – закольцовка ровная, хорошо. Отключаю канал слежения, посмотрите кино, ребята. Все, «Бихолдер» наш. Теперь жди, работаю с «ушами» и датчиками вибрации.

Полицейский прикрыл компьютер и в наступившей темноте погрузился в мучительное, полное тревоги ожидание. Гонзо ответил минут через семь, растянувшихся в ночной прохладе на целый час:

– Андрей, системы шумового контроля и слежения за перемещением крупных объектов подавлены, но ненадолго – обставил, как локальную подзарядку батарей, включатся через десять минут. Датчики давления со стены убрал. Смешно, но действовали они только на толчки не менее второго уровня по сейсмической шкале MSK-64, совершенно не предусматривая ситуацию, когда их станет отколупывать от кирпичей крыса! Можешь начинать действовать, периметр чист, внутри никого. Но быстро – я не знаю скорость и частоту обновления систем, так что «Бихолдер» может неожиданно ожить, зафиксировав вмешательство и изменение привычных норм работы.

– Понял, иду! – Андрей сорвал с монитора передатчик, захлопнул ноутбук, забросил его в сумку и поднялся, привыкая к навалившейся темноте. Постоял, отсчитав тридцать секунд, и двинулся к стене, уже не заботясь о хрустящих под башмаками ветках, последние метры преодолев вообще бегом. Остановился, подтягивая перчатки, и закинул сумку за спину.

– Ты наверху?

– Да, жду, но не забывай про навигационный контроль. Андрей глубоко вздохнул и подпрыгнул, хватаясь за край забора.

– Все чисто, продолжай, – успокоило ухо. Подтянулся, упираясь подошвами в стену, рывком поднял себя наверх и сел, свесив ноги наружу.

– Ты мои глаза на спине.

– Знаю-знаю, все чисто. Продолжай, – боковым зрением Андрей заметил справа, на коробке локального узла, своего белоснежного напарника, – я тебя прикрываю.

Андрей зачерпнул в ладонь покрывавшей забор пыли и подбросил в сторону круглого зрачка плящей в небо системы воздушного контроля, зачарованно наблюдая, как проявляется в оседающей пыли красный невидимый луч. Повернулся, осторожно, стараясь все-таки лишний раз не шуметь, и посмотрел на особняк.

Впечатляло. Практически во всех окнах горел свет, на балконах и террасах прогуливались люди, звучала негромкая музыка, не замеченный раньше Андреем фонтан за домом сверкал разноцветными фонариками, слышался звонкий женский смех. Мы чужие на этом празднике жизни, Гонзо, захотелось сказать сейчас. Справа, почти не освещенный, тоскливо темнел на площадке массивный силуэт вертолета.

– Датчики «Нарата» на два метра по ширине под всем забором. Прыгай как можно дальше, – сказал киборг, и Андрей увидел, как пулей метнулся со стены белый комочек, пролетев метра четыре. Он аккуратно, балансируя рукой, поднялся на стене, другой рукой придерживая сумку. – Давай! Андрей прыгнул, как можно сильнее отталкиваясь от широкого верха забора, группируясь в полете и прижимая к себе сумку, уже через секунду катясь по влажной и пушистой, словно ковер, зеленой траве. Вскочил, тут же падая на колено, и выхватил пистолет.

– Все тихо, – сказал Гонзо, – прошел хорошо. Теперь быстро к дому, к вертолетной площадке не приближайся. – Андрей спрятал оружие и недоверчиво осмотрелся. Они внутри. Обратно дорога только с победой.

Вздохнул, поднимаясь, и бесшумно заскользил по траве к особняку. Гонзо, отчетливо заметный на темном фоне травы, бежал впереди, периодически останавливаясь, чтобы прислушаться. Пересекли пару бетонных дорожек и юркнули в высокие, очень красиво обработанные садовником кусты, что элегантно и богато обрамляли длинную, уводящую к дому аллею.

– Коммуникационные центры находятся на крыше, – сказал Гонзо, – северное крыло здания, двухэтажный блок, там, между двумя башнями, на ступени и находится VIP-тарелка. Обойдем со стороны фонтана, поднимемся по решетке, потом через балкон, его не видно отсюда. Там по скату крыши наверх, на ступень. Датчиков и камер у тарелки нет, так что время будет...

– Двинулись. – Они прошли аллею, свернули к северу. Андрей пригнулся к земле, почти шел на четвереньках, постоянно оглядываясь по сторонам. До дома оставалось метров

двадцать, не больше, когда Гонзо вдруг замер на месте, а в ухе раздался его возбужденный голос:

– Внимание! Стоп! Собака, одна, тридцать метров на два часа. Осторожно.

Андрей мгновенно повалился на травяной ковер, поворачиваясь лицом на северо-восток. Темнота. Тишина.

– Она там, – сказал Гонзо, – идет к вертолету, остановилась, принохивается. Идет сюда... Внимание!

Андрей оттолкнул сумку, выхватывая пистолет. В темноте осенней ночи он теперь отчетливо видел светлое пятно собачьей туши – с маленького теленка тварь! Прицелился, снимая предохранитель.

– Перешла на рысь, приближается, восемнадцать метров. Она тебя взяла! – Собака остановилась, поднимая голову, тихо, словно недоверчиво рыкнула в сторону Андрея, снова опустила нос к траве и пошла дальше, переходя на рысь.

Андрей начал стрелять. Слабые, едва слышные хлопки «Тигра» смешались с жалобным, скулящим воем пса, от неожиданности сначала отскочившим в сторону. Первая игла, как это ни удивительно, сразу попала в шею. Пес закружился, не в силах осознать, что происходит, а металлические осы одна за одной опутывали его голову и тело, унося жизнь. Пес зарычал, срываясь на визг, и попытался ринуться в атаку. Девять зарядов менее чем за пять секунд, и Андрей опустил ствол, вслушиваясь в темноту. Собака даже поскулить как следует перед смертью не успела, на темном ковре травы неподвижно распласталось ее огромное тело.

Дрожащей рукой Андрей перезарядил пистолет.

– Учитывая особенности породы алабая, – отвлеченно резюмировал Гонзо, – и его шерсть, пули в данной ситуации сыграли бы меньшую роль.

– Она мертва?

– Как Тутанхамон.

Андрей поднялся, осматриваясь. Двинулись дальше.

– Как скоро они могут найти собаку?

– Обычно обход раз в час, но сегодня... Может, другие собаки, так что минут десять – пятнадцать.

– Тогда быстрее.

Почти бегом он достиг стены дома, двинулся к балкону, обходя пристройки подсобных помещений, снова закинул сумку на спину.

– Справа от балкона камера, двигайся вдоль стены и слезай с решетки только на скат. – Гонзо щелкнул выдвижными когтями и прыгнул на стену.

Решеткой, конечно, это назвать было сложно – некий элемент конструкции дома, железный лист, вмонтированный в бетон, покрытый немалым количеством отверстий, прорезей и дыр. Андрей с сомнением осмотрел конструкцию и ухватился за первую прорезь.

– Так, наверху никого, двери в дом заперты, – сказал Гонзо, выбираясь на балкон, – камера делает осмотр, фаза четыре секунды.

Андрей достиг края, осторожно выглядывая из-за фигурных перил. Двери действительно были закрыты и занавешены плотными шторами. Из комнаты неслась музыка, слышался приглушенный женский смех, звон сдвигаемых бокалов.

– Вижу, – прошептал он, рассматривая темный, пристегнутый к стене над балконом цилиндр. Камера поползла прочь, щелкнула, вернулась, снова. – Поднимаюсь дальше.

Андрей задержал дыхание, собираясь с силами.

– Три, два, – начало считать ухо, – один, пошел!

Андрей рванулся, одним прыжком минуя опасный сектор, словно заправский альпинист. Ухватился за край ската, ногой упираясь в навес, подтянулся, отчетливо представляя, как разглядывают сейчас на мониторе его ногу дюжие парни с «береттами», и вылез на крышу второго этажа, тут же садясь в тень.

– Почти успел, – сказал Гонзо. Значит, все-таки не успел...

Андрей перевел дыхание, встал. Дом Воротова был построен ступенями, разной высоты блоками, хаотично нагроможденными, словно башни замка. Сейчас прямо над головой Андрея, стоящего на покатой крыше одной из двухэтажных секций, находилось освещенное, приоткрытое окно третьего этажа другого, четырехэтажного крыла. Он пригнулся, осторожно поднимаясь на гребень ската, и обошел блок, рассматривая освещенный подъезд внизу, черные силуэты машин и нескольких охранников, мерзнувших на боевых постах.

Тут, на специальной площадке – бетонной ступени между тремя секциями дома, под окнами и декоративным балкончиком, и располагался кабельный центр-коммуникационных линий особняка. Андрей присел за нацеленной в Большую Медведицу тарелкой, снимая с плеча сумку, и привалился спиной к стене.

Гонзо без промедления принялся исследовать жестяные коробки кабельных центров.

– Если ты все-таки хочешь не только выполнить миссию, но и уйти отсюда, – сказал он, – советую поторопиться! – Андрей кивнул, стряхивая усталое оцепенение, и достал ноутбук. Шнуры, передатчик, дополнительный винт. – Здесь, – сказал киборг, – этот кабель, непосредственный доступ. Разъемы с собой?

Андрей не ответил, снимая крепежи короба и разглядывая блестящий ярко-синий кабель VIP-передатчика. Открыл компьютер, подключил провода, приготовил разъемы. Киборг, словно профессиональный хирург, четким движением когтя вскрыл лакированный бок кабеля, обнажая жилу, и Андрей подключился к линии.

– Теперь, – Гонзо переместился к компьютеру, – быстро. Врубай систему и давай наш системный диск, хвала отделу компьютерного терроризма. Запустишь машину через наш загрузочный, получишь неполный доступ, скопируешь системные файлы и обшивку Воротова на дополнительный винчестер, выйдешь, активируешь дешифровальную систему, скопируешь пароли полного доступа. Запустишься снова, войдешь через пароль – готово!

Андрей кивал, внимательно слушая киборга, а руки уже работали на клавишах, быстро, сбивчиво. Тарелка антенны двинулась с места, с едва слышным жужжанием развернулась и снова замерла, приняв необходимый угол наклона. На взлом системы Воротова дешифровальной программе отдела компьютерного терроризма потребовалось две с половиной минуты. Андрей нервно поглядывал вниз, на часы и открытое окно четвертого этажа, в котором то и дело появлялись женские и мужские силуэты.

– Пароли «Валерия» и «Завихрение»? – поинтересовался Гонзо, глядя в дисплей. – Перегружайся.

Отсоединить винт, переключить штекера, запустить систему. Введите пароль. Добрый вечер, Илья Игнатьевич.

– Ты знаешь, где искать? – спросил Андрей, торопливо просматривая директорию. Киборг кивнул, залез на клавиатуру, уткнувшись мордой в монитор.

– Сюда. Теперь сюда, запускай. Ага, теперь сюда, введи второй пароль, ага, вот эти файлы и содержат всю информацию о финансовой деятельности господина Воротова. Да ведь мы взяли его за жопу, прости, Господи!

– Ты только посмотри, – прошептал Андрей, вглядываясь в столбцы цифр, колонки и номера счетов, – сколько здесь всего! Мы можем выйти на связь с Управлением?

– Конечно!

– Только вот сейчас самое необходимое, – Андрей снова застучал по клавишам, тарелка бесшумно заворочалась, следя за спутником, – необходимые переводы, так, где у нас файлы с санкциями и суммами конфискации? Мы больше нужного не берем, и вот тут... ага, вот оно, смотри.

Андрей отрешенно откинулся спиной к стене, глядя на далекое, посверкивающее ночными огоньками Карасево. Гонзо молчал, лихорадочно анализируя сложившуюся ситуацию. Человек тяжело вздохнул, закрывая ноутбук.

– Мы еще можем попробовать вскрыть его доступ к офшорным среднеземноморским счетам и совершить перевод оттуда, – сказал киборг. – Необходимые пароли тоже защиты в

оболочку системы, сейчас вскроем, и все дела...

– Там дополнительный контроль, связь по телефону, голосовая модуляция, ежедневное обновление паролей... с этими деньгами операции не производятся, ты же знаешь, они просто оседают там на пенсию. Они все-таки умеют прятать украденное.

– Ты совершенно напрасно падаешь духом. – Гонзо перепрыгнул на его колено. – Это означает лишь, что деньги либо обналичены, либо все еще вложены в металл.

Андрей медленно кивнул. То, что удалось обнаружить в персональных компьютерных владениях господина Воротова, можно было назвать одним удачным словосочетанием – встречный удар в глаз. Счета Воротова, все внутренние и внешние, официально проверяемые, сугубо личные и контролируемые полицией, если не считать какой то мелочи, были пусты. И на них не то что не было положено необходимой для конфискационного отчета суммы, а даже снято последнее – весьма крупные цифры, обналиченные или переведенные на чужие адреса. Так, словно он собрался совершить покупку века. С господина Воротова честным путем хакерства просто нечего было взять!

– Он нас обыграл...

– Перестань нести чушь и немедленно копируй систему – тут материала хватит, чтоб дядю Илью засадить по полной, лет так на триста! Смотри, – Гонзо вернулся к компьютеру и головой поднял крышку, – переводы в науку, еще, вот этого я не знаю, тут вот за бугор. Ха, смотри сюда, это ж наши японцы! В следующий раз сюда не тебя пошлют, а роту спецназа!

Сирена, взревевшая над самым ухом, едва не лишила Андрея слуха. Он вздрогнул, рванулся от голосащего динамика и упал на скат, едва не укатившись к краю. Внизу слышались крики, шум, топот ног, собачий лай. Сирена умолкла, но через секунду дом расцвел десятками прожекторов, принявшихся обшаривать территорию особняка.

Андрей, все еще ничего не соображающий, метнулся к компьютеру, собирая оборудование, и если бы не передатчик в ухе, ни за что не услышал бы Гонзо.

– Спокойно, напарник! Они обнаружили собаку, но сейчас главное не сделать глупостей! Остановись наконец! Самым правильным в нашей ситуации будет быстро и профессионально завершить сбор информации и затаиться! Ты никуда не побежишь, а притихнешь так, чтоб не нашли, и все, понятно?!

Андрей замер, обдумывая услышанное. Бежать сейчас – это конечно самоубийство, а крышу они вполне могут и не обыскать... Он отодвинул сумку, достал пистолет и подполз к краю, выглядывая из-за невысокого парапета.

Охрана, как воротовская, так и приезжая, высыпала на улицу, вооруженная до зубов, из клеток подняли всех собак – теперь точно найдут... Андрей до боли закусил губу. Что дальше?

Сбросить по сетке сигнал бедствия в Управление? Андрей оторвался от края, подтягивая ноутбук, как тут в районе ворот грянул выстрел.

Охрана внизу мгновенно всполошилась, вскидывая оружие, начали закрывать ставни, слышались крики, над головой в окне завизжала женщина. Зашлись, брызжа пеной, взятые под поводок волкодавы. Прожектора, без особой нужды и все же не добивая до дальней цели, словно по команде, метнулись в одну сторону, куда, словно гончая стая, уже неслись охранники. Выстрелов больше не было, а охрана скрылась в стороне отчетливо различимых вдали ворот и небольшой будки проездного поста, уже освещенных собственными, хоть и запоздало включенными фонарями. Народ на крыльце все толпился и гудел, не желая расходиться даже под вежливыми угрозами ребят местной службы безопасности. Андрей обернулся к Гонзо:

– Она их отвлекает!

– Что?

– Девка отвлекает охрану, чтобы я ушел! – Он торопливо побросал в сумку компьютер, шнуры и штекера, застегнул, подкинул на плечо. – Дает мне шанс.

– Это она?

– Ты же киборг! – Андрей проскользнул под диском тарелки, пробираясь к началу

ската и выглядывая из-за края. – Вот и идентифицируй звук выстрела. Да я, даже оглушенный, сразу же узнал ее хлопнушку!

– Она все-таки покинула лагерь. – Гонзо был взволнован, казалось, не меньше самого Андрея. – Все-таки вмешалась! Ослушалась твоего приказа! Она ставит всех нас под угрозу!

– Она дает нам шанс, – повторил Андрей, удобнее цепляясь за металлическую конструкцию, уже послужившую лестницей, – мне срочно нужна фаза поворота камеры – считай и командуй!

– Ты думаешь, мы успеем добраться до стены раньше собак?!

– Считай! – рявкнул Андрей.

Но тут возбужденные голоса и крики со стороны подъезда донеслись вновь, на этот раз еще более громкие и отчетливые, что-то вскрикивали женщины, шипели рации охранников, громко смеялись мужики. Андрей замер, уже поставив ногу на скат, а Гонзо скользнул вниз по решетке, высматривая камеру. Псы надрывались до хрипа, обрывая поводки, голоса усилились, а через секунду внизу, стуча башмаками по бетонным дорожкам, вокруг особняка понеслись несколько охранников с собаками, мощными ручными фонарями про шаривая ночную плоть. Андрей рванул назад, падая за парапет, затянул ноги на крышу. Появился Гонзо:

– Внизу охрана, много, прочесывают аллеи, частота поворота камеры увеличена вдвое.

Андрей сказал гадость. Еще. Пригнулся, снова проползая под тарелкой, и вернулся к восточному парапету, выглядывая на подъезд. И замер, не в силах поверить. В слова, как всегда, все облек подоспевший Гонзо.

– Вот теперь труба! – сказал он, глядя, как двое крепких, бритых наголо парней волокут, практически несут над землей, к заполненному народом ярко освещенному подъезду слабо, словно во сне, брыкающуюся Яну. Девушка висела меж мужиками на вытянутых руках, вяло переставляя ноги и болтая непослушно опрокидывающейся назад головой. Ее обрез и шапку нес третий, прихрамывающий следом на левую ногу охранник.

Две сдерживаемые охранниками у подъезда собаки истерично рычали, срываясь на скулеж и дикий визг, дергая и вырывая из рук поводки, стараясь любыми средствами добраться до попавшегося чужака. Яна же почти не сопротивлялась, едва не теряя сознание, она просто висела на охранниках, безуспешно пытаясь прийти в себя и мотая головой. Попытка повторения произведенного Андреем в логове пиратов финта не удалась.

Андрей втянул голову за край, когда от подъезда к охранникам и их пленнице неторопливо вышел сам Воротов в сопровождении уже знакомого полицейскому Станислава. О чем говорили, слышно не было, но догадаться было, в общем, несложно. Воротов спрашивал охранников, те кивали и быстро отвечали. Затем он шагнул, в упор заглянул в лицо девушки, ладонью придержал ее бессильную шею, что-то рыкнул ближайшему (с обрезом в руке) охраннику, и как только тот начал оправдываться, что-то показывая на своей хромой ноге, резко хлестнул того ладонью по лицу.

Охранник замолчал, опуская голову, и отошел, потирая щеку, а Воротов отдал краткие, но четкие, словно армейские команды, распоряжения, и" девушку занесли внутрь под восхищенные и возбужденные возгласы гостей. Воротов некоторое время неподвижно стоял у подъезда, выдыхая в ночную прохладу облака белоснежного пара, даже не оборачиваясь к толпе у крыльца. Спокойно осмотрел погруженную в темноту принадлежащую ему территорию, словно рассчитывая заметить там притаившегося Андрея, закурил и подозвал одного из охранников.

Андрей тяжело вздохнул и сделал единственное, что, пожалуй, мог в данной ситуации сделать, – плотнее завернул сумку и вложил сверток в щель между бетонными панелями крыши. Протолкнул поглубже, чтобы не было заметно хотя бы с первого взгляда, и вернулся к краю, отлично зная, что увидит. Воротову вынесли трубку радиопередатчика.

Акустика, установленная под окном третьего этажа прямо над головой Андрея, деликатно прокашлялась, затем пискнула пару раз и спокойно задышала. Ровное, размеренное дыхание господина Воротова. Андрей обернулся, оглядываясь на черный,

выделяющийся на фоне красной стены передатчик, один из множества развешенных вокруг дома, и приготовился слушать. Воротов не торопился, отрегулировал громкость, неспешно осмотрелся по сторонам, а потом заговорил.

– Господин полицейский, я знаю, что вы меня слышите, – сказали Воротов внизу и динамик за спиной, – так что давайте не будем тянуть лишнее время, а решим наши вопросы по возможности быстро. Насколько вы осведомлены из моих досье, я человек решительный и привыкший к быстрым, порой суровым решениям, так что слушайте меня сейчас внимательно.

Воротов принялся неспешно прогуливаться, вежливо и решительно сопровождаемые его охранниками гости постепенно перемещались обратно в дом, крыльцо пустело.

– Произведенное вами на меня сегодня утром хорошее впечатление окончательно испорчено этой последней выходкой. Вы заставляете меня сомневаться в вашем здравомыслии, господин полицейский! Зачем вы проникли сюда? Зачем убили собаку? Чего вы намеревались этим добиться?! Выходите, Костин, даю вам слово, что если вас найдут мои ребята, встреча будет отнюдь не такой теплой. Выходите, чего бы вы там ни набедокурили, и давайте отложим наши разбирательства до завтра, я чертовски не желаю портить вечер ни себе, ни своим гостям... Обещаю.

Он остановился, оглядываясь на дом, и Андрей невольно отпрянул от края в тень.

– У меня ваша напарница, как вы, должно быть, уже знаете. Милое и доброе создание, любящее разок-другой воспользоваться этим страшным обрезом. Господин полицейский, выходите и, прошу вас, не заставляйте меня использовать эту девушку как последний и самый надежный аргумент. Уверяю вас, что как бы тепло, трепетно и почтительно я ни относился к представительницам слабого пола, любыми средствами оберегая их от напастей нашей суровой жизни, учитывая обстоятельства, рука моя, как говорится, не дрогнет... Вы же понимаете, о чем я говорю?!

Даже в этой спокойной и полной хорошо прикрытых угроз речи он был весь – богатый, ленивый, неспешный и холерный, не упускающий ни единой возможности покрасоваться. Воротов выжидающе развел в стороны руки, как будто был точно уверен, что Андрей сейчас его видит. Двое охранников торопливо приблизились, готовые броситься под снайперский выстрел из тьмы, держа наготове фонари и оружие.

– Вполне.

Гонзо запоздало зашипел, ныряя в темень, но Андрей уже стоял в полный рост, опираясь ногой о парапет. Охранники Воротова среагировали мгновенно, бросаясь к боссу, прикрывая, отталкивая, и вскинули автоматы в появившуюся на крыше в свете их фонарей фигуру. Воротов медленно обернулся, вышел из-за широких спин, приветливо поднял руку и широко улыбнулся:

– Поздравляю с принятием единственного верного решения. Обождите там несколько секунд, за вами придут мои люди.

Андрей отвернулся, сел на низкий парапет и закрыл глаза.

Глава 22. Тюрьма

Дорожный человек костоват и черен, ты наперед баньку истопи, меня вымой, выпари, тогда и ешь.

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

– Дамы и господа, позвольте представить вам непосредственного виновника произошедшего на улице шума, моего запоздало явившегося на вечер приятеля – Костина Андрея!

Воротов отступил в сторону, театрально отводя в сторону руку, и Андрей почувствовал, как разжимаются пальцы держащих его в медвежьей хватке охранников. Он

качнулся вперед, едва не упав в залитый ярким светом овальный, полный людей зал, но удержался на ногах и выпрямился, шуря глаза. Один из идущих следом охранников, тот самый, что только что пересчитывал ему ребра, незаметно придержал за плечо, одновременно не давая упасть и подталкивая в зал.

Осторожно подбирая отбитыми легкими наполненный дорогими духами воздух залы, Андрей попробовал улыбнуться, выпрямляясь в полный рост. Находившаяся в зале публика утихла, смолкли разговоры, смех и звон бокалов. Шурша одежками, гости постепенно разворачивались к распахнутым двустворчатым дверям, в проеме которых стояли сейчас Андрей, Воротов и двое охранников.

Хозяин дома отошел в сторону, давая своим гостям большой обзор, и снова указал на Андрея расслабленной кистью:

– Андрей прибыл без официального приглашения, но, помилуйте, какие могут быть приглашения между старыми знакомыми? Мы с господином Костиным... решаем общие финансовые вопросы, так сказать. Прошу любить и жаловать.

Гости ответили робкими, осторожными улыбками, кто-то кивнул, больше оглядываясь на самого Воротова, кто-то лишь молча и задумчиво созерцал прибывшего. Воротов улыбнулся, весьма довольный представлением.

– Добрый вечер, – сказал Андрей, стараясь не морщиться от боли в пробитой губе, – прошу прощения за мой внешний вид – сломалась машина... – Он скосил глаза, задумчиво разглядывая тяжелые рубиново-красные капли, срывающиеся с его щеки на богатый ковер. Поднял руку, зажимая нос, и отшатнулся на руки охранника, медленно, словно во сне, разглядывая проплывающие перед ним лица.

Воротов что-то сказал, продолжая улыбаться, его слова неясным гулом отозвались в больной голове, а охрана тут же потянула Андрея прочь из комнаты. Цепочка лиц лениво проплывала перед глазами – напуганные, заинтересованные, презрительные и полные отвращения.

Вот широкие, словно намеренно откормленные до необходимой ширины лица бизнесменов, двойные подбородки и вислые, идеально выбритые щеки. Вот суровые лица, весьма бандитские, покрытые едва заметными шрамами и стильной сине-стальной щетиной. Вот японцы, непроницаемые, спокойные, молчаливые, с захлебывающимся в словах переводчиком. Вот военный, похожий на поставленного на задние лапки хряка, обряженного в форму майора Вооруженных сил Российской Федерации. Вот девушки, улыбчивые и стерильно-красивые, готовые на все, разряженные в прозрачное и блестящее.

Улыбки и плотно сжатые губы, белоснежные скалящиеся зубки и тычки пальцев в лицо. Шепотки и обмены мнениями, косые взгляды и полные нескрываемого презрения глаза в упор. Надменные и испуганные прищуренные, прячущие за собой пороки, грехи и злобу, скрытые сотнями масок. Как же сильно напомнили они сейчас Андрею резервацию Белохвостова. Люди, мутировавшие сознанием. Проигрывающие Измененным, отброшенным на обочину мира хотя бы в том, что последние не убоились своего убожества.

– ...проводим господина Костина наверх, где он переоденется, приведет себя в порядок и через некоторое время снова спустится к нам. – Воротов поклонился гостям, коротко кивнул охранникам, и Андрей почувствовал, как его запросто увлакивают в закрывающиеся двери.

И вот тогда он увидел ее.

Золотая ткань скромного вечернего платья горела в свете люстр, словно тысяча солнц, переливаясь и не позволяя глазу ухватить истинную форму, а обнаженные плечи сверкали девственно-белым мрамором. Она стояла в толпе гостей, высокая, но совершенно в ней не выделяющаяся. Чуть левее, почти скрытая от взгляда замершим в позе триумфатора Воротовым, категорически не похожая ни на одну из присутствовавших здесь девушек. Неприметная на фоне остальных, разряженных в вызывающе яркое сосок Воротова, подчеркнута скромная и словно уставшая. Правая рука с опасно наклонившимся в ней высоким бокалом золотистого шампанского опущена вниз, а сама она готова вот-вот

раствориться в шуме зала.

Андрей поднял взгляд на ее лицо, овал картины бесконечно идеальных черт, с двумя бездонными омутами серых глаз; почти не тронутое косметикой, а оттого еще более прекрасное, и почувствовал, как пол улетает из-под ног. Она быстро, словно задумавшись, небрежно провела пальчиком по коралловым, безупречным губам, и Андрей вдруг перехватил ее взгляд, полный какой-то неясной тоски и усталости. Девушка смотрела на оставленные на ковре багровые капли, смотрела неохотно, пытаясь, но будучи не в силах отвести глаз. Машинально провела пальцами по длинной золотой цепочке серьги. Белоснежной рукой, до локтя спрятанной в длинную золотистую же перчатку, дотронулась до собранных на затылке в пучок темно-каштановых волос и подняла лицо. Стоящие вокруг нее люди словно размылись, выпадая из фокуса, четкой осталась лишь она и ее внимательный, усталый взгляд.

Их глаза встретились.

На миг.

Дверь захлопнулась.

Охранник коротко выдохнул и практически без размаха ударил Андрея в бок. Сложившееся пополам тело подхватили на руки и поволокли к лестнице, забывая приподнимать ноги на ступенях. Андрей хрипел, пытался дышать и переставлять ноги, но его еще раз, теперь, кажется, прикладом, ударили в бедро. Он обмяк, более не сопротивляясь, и позволил охранникам затащить себя на третий этаж.

Тут их и догнал Воротов. Парни остановились, пытаясь придать Андрею вертикальное положение, и развернули пленника лицом к боссу. Тот кивнул, оправил безупречный воротник черного пиджака и, медленно обойдя Андрея, остановился у узкого, стянутого коваными решеточками окна. Локтем небрежно оперся на стоящий у подоконника бронзовый бюст, наклонился к стеклу, вглядываясь в ночь. Охранники, убедившись, что Андрей не упадет, отошли к лестнице, настороженно, словно псы, посматривая за хозяином. Воротов тяжело вздохнул, поцокал языком:

– Нехорошо получилось ведь, да, Андрюша?

Андрей промолчал, восстанавливая дыхание, но Воротов ответил за него:

– Нехорошо, и это любому понятно. Мало того, – покачал головой он, – что вы уговор утренний наш нарушили, так еще теперь и перед гостями в неловком свете выставили! Ну скажите, чего вам тут понадобилось искать? – Воротов обернулся к Андрею, отрываясь от окна. – Спрятанные в чемодан металлы? Скрывающегося под диваном господина Мамукашвили? Вы на крышу зачем забрались, Андрей? К линии моей подключиться? Ай-ай, как некультурно. – Воротов улыбнулся, подходя к полицейскому и кладя ему на плечо руку. – Пройдемте, я вам вашу комнату покажу. Вы там отдохнете, выпитесь наконец. А завтра побеседуем, да? Нет, вы не думайте, я вас не в тюрьму веду...

Они медленно двинулись от лестницы по неярко освещенному коридору, преследуемые охранниками, мимо картин, деревянной мебели и красивых резных дверей.

– Ваша напарница, – Воротов доверительно понизил голос, – уже спит. Отдыхает, так сказать. И вам не повредит. Только скажите, куда ноутбук дели?

Андрей остановился и посмотрел в лицо Воротова, скосив заплывающий после удара глаз.

– Какой ноутбук?

Охранник двинулся было, замахиваясь, но Воротов поднял руку, останавливая удар.

– Хорошо, – вздохнул он, – поговорим завтра... А вы, Андрюша, подумайте ночь, да к разговору хорошо подготовьтесь, это как экзамен будет, правда. – Он снова улыбнулся, лениво, надменно. – Я ведь вас предупреждал, что будет, если вы вернуться пожелаете, да? Вот вы и вернулись... Да еще мне делами мешаете заниматься, нехорошо.

Он отпустил плечо Андрея и отошел на пару шагов, останавливаясь у завешенного старинным оружием настенного ковра.

– Кстати. Прознав про ваше прибытие, военные требуют, чтобы я выдал им вас и вашу

девушку. Кажется, вы там в них немножко постреляли? Кого-то убили? Не важно. Это ничего, не страшно, это будет держать их в форме... Я ответил, что не выдам вас. Вы же мой гость. – Воротов многозначительно улыбнулся. – Но обещал подумать. Уж больно шумно вы до меня добирались, господин Костин.

Илья Игнатьевич Воротов отвернулся, возбужденно блестящими в неярком свете коридорных ламп глазами рассматривая композицию на ковре. Тут были и шпаги, и мечи, рыцарские топоры и шестоперы, пистолеты семнадцатого века, револьверы века девятнадцатого, алебарды и много чего еще. Андрей повернул голову, неожиданно замечая, что весь этот участок коридора – несколько широких ковров – сплошь увешан старинным оружием. Коллекция впечатляла. Как, впрочем, и все, что было в доме.

Воротов развел руками:

– Нравится? Не отвечайте, по глазам вижу. Одна из слабостей. – Он благоговейно провел пальцами по рукоятке полуторного рыцарского меча. – Ничего не могу с собой поделаться... Не стесняйтесь, Андрей, – он поманил его рукой, – так или иначе, но волею случая вы стали моим гостем, так что прошу, почувствуйте себя, как говорится!

Андрей подошел, опасливо косясь на взведенных словно пружины охранников. Внимательно вгляделся в композицию:

– А не подделки?

Воротов в ответ притворно нахмурился:

– Обижаете! Конечно, нет.

Андрей покивал, дотронулся до испанской даги, прикоснулся пальцами к резной рукоятке древней аркебузы.

– Композиция составлена неграмотно, – внезапно сказал он, оборачиваясь к Воротову. Тот побелел, на этот раз уже не притворно, и снова, словно вообще в первый раз, взглянул на собственную стену. – Какой ужасный хаос.

– Что такое?!

– Настоящий паноплий, – Андрей пожал плечами, – составляется по общеизвестным классическим и неизменным принципам. Вам специалист нужен, Илья Игнатьевич. Поверьте.

Воротов хмыкнул, коротко кивнул, оправляя пиджак.

– Как бы то ни было, – он снова восстановил самообладание, – сегодня в мою коллекцию добавится еще один раритетный экспонат.

Он торжественно протянул руку к охраннику, и Андрей помрачнел, ожидая увидеть на его ладони свой старый боевой «Тигр». Воротов улыбнулся, легко читая реакцию полицейского, и взял протянутый охранником обрез Яны.

– Ваш пистолет, господин Костин, мы уже уничтожили, – не без скрытой иронии сказал он, вешая обрез на свободные крючки рядом с пистолетом наполеоновской эпохи, – приношу соболезнования. Речь идет вот об этом. МЦ-111, двенадцатый калибр, штучная работа, конец прошлого столетия. Ну не вещь ли? И прямо из боя, еще порохом пахнет! Блеск!

Ага, блеск.

Воротов обернулся к Андрею:

– Ну, господин полицейский, а теперь мне необходимо вернуться к гостям. Дела, понимаете ли... Ваша комната в конце коридора, ребята проводят. Если что будет необходимо – телефон возле кровати, будьте как дома. И конечно же, – он медленно подмигнул, – не вздумайте бежать. Еще не начиная переговоров, в качестве подарка – смерть Ахлана, моего песика, я вам сразу прощаю, об остальном позже! Доброй ночи.

Воротов кивнул, заканчивая разговор. Развернулся и решительно направился к лестнице, когда снизу, со второго этажа, ему навстречу внезапно поднялась она, уже без бокала, на ходу задумчиво расстегивая серьги. Воротов замер как вкопанный, мгновенно забыв про Андрея, охранников и МЦ-111, и что-то бархатно зашептал девушке, за талию притягивая ее к себе со ступеней лестницы. Она натянута улыбнулась, позволила быстро поцеловать себя в щеку, что-то негромко ответила. И тут же попыталась выскользнуть,

стараясь не допускать прикосновений его руки к глубокому вырезу на спине.

Один из охранников грубо толкнул Андрея в бок. Тот обернулся, следуя за верзилой, но так и продолжал выламывать себе шею, не в силах оторвать взгляда от стоящей на лестнице девушки. Вот она кивнула Воротову, потом снова замотала головой, нахмурилась и неразборчиво ответила.

– ...как всегда! – только и расслышал Андрей. Потом Воротов нервно сжал губы, неохотно выпустил девушку из объятий и отступил в сторону. Она еще что-то сказала, поднялась на этаж и невольно обернулась, замечая в глубине коридора Андрея и охранников. Взглянула на Воротова, о чем-то негромко спросила в спину, гневно хмуря брови, снова посмотрела на Андрея.

– Пшшел, давай. – Охранник рванул Андрея за рукав.

– Спокойной ночи! – не оборачиваясь, громко ответил девушке Воротов, криво улыбнулся и быстро спустился вниз, заложив руки в карманы брюк. Та замерла, сжимая серьгу в руке, затем снова взглянула вслед Андрею, небрежно швырнула украшение на пол и скрылась в противоположном конце коридора.

Один из охранников открыл дверь, второй впихнул в нее Андрея. Тот развернулся к ним, морщась от боли во всем теле и едва не повалившись на кровать, но силы спросить нашел.

– Ребята? – «Ребята» замерли, налитыми кровью глазами разглядывая жертву. – А что это за девушка такая? Там сейчас с Ильей Игнатьевичем была?

– А тебе, срань лошадиная, какое дело? – басом ответил один из «ребят».

– Невеста его, – сжимаясь под уничижительным взглядом напарника, успел обронить второй. Затем дверь захлопнулась, и Андрей остался один.

Глава 23. Казнь

...опустился возле своего домишки, смотрит: вместо домишки обгорелая труба торчит.

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

Что ни утро – так головная боль! То похмелье, то бессонная ночь, а то синяки и ушибы. Андрей застонал, откидывая одеяло. Все болело. Вернее, не так – болело все. Каждая мышца, каждая клеточка.

Он сел на кровати, осторожно дотрагиваясь до отбитых боков и плеч. Лицо почти не трогали – господин Воротов не любит синяки, а вот по корпусу и ногам прошлись от души. Радужный прием!

Нет, конечно, потом была обнаруженная в отведенных апартаментах ванна с теплой водой и подсветкой, плотный горячий ужин и целый мешок обезболивающих, заказанных по телефону. На десерт мягкая кровать – мечта идиота, но компенсировать первые пятнадцать минут после спуска с крыши это все равно могло с очень большим трудом.

Оставалось надеяться, что после вмешательства Воротова хоть Яну они не тронули. Где она сейчас? Где этот вечно исчезающий Гонзо?!

Андрей тяжело поднялся, разминая непослушные руки и ноги. Да какой тут побег?!

Висящие над узким письменным столом часы показывали без четверти десять.

Походил по небольшой комнате, отведенной под спальню плюс гостиную, и задумчиво уставился на большой непрозрачный пакет, украшавший его единственный стул. Осмотрелся, словно рассчитывал обнаружить скрытую камеру, и осторожно развернул полиэтилен.

В пакете оказались нужного размера плотные штаны, майка, теплая рубаша в сине-серую клетку, носки и бритвенный станок. Андрей выпотрошил пакет прямо в не заправленную кровать, с довольной рожей перебирая приобретенное богатство. Если при

этом учесть, что из его старых вещей в комнате остались лишь вымытые ботинки, шапка, перчатки, платок, бумажник и полицейский значок.

Быстро приложив на себя новую одежду и оставшись весьма доволен, подхватив бритву и майку, Андрей, радостно бурча под нос и напрочь позабыв о грядущих неприятностях, незамедлительно направился в ванную, уже через минуту увлеченно покрывая себя пеной по самые глаза. Интересно, а что принесли Янке? Платье и пакет прокладок? Андрей прыснул, покрывая зеркало бисером белых точек пены.

Крики? Андрей замер, так и не донеся руку с бритвой до щеки. Показалось? Снова крики, мужские, едва слышные. Андрей отложил станок на полочку под зеркалом и вышел в комнату. Точно кричат, за окном во дворе. Отбросив штору, он приник к стеклу.

Его окно выходило на запад, во внутренний двор, притаившийся меж блоками особняка немного левее фонтана и балкона, мимо которого он вчера ночью поднялся на крышу. Внизу, на залитой бетоном небольшой площадке, окруженной низкими полысевшими кустами, сейчас было полно людей. И Андрей вздрогнул, отшатываясь от окна.

Шестеро военных, в уже так хорошо знакомой Андрею пятнистой зеленой форме, выволакивали во дворик троих мужчин, одного в годах и двоих почти юношей – парней лет двадцати, одетых в грязные, давно заношенные ватные куртки. Деревенские кричали, матерились и просили их пощадить. Андрей медленно проглотил комок и облизнул губы, не замечая горького вкуса пены.

Солдаты подтащили упирающихся мужиков к прочным, утопленным в бетон деревянным конструкциям и пристегнули ремнями, практически распяв их на балках спинами к дому. Кроме пристегнутых и солдат, на площадке присутствовали несколько запомненных Андреем на вечере мужчин и трое охранников. Кутаясь от утренней прохлады в длинные пуховики, гости Воротова негромко переговаривались, курили и попивали разливаемый слугой из термоса дымящийся напиток.

Раздались новые голоса, и на площадке появился сам хозяин дома, одетый лишь в свитер, спортивные штаны и вязаную шапочку. За Воротовым пришли двое – Станислав, его персональный охранник (скорее всего именно тот киборг, о котором говорил Гонзо), и... Андрей сжал кулаки, тысячекратно проклиная себя за тугодумие и излишнюю самоуверенность.

Звонко отпечатывая шаг по бетону, за Воротовым шел капитан Шелест, позу и походку которого, как это вдруг понял Андрей, забыть будет очень трудно. Они подошли к группе беседующих мужчин, Воротов осмотрел распятых на конструкциях и небрежно кивнул Шелесту. Тот что-то скомандовал солдатам, и внезапно у троих из них в руках появились сверкающие проплетенной железной нитью гибкие, словно живые, кнуты. Андрей почувствовал, что в комнате стадо очень и очень холодно.

Негнушейся рукой он на ощупь нашарил на спинке кровати полотенце и быстро оттер мешающую дышать пену. Солдаты, вооруженные кнутами, заняли позиции за спинами приговоренных. Шелест медленно качался на каблуках. Воротов подошел к распятым и начал что-то говорить.

Андрей торопливо щелкнул шпингалетом и рванул створку окна, припадая к решетке. В комнату ворвался зябкий осенний ветер, стоны мужиков и слова Воротова.

– Кипелов Станислав, Кипелов Павел и Попов Данил, – негромко начал он, обращаясь к спинам деревенских, – пойманные на месте преступления при попытке похищения частной собственности, а также попытке перепродажи ее посторонним лицам из другой деревни, а именно десяти мешков картофеля. Еще не выкупившие себя из службы вышеупомянутые жители села Карасево приговариваются мною к наказанию через удары кнутом. Кипелов старший, как зачинщик и подстрекатель, получит двадцать, остальные по пятнадцать ударов. Капитан, приступайте. – И Воротов отвернулся, снова подходя к гостям и принимая из рук слуги дымящуюся чашечку.

Андрей закрыл глаза. Он наказывает собственных крепостных. Вершит собственный суд! Деревня Карасево, отлично из этого окна видная, теперь представала перед Андреем

совершенно в другом свете. Солдаты вложили в зубы приговоренным деревянные палочки, сдернули с них одежду. Шелест отдал приказ и начал считать.

Ладный свист трех змей и общий стон. Звук лопающейся плоти. Снова. Снова. Андрей изо всех сил вцепился в раму, готовый немедленно захлопнуть ее, как вдруг замер. Слева и наверху, на балкончике четвертого этажа стояла она.

Сейчас она была, конечно, не в золоте. Простая шерстяная юбка и просторный свитер с капюшоном, при распушенных волосах, но в этой одежде она показалась Андрею едва ли не еще прекраснее. Он снова приник к решетке и внимательно вгляделся в девушку. Вцепившись в перила балкона так, что побелели кончики пальцев, она с закрытыми глазами и опущенной головой слушала происходящее внизу, вздрагивая при каждом ударе, как будто били ее саму. Из-под плотно сжатых век текли слезы. Она постояла еще несколько секунд, повернулась к двери, открывая глаза, и снова столкнулась взглядом с Андреем. Всего на миг. Замерла, глядя на полицейского сверху вниз, и тот отшатнулся в комнату, не в силах выдерживать этот жгучий, полный слез взгляд. Андрей захлопнул окно.

– Ах ты, чтоб тебя так пришилило, – заверещал белый комок, едва успевший провалиться в комнату через схлопываемые створки, – подождать не мог еще секунду!

Гонзо совершил бессмысленный круг по комнате и шустро взгромоздился поверх раскиданной на кровати одежды. Андрей, еще не до конца отошедший от очередной встречи взглядов, медленно обернулся к киборгу:

– Гонзо?

– Нет, президент Аляски!

Андрей бросился к кровати, подхватывая крысу на руки:

– Чертяка, как же я рад тебя видеть!

– Спокойно-спокойно, целоваться не станем, ты весь в чем-то белом. – Гонзо демонстративно отвернул мордочку, вытягивая вперед переднюю лапку с растопыренными пальчиками. – Давай поближе к делу.

Андрей кивнул, опуская киборга на кровать:

– Нас не слушают?

– Все чисто. Итак, после твоего невероятно интеллектуального решения сдать людям Воротова я спрятался в бездонных безднах этого дома и всю ночь собирал информацию. Готов поделиться, но сначала ты.

– А что я? – Андрей увалился на кровать, сдвигая одежду в сторону. – Спустился, ноутбук пока не нашли, немного помяли тело. Потом представили гостям...

– Это я видел.

– ...потом провели сюда, накормили, переодели, как видишь, дали горячей воды и бритву. Воротов был сама любезность, показывал коллекции оружия и сказал, что общение переносится на завтра... То есть уже на сегодня. Вот и все, собственно.

– Негусто, негусто, – потянул Гонзо, – отсыпаться да брюхо отъедать, пока напарник вкалывает.

Стоны за окном утихли, но Шелест продолжал считать. Зачинщик, скорее всего уже потерявший сознание, получал остатки своего приговора.

– Я многое узнал, Андрей, и скажу честно: наших шансов на прощание с этим домом сие не увеличивает. При первой же возможности рекомендую побег.

– Ага, – Андрей поднял брови, – вооруженный рыцарским топором в одной руке и незаряженной аркебузой в другой?!

– Я не настаиваю, – отмахнулся лапой Гонзо, – а рекомендую. В общем, слушай. Видел во дворе нашего общего знакомого с капитанскими лычками на погонах? Ага, я тоже видел. Шелест появился в особняке еще вчера вечером, но на празднике жизни появиться не смог – банально напился с солдатиками. Прибыл вместе со своим непосредственным начальником, майором Ушаковым, командующим набившей оскомину базой «Снегирь-4», что, по моим расчетам, должна находиться где-то к юго-востоку от Болотного, километров двадцать от силы. Приехали на двух джипах, солдат привезли с собой. А солдаты видел чем вооружены?

Андрей перевернулся на живот и положил подбородок на сжатые кулаки. Видел.

– Автоматическая винтовка «Сапсан-20», оснащена лазерным, оптическим и инфракрасными прицелами, пятьдесят патронов, бездымный порох, сгорающие гильзы, гранатомет на два заряда. Легкая складная штучка, меньше года назад запущена в производство. В данный момент все партии этого чудесного оружия практически полностью уходят на Кавказские фронты, вооружать спецназ и разведку. А тут гарнизонные части... – Гонзо выдержал трагическую паузу. – Ушаков и Воротов крепко повязаны, помогают друг другу, можно сказать, в дружбе состоят...

– Слушай, – Андрей поморщился, – а давай без вот этого «состоят». Что, попроще сказать не можешь?

– Ладно. Воротов продолжает оказывать армейским различного рода услуги, получая взамен контроль местных дорог, бесплатную рабочую силу и небольшую, но неплохо укомплектованную личную армию под командованием майора Ушакова. И не только. Среди прибывших сюда вчера людей странным образом смешались два, казалось бы, противоположных класса – представители новосибирского и барнаульского криминалитета и, как это ни странно, спецы ряда научных, специализирующихся в основном на роботостроении предприятий. Плюс ко всему представители японского концерна «Туморрорайз», железно-биологические разработки, создатели нейроматриц. Контрактов никто не подписывает, но из всех зафиксированных мною вчера переговоров и кулуарных бесед вполне определенно следует, что наши ученые, под финансовым и силовым патронажем теневого, как их любят в газетах именовать, структур собираются развернуть на земле сибирской довольно-таки глобальный проект по созданию нового образца кибернетического ядра. Проще говоря, как ты любишь, новой модели искусственного человека. Проект новый и на сто процентов экспериментальный.. Никто, кроме японцев, пожалуй, рисковать не хочет. Технологии мне неизвестны, да и подробностей, как можно догадаться, я не нашел, но общую линию вычислить сумел.

Снова возникла пауза, словно киборг ожидал оаций и цветов. Андрей хмыкнул, толкнул локтем подушку, нетерпеливо требуя продолжать. Гонзо фыркнул, но закончил:

– Создание новой биокибернетической матрицы происходит с использованием пока еще практически неисследованных свойств редкоземельных металлов, обработанных специальным путем. Скорее всего с применением атомных технологий. Теперь становится понятно, куда ушли деньги Воротова – он центральная фигура, находится в самом сердце проекта. Вот тебе и партия металла. Вот тебе и вся его наличность.

– Мы не то искали в его сетях, – прошептал Андрей, увлеченно рассматривая ноготь на большом пальце. Даже думать о произошедшем не хотелось. – Мы просто не туда смотрели...

– Похоже, что так. Но неизвестно, что было бы, узнай при первой встрече Воротов уровень твоей информированности. Скорее всего кирдык и мое возвращение на базу Управления.

Андрей перевернулся на спину, разглядывая небольшую, но богатую люстру у потолка.

– Где они собираются это?..

– Ага! – Гонзо аж подпрыгнул. – Ты, наверное, думаешь сейчас, а где же они собираются рожать этих своих новых сверхчеловеченных киборгов?!

– Да я вообще-то спросил уже...

– Так я скажу тебе, – ну просто не киборг, а брат Гримм, – неприметная база «Снегирь-4», отличное место, упрятанное в дебрях загрязненных лесов, защищаемое лучшими солдатами мира – русскими солдатами!

– Майор предоставляет им территорию базы под испытательный полигон, рассчитывая в случае успеха на свой кусочек?

– Точно. И еще, в целях сохранения конспирации проекта капитан Шелест намерен выбить из Центра разрешение на формирование нового эшелона истребительных команд. Если попроще, как мы уже говорили, ты любишь, – закрыть резервации. Так сказать,

насовсем.

- Его земля...
- Примерно так.
- Сука. – Андрей потянулся и встал, чувствуя, что очень, просто чертовски хочет курить.
- А знаешь что еще?
- Слушай, Гонзо, я рад тебя видеть, но вот только давай без этого, а?
- Ладно-ладно, ближе к делу, чего-то ты словно не с той ноги встал... Может, не позавтракал еще? Итак, еще один момент. Ни бандиты, ни японцы ни за что бы не пошли на участие в проекте, если бы Воротов не предоставил им экспериментальный образец.
- Новая модель киборга?
- Прямо в точку. По оценкам и восторженным отзывам – функционирующая на все сто десять!
- Этот киборг здесь, в особняке?
- Видимо, да, скорее всего в подвалах, на специально охраняемых этажах они прячут матрицы и разработки.
- Мне нужно закончить утренний туалет. – Андрей подхватил с кровати перепачканное пеной полотенце и скрылся в ванной.
- Так я же тебе и не помешаю. – Крыса юркнула за ним.
- Ты нашел Янку?
- Да, ее комната в противоположном крыле здания, на втором этаже. Скорее всего вам дадут возможность увидеться...
- Ее били?
- Немного, пока не вмешался Воротов. А вообще, он относится к ней с плохо скрываемым интересом...
- Кобель. – Рука Андрея, сжимающая бритву, дрогнула. – Мало ему местных давалок?
- Не заводись! – Гонзо запрыгнул на раковину и с интересом уставился на струю воды. – По твоему расписанию через десять минут тебя завтрак. С господином Воротовым. И если увидишь девушку, попробуйте обсудить ваши дальнейшие планы, я могу быть связным. Пока все, скоро за тобой придут, я удаляюсь.
- Это еще как? – усмехнулся Андрей.
- А ты думаешь, здесь не водятся настоящих крыс?
- Подожди.
- Гонзо замер на пороге, повернувшись на собственном хвосте.
- Слушай, – Андрей отложил бритву, – что ты знаешь о девушке, живущей надо мной слева? Вроде бы о невесте Воротова...
- А-а-а, – потянул киборг, пристально всматриваясь, как краснеет напарник, – значит, девушка сверху?
- Слушай, Гонзо, ты, может, и бодр с сегодняшнего утра, а меня вчера отлупили и предстоит тяжелый день, так что давай просто...
- Она невеста Воротова, насколько знаю, свадьбу будут играть под Рождество. Хрупкое и совершенно уникальное создание, которому здесь определенно не место. С будущим мужем они периодически ругаются. Она твердит, что не может его понять, а он постоянно, чуть ли не на ее глазах, трахает кого-нибудь из своих девочек..Так вот и живут... Очень красивая и эффектная девушка. Ну да ты и сам заметил... Небоись, Янке не скажу, чао!
- Гонзо!
- Ну что еще?!
- А как ее зовут?
- Имя? Мог бы вообще-то и сам догадаться... – пожал плечом он. – Ее зовут Валерия.

Глава 24. Приговор

Мой меч – твоя голова с плеч.

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

Довольно скоро за ним пришли, Плечистые ребята, как две капли воды похожие на тех, что доставили его вчера в комнату. Открыли дверь, бегло осмотрели апартаменты и велели следовать за ними. Господин Воротов приглашает отзавтракать.

Они двинулись через дом, каждую минуту встречая мужчин и женщин, из числа присутствовавших вчера на вечере. Гости бродили по богатым, подчас вычурно сверкающим роскошью коридорам, изукрашенным картинами, старинным оружием и совершенно ужасными на вид скульптурами. Шушукались, выпивали, представители пола сильного лапали в закутках весело похихикивающих полуголых девочек, совершенно не обращая внимания на странную процессию. Миновав две лестницы и целую вереницу комнат, Андрей и его немногословный конвой вскоре оказались в небольшой столовой первого этажа, где их уже ожидал накрытый к завтраку стол. Если географический маразм еще окончательно не посетил Андрея как следствие всех этих взрывов и ударов по голове, то можно было предположить, что находятся они сейчас примерно под большим овальным залом, где намерен и состоялся банкет. Где он впервые увидел ее...

Андрей незаметно от охранников помотал головой, стараясь собраться с мыслями. Накануне столь важной беседы, от результатов которой вообще могла зависеть его, а то еще и Янки, жизнь, голова была полна образов, ни в коей мере к предстоящей беседе не относящихся. Например, большие серые глаза или глубокий вырез золотого платья. Это могло помочь им обоим выжить?

За спиной Андрея охранники прикрыли двери. Просторная комната с высокими окнами, выходящими на подъезд дома, еще одна дверь в дальнем конце, уже набившие оскомину расшитые пурпуром обои, стол и дюжина стульев, ослепительная скатерть и сверкающие столовые приборы на четверых. Пара кресел для ожидания и коробка с сигарами на низком столике в углу. Андрей уже было двинулся к сигарам, как вдруг шторы одного из окон в дальнем конце подозрительно заколыхались, и в комнате, поправляя тяжелую ткань, как ни в чем не бывало появилась Яна.

– Чудный у вас тут вид! – до безобразия ненатурально и громко отчеканила она, оборачиваясь, и охнула, прижимая руки ко рту. – Ой, Андрюшка!

Девушку, как и говорил Гонзо, почти не били, переодели и отмыли – единственная ссадина была заботливо, хотя и не очень качественно убрана под косметику. Серая шерстяная блуза и черные кожаные штаны в очередной раз доказали Андрею, что фигура у нее просто отпадная. Но на этот раз, как тут же осознал он, отпадать чего-то не хочется. Бывает и лучше. И он знает где...

– Андрей, миленький! – Казалось, нет сейчас для нее человека роднее и ближе. Что именно вот его она и ждала. Пулей перелетев через столовую, Яна повисла на его шее, крепко целуя и прижимаясь всем телом. Ну кому такое не по нраву, а? Но Андрей, неожиданно для обоих, вдруг осторожно отстранил девушку и опустил взгляд. – Я думала, это кто-то из гребаных мордovorотов... а это ты! Что такое? Ты чего?

Андрей отошел, отпуская руки девушки, и все свое внимание сосредоточил на сигарах, старательно не встречаясь с Яной взглядами. Девушка нахмурилась, но настроения не потеряла.

– Сейчас не время, понимаешь. – Он открыл коробку, рассеянно перебирая толстые бревнышки сигар. – Ситуация такая... они могут следить... да ты сама видишь...

– Ага, – с усмешкой протянула она, снова приближаясь и игриво почесывая ноготками его щеку, – а в лесу, в палатке самое время было, да? Да еще после пиратов этих?... Ну ладно, давай правда к делу. – Она наклонилась, говоря шепотом: – Ты уже разработал план побега? На стенах полно оружия, выходы знает твоя крыса. Там тысяча машин в гараже, а то и вертолет!

– Чего? – Андрей чуть не выронил сигары. – Побега? – Он нервно осмотрелся. – Ты в

своем уме?! Какой побег?

Она отшатнулась, словно ее ударили по лицу. Посмотрела, как на чужого.

– Да ты знаешь, что Воротов за человек? – Андрей со стуком отставил коробку. – Я с такими встречался! Это же подобно смерти, неудачно нарушить **его** приказ! Ты видела, что он сегодня с крестьянами сделал?!

– Заткнись! – выдохнула Яна, похожая на внезапно прибитую дверью кошку. – Ты чего это несешь?! Ты что, тут остаться собрался?! Это ты, ты в своем уме?! Идиот, да отсюда надо немедленно бежать! Да, я видела этих парней сегодня утром, полагаю, что он специально отвел нам с тобой комнаты с видом на казнь, но это только укрепляет мою решимость! Из-за тебя я здесь! И ты меня отсюда вытащишь! Как тогда, у пиратов! Ясно?!

– Из-за меня?! – задохнулся от негодования Андрей, стараясь не повышать голос.

– А из-за кого? Я начала стрелять, наверное, не для того, чтоб ты в гости к Воротову наведалься!

– Я тебя сюда не тащил!

– А я тебя и не спрашивала!

Они замерли, еще секунду назад жарко целовавшиеся, а сейчас почти противники, молча разглядывая друг друга, словно перед броском.

– Я сваливаю, – сказала потом Яна, – скорее всего сегодня же. Я тут не останусь. А вдруг ему придет в голову сделать меня своей наложницей? Что ему помешает? Я убегу, тут меня к стулу не привязывают пока, идешь со мной?

– Ты не понимаешь! – Андрей примирительно развел руки. – Я тоже хочу свалить, а после того, что узнал от своего напарника, – втройне, но поспешно такие дела не делаются! Ты хоть представляешь себе, что будет, если нас схватят?! Да я даже не знаю, что он нам придумает за вчерашнее!

– Ты трус!

Андрей очутился рядом, в упор нависая над девушкой, и она внезапно сдала позиции, отступила, поникая плечами, и пригнула голову, словно ожидая удара:

– Извини...

Он открыл было рот, чтобы ответить, сам еще не совсем точно представляя что, как дальняя дверь вдруг стремительно распахнулась и в столовой появился сам Воротов. Андрей осекся, словно получил под дых, а Яна быстро отошла, пробурчав, как всегда, лучезарному хозяину дома неразборчивое «доброе утро».

– Доброе утро, голубки мои, – радостно прогудел Воротов, прикрывая дверь и подходя с столу. – Благодарю, что соизволили составить мне компанию. Знаете, завтракать в одиночестве такая скука. Как спалось?

Яна опять довольствовалась невнятным «бу-бу-бу», а Андрей кивнул, тоже подходя к столу.

– Благодарю, мягкая постель была весьма кстати. – Воротов довольно улыбнулся и жестом пригласил их за стол, сам располагаясь с торца. Яна и Андрей демонстративно заняли места друг напротив друга.

– О, – улыбнулся хозяин, – вижу несогласие на лицах молодых. Может, стоило отвести вам общую спальню?

– Не надо! – наконец разборчиво, и даже чересчур, выдала Яна, а Андрей лишь пожал плечами, останавливая свой взгляд на четвертом приборе. Воротов заметил.

– Моя невеста, – пояснил он и отвернулся к Яне как раз вовремя, чтобы не заметить бледность Андрея, – не будете возражать? Обо всех делах после, не хочу ее вмешивать, уговор?

Андрей деревянно кивнул. За плечом открылась дверь.

– А вот и она, – сказал Воротов, приподнимаясь из-за стола, – прошу, солнышко, проходи.

Андрей уткнулся взглядом в салфетку, не в силах поднять головы. Что это с ним?

– Сядешь с торца? – поинтересовался Воротов.

– Если не возражаешь, нет! – Андрей буквально умер от звука этого голоса. – Вы не против?

Прошло еще, наверное, полчаса, прежде чем Андрей понял, что последний вопрос был адресован именно ему. Он покраснел, как болгарский перец, и поднялся, помогая даме сесть рядом.

– Конечно нет... пожалуйста... – В ответ она благодарно кивнула, опустилась за стол и осторожно посмотрела на него, пряча во взгляде улыбку. Андрей понял, что есть совсем, совсем не хочет. Никогда.

Открылась другая дверь, через которую пришел Воротов, и двое одетых во фраки слуг быстро вынесли на стол небогатый завтрак. Андрей даже на некоторое время ожил, удивленно рассматривая какие-то поджаренные хлебцы, масло, творог и фруктовый сок в длинных бутылках. Воротов заметил и это.

– Мы скромно завтракаем, – хохотнул он, – в целях поддержания здоровой фигуры! Ну да что я вас не представляю? Это Валерия, моя будущая супруга. Солнышко, это Яна и Андрей, мои в данный момент рабочие партнеры.

– Ты опять? – внезапно спросила Валерия, наклоняясь вперед и невольно окутывая Андрея целым водопадом пьянящих запахов.

Воротов поднял руку.

– Ну что затон, малыш! Я же ведь просил тебя не вмешиваться в мои рабочие вопросы.

– Андрей, будьте любезны, передайте мне хлеб, – внезапно сменила тему Валерия, больше не глядя на суженого. Полицейский едва не задохнулся.

И так десять минут. Андрей ухаживал за Валерией, упорно пытаясь протолкнуть в себя хоть кусочек хлеба, пили сок, разговаривали о погоде. Андрей неловко ерзал, дважды ронял нож, извинялся и прятал глаза за стаканом. А когда Воротов вдруг отодвинул тарелку, всем своим видом показывая, что завтрак окончен, поднял наконец взгляд на кипящую от злости Яну и понял, что его поведение ни для девушек, ни для хозяина дома скрытым не осталось. Воротов не улыбался. Яна с огромным трудом сидела на месте. Андрей готов был прямо сейчас умереть, но только быстро. Валерия же, почти не прикоснувшись к единственному бутерброду на тарелке, спокойно попивала сок.

– Вы с Яной друзья? – внезапно спросила она, оборачиваясь к Андрею, а объект разговора опасно сжал в руке столовый нож.

– Партнеры... – выдавил Андрей, готовясь уворачиваться от летящей стали, – вместе работаем с вашим... с Ильей Игнатьевичем.

– Это я вчера заметила, – сказала Валерия, поднимаясь из-за стола, – спасибо за завтрак. Я поднимусь к себе, Илья. Андрей, Яна.

– Ты нас уже покидаешь? – удрученно наклонил голову Воротов.

– Ну ты же просил не больше десяти минут, – внезапно ударила она и, развернувшись, отправилась к двери. Воротов натянуто улыбнулся, отпил соку, смял салфетку. Валерия вышла из столовой. И началась буря.

– Перейдем сразу к делу. – Голос Воротова был более не похож на бархатное воркование. Суровый, решительный, старый, именно этим голосом два часа назад он зачитывал приговор своим крепостным. Андрей почувствовал, что у него холодеют ладони, – Полагаю, все вы видели сегодняшнее представление на дворике у фонтана? Можете не отвечать, я видел в окнах обоих. Чтоб вы знали, так я наказываю за неповиновение. Более суровые правонарушения караются соответственно.

Яна заставила себя поднять взгляд, внимательно наблюдая за Андреем из-под прищуренных век.

– Вчера, как мы все хорошо помним, вы нарушили наш договор – вернулись, незаконно проникнув на мою территорию, применяли оружие и пытались что-то украсть. Да, Андрей? Я еще не нашел ваш ноутбук или что вы там использовали для взлома моей сети, но обещаю – найду. Или вы сами скажете, буквально через полчаса... Я не стану дознаваться истиной цели вторжения, меня это не интересует. Банковские счета? Моя жизнь? Наличие? Не

важно. Важно одно – вы чужаки, явившиеся сюда, насрав на мое предупреждение. Это так. И сейчас я очерчу вам меру наказания, применяемую к подобным нарушителям.

Воротов поднялся, толкнув стол, и быстрым шагом подошел с столику сигарами. Открыл коробку, достал одну. Ни Яна, ни Андрей не оборачивались.

– Я, – Воротов повертел в пальцах сигару, – расстреливаю таких.

Яна побледнела, на первый взгляд вот-вот готовая грохнуться в обморок, а Андрей резко обернулся к Воротову. Образ Валерии наконец-то растаял, позволив голове хоть немного поработать.

– Вы собираетесь нас расстрелять, Илья Игнатьевич?

– Вообще-то, – кивнул он, – именно так.

– Но не сделаете этого!

Воротов выждал секунду, а затем откинул голову и рассмеялся, как тогда, в утро их первой встречи. Яна испуганно следила за мужчинами. Смех стих, и Воротов спросил:

– Это, как я помню, потому что вы мне понравились, Андрей? – Его глаза продолжали смеяться, но пальцы напряженно мяли сигару.

– Нет, Илья Игнатьевич, – Андрей повернулся к столу и поднял стакан соку, – я назову причину.

– Любопытно...

– На вас работает множество народу, так ведь? – Тот кивнул. – Это не секрет. Как вы сами сказали, кто-то служит президенту, а кто-то своему президенту... Это даже похоже на войну – солдаты враждующих стран лупят друг дружку, норовя угодить своей стороне, да? Мы ловим ваших – штрафуем их, сажаем, закрываем счета. Бывает, и бьем, но и они в ответе не остаются. Но не убиваем за неуплату телефонных переговоров. Пристрели вы нас вчера, это была бы война, но сегодня! Мы ваши пленники, и вы будете вершить суд. Вы это любите и умеете, но не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы рассмотреть несправедливость данного приговора. Я и моя напарница – не укравшие картошку батраки, мы просто выполняли свою работу.

Андрей глотнул соку, плотно прижимаясь невероятно вспотевшей спиной к высокой спинке стула.

– И речь идет не о ваших предупреждениях... Вы хотите от нас избавиться? Мы стали такой проблемой? Если уж вы так повели эту линию, то просто пристрелите, а потом отмойте ковер, господин Воротов. Или я говорю правду, или я ошибся в вас как в человеке. – Андрей отставил пустой стакан. В столовой стало очень тихо, лишь тикали где-то за стеной старинные часы.

Через три минуты тишины Воротов спросил:

– Что вы узнали, господин полицейский?

– Ничего, – Андрей медленно повернулся, смахивая с виска противно щиплющую, угодившую прямо на рану, каплю пота. – Я узнал, что в проигрыше. Все контролируемые нами счета пусты. Это называется, – он внимательно, стараясь во что бы то ни стало не отвести взгляд и не сфальшивить, посмотрел на Воротова, – полное фиаско. Вы победили.

– Где ноутбук?

– На крыше, под спутниковой тарелкой. В щели между блоками. Он пуст. Теперь можете нас за это расстрелять...

Воротов дотронулся до отворота своего свитера, и в столовую немедленно вошел Станислав. Хозяин что-то довольно долго говорил ему на ухо, в конце тот кивнул и столь же быстро вышел. Воротов медленно достал из коробки резак, золоченую карманную пепельницу и зажигалку. Откусил кончик сигары, прикурил и отвернулся к окну, не обронив ни слова.

В этой тишине они и просидели следующую четверть часа. Андрей разглядывал расшитые салфетки, Яна задумчиво теребила рукав. Станислав вернулся, неся в руках сумку Андрея, положил находку на столик и бесшумно вышел.

Воротов затушил сигару, убрал пепельницу и расстегнул отворот сумки. Достал

ноутбук, даже не глядя на Андрея, и открыл, включая, крышку компьютера. Следующие несколько минут в столовой были слышны лишь щелканье клавиш и едва слышное поскрипывание трекбола. Затем Илья Игнатьевич захлопнул монитор.

– Я не ошибся в вас, господин полицейский, – его голос был бесцветным и сухим, – вы умный и открытый человек. Кроме того, умеющий вести переговоры. Вас не удивило, что мои счета пусты?

– Практика показывает, что создание резервных каналов слива денег – это вопрос одного дня. Мы обязательно выйдем на них, только немного позже, вот и все...

Вечно улыбчивый Воротов не улыбался. Он встал с кресла, откладывая компьютер на столик.

– Я изменяю приговор. Десять ударов кнутом обоим. И будьте моими гостями, пока я не разберусь с делами насущными, чтобы решить вашу дальнейшую судьбу. Станислав, десять ударов обоим, приговор немедленно выполнить. Найди Лешика.

Было холодно. Было жарко. Ледяной ветер обдувал, морозил и схватывал обнаженную спину, но тело трясло словно в огне. Пот, практически застывающий прямо на коже, катился волной, кожа горела. Вот, значит, почему такой небогатый завтрак?

Андрей кое-как повел начавшими затекать плечами и приподнял голову, оглядываясь на распятую на соседней конструкции Яну. Девушку трясло всю, тело содрогалось, прошибаемое крупной и частой дрожью, руки сводило судорогой.

Прошло уже больше минуты, как их, раздетых до пояса (на девчонке хоть майку оставили), пристегнули на ремнях к деревянным балкам под ледяным ветром сентября, не торопясь приводить приговор в исполнение. Четверо солдат, вытащивших их – упиравшихся и отпинающихся – из столовой, сейчас нерешительно мялись на пустой площадке за спиной Андрея в ожидании командира, подняв воротники. Руки одеревенели, ноги, растянутые почти на шпагат, уже просто не ощущались. Яна, подвешенная слева, ближе к дому, тихонечко подвывала, раскачивая головой.

– Эй! – изо всех сил заорал Андрей, пытаясь обернуться. – Ну вы там, ублюдки! Что уснули?! Вы нас лупить собрались или холодом морить?! А ну начинай!

Солдаты переговаривались, держась в стороне.

– Суки! Вы же девчонку заморозите! Твари!

– Заткни... заткнись, Андрей, – трясущимися губами произнесла Яна, едва повернув голову, – хрен с ними, уродами... давай лучше просто повисим. А то еще и передумают..

Ее речь была сбивчивой и неразборчивой – когда солдат вытаскивал Яну в коридор, девочку неслабо приложили об косяк. Андрей сплюнул, разглядывая кровь на бетоне.

Наконец появился командир. Чеканя каждый шаг звоном набатного колокола, из-за конструкции в поле зрения Андрея появился капитан Шелест. Весь в аксельбантах, выбритый и свежий. Офицер оперся затянутой в кожу перчатки рукой на балку, улыбнулся.

– Доброе утро, полиция. – Он остановился перед Андреем, приподнимая рукой его повисшую на затекшей шее голову. – Все-таки свиделись. А ты добрался, как я вижу. Добился, чего хотел. Молодец.

Шелест одобрительно покачал головой, прищурился.

– Я ведь предупреждал, дурень, что трасса закрыта. А теперь вот... – он обвел рукой Андрея, – картина. Сейчас мы сполна поквитаемся за подстреленных тобой пацанов! Помнишь, как на спуск нажимать было приятно? Так вот как тебе понравится перспектива остаться без пальца? Или без члена, а? Что твоя шлюшка тогда скажет?

– Давай начинай быстрее, мудака.

В ответ Шелест отстранился и несильно, но болезненно хлестнул Андрея перчаткой по лицу:

– А знаешь что? Я сам буду тебя бить, хочешь? Уж шибко таких, как ты, не люблю. – Он протянул руку куда-то в сторону, и когда снова показал ее Андрею, в ней шипела полоса кнута. – Ну просто до жути! А еще я меткий, могу кнутом тебе обрезание сделать, и считать не очень хорошо умею, Полиция. Так что не серчай, если больше выйдет...

Командуя солдатам готовность, Шелест отошел за спину Андрея. И тут сверху донеслись голоса. Андрей, не обращая внимания на пихающего в его зубы палку солдата, попытался посмотреть вверх. О, этот голос еще долго будет сниться ему в кошмарных снах. А второй – в полных радости и любви, как бы банально ни звучала эта мысль.

На балкончике четвертого этажа стояли Воротов и его невеста. Говорили громко, но неразборчиво. Потом хлопнула балконная дверь, и разговор стих.

– Приговор привести в исполнение, – улыбнулся за спиной Шелест и замахнулся кнутом, – получай, гниденыш!

– Отставить, капитан...

Андрей открыл плотно сжатые веки и выплюнул измятую зубами предыдущих преступников палку.

– Отставить, – повторил Воротов, – и не говори, Лешик, потом, что плохо меня сейчас расслышал. Десять ударов остаются как нагрузка к следующему нарушению законов...

Дверь хлопнула еще раз, звякнув стеклами. В морозном воздухе было отчетливо слышно, как скрежещет зубами капитан. Солдаты нерешительно взяли за ремни конструкции, за спиной окованный железом кнут со стуком упал на бетон, и шаги Шелеста, быстрые, неровные, стихли за углом. Ремни ослабили, и Андрей бессильно стек на землю, прислоняясь спиной к холодному дереву.

Рядом отвязывали Яну. Солдат нагнулся, накидывая сверху пуховик, и Андрей кивнул, кутаясь в промерзшую одежду. Через полминуты они остались на площадке одни.

– Бежать... бежать... бежать. – Яна сидела под своей дыбой, мерно раскачиваясь взад и вперед, совершенно не обращая внимания на сползший на бетон пуховик. Андрей придвинулся к девушке, укрывая ее посиневшие плечи. – Бежать... бежать... бежать...

Глава 25. Невеста

Он ест, она выпрашивает: как он на Марье-царевне женился да живут ли они хорошо ?

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

Тяжело, очень тяжело дотащились они до центрального подъезда, вваливаясь в теплый дом. Охранники презрительно кривят губы, прислуга отворачивает взгляды. Немногие не отправившиеся в сауну гости торопливо отходят с дороги двух спотыкающихся, закутанных в пуховики людей.

Скользкие ступени не дают подняться наверх, непослушные ноги отказываются слушаться. Андрей, поддерживая Яну за руку, вышел на второй этаж.

– Мне туда, – непослушными губами сказала она, кивая головой налево по коридору. – Сегодня вечером, как стемнеет, прикрой меня...

Она подняла голову, с трудом притягивая к себе Андрея, и дотронулась холодными губами до его не менее холодных губ. Улыбнулась, постукивая зубами.

– А об этой мазельке твоей, с которой глаз не сводишь, мы еще потолкуем...

Спотыкаясь и обхватив плечи руками, она пошла прочь. Андрей закашлялся, обернулся на стоящего на ступенях охранника и вернулся на лестницу.

В комнате было прохладно – неплотно прикрытое утром окно открылось еще шире, позволяя ветру немного остудить помещение, но Андрею показалось, словно кто-то растопил печь.

Прямо в ботинках, не раздеваясь и не снимая пуховик, он бухнулся в кровать, укрываясь всем, что попадалось под руку. Берлога из одеял постепенно отогревала, убаюкивала, успокаивала.

Андрею снился Воротов с кнутом в руке и распятая на дыбе обнаженная Яна.

Стук в дверь.

Это не важно...

Стук в дверь!

Ну что еще? Андрей открыл глаза, выбираясь из-под груды одеял. В дверь еще раз тихо, но настойчиво постучали. С трудом ворочая пересохшим языком, Андрей спросил, приподнимаясь на локте:

– Кто там?

– Ваш обед, господин Костин, – ответили из-за двери вежливым старческим голосом.

– Минуточку... – Андрей отбросил одеяла прочь, скинул пуховик прямо на кровать. За, если верить часам, четыре часа беспокойного сна он таки отогрелся окончательно. Почесывая приятно гладкую щеку, он подошел к двери, откидывая символическую задвижку.

На пороге, сжимая в руках поднос с тарелками, стояла Валерия, за спиной которой, оглядываясь на хозяйку, осторожно удалялся по коридору старый седовласый слуга.

– Спасибо, Александр Павлович, можете идти. – Девушка кивнула слуге и повернулась к полицейскому. Смотрела исподлобья, настороженно, словно готовая убежать.

– Обед? – нашелся (гений!) спросить тот, открывая дверь пошире.

– Ваш обед, Андрей, – сказала она, – как компенсация за действия... моего будущего мужа.

Едва заметно улыбнулась, заметив, как дрогнуло его лицо на последних словах, но тут же потупила взор. Андрей отошел в сторону, пропуская гостью, и внимательно осмотрел пустой коридор. Оружие на стенах сверкало сотнями бликов, впитывая теплый свет ламп.

– Благодарю за беспокойство... у меня тут бардак, вы уж простите, я не ожидал никого и... – Андрей подумал, что если не умолкнет, то сердце сейчас просто выпрыгнет через рот. Последний раз с ним такое было давно. Очень давно, еще со Светланой. Нужно собраться. Красивая девушка – это, конечно, многое значит, но не терять же головы, словно шестнадцатилетний мальчишка.

Валерия прошла в комнату, с интересом осмотрелась и поставила поднос на стол.

– Беспорядок меня не смутит, – ответила она, бесшумно подходя к окну, – поешьте, я видела, что вы практически не завтракали.

Напоминание о завтраке вызвало у Андрея приступ кашля. Потом вспомнился разговор, приговор, кнут...

– С вашей... коллегой все в порядке, Андрей, слуги принесли ей таблеток, она еще спит. Нечасто приходилось подобное испытывать?

Костин потер вспотевшие ладони, раздумывая, насколько часто его собирались пороть железным кнутом. И вдруг понял, что вопрос был задан без подтекста, без малейшей иронии. Просто ей на самом деле хотелось узнать. Андрей покачал головой:

– Признаюсь, нет. В городе столь... экзотические меры наказания сейчас считаются несколько устаревшими. – Но гостя не оценила его остроту, внимательно изучая пейзаж за окном. – И если что, то можно на «ты»... – Она повернулась к нему, лукаво глядя в глаза. Ну куда прикажете деваться от такого взгляда?

– Если что, то и тебе можно. – Она небрежно откинула одеяла в сторону, садясь на кровать. – Поешь, я подожду.

Вот так номер. Прыгающими, словно пяток ошпаренных кипятком червяков, пальцами Андрей закрыл дверь, осторожно задвинул латунную задвижку. Прошел к столу, внимательно разглядывая девушку, не менее внимательно разглядывающую его. Что-то было в ее глазах, что-то необъяснимое. Казалось, что глубоко внутри в Валерии клокочат силы такой энергетики, что только берегись. Спрятанные, мелькающие лишь в любопытных, по-детски открытых взглядах. Сел, осторожно открывая блестящие крышки тарелок.

Девушка заинтересованно наблюдала, как он знакомится с содержанием блюд. Потом неожиданно наклонила голову.

– Кто ты такой, Андрей?

Он замер, отложил вилку.

– Илья сказал, что ты вор, работающий на еще большего вора. – Андрей повернулся к кровати. Она сидела положив ногу на ногу, поворачивая на пальце простое серебряное кольцо. – Ты не похож на вора. В отличие от твоей... коллеги. Я пока не знаю, на кого ты похож, но настоящие воры выглядят по-другому, это я знаю. Так кто ты такой и почему Илья мне врет?

Хороший вопрос. После двух суток мотания по диким лесам, пальбы и беготни он уже и сам не знал ответа. Отодвинул поднос, куснул губу, собираясь с мыслями. С одной стороны, своим честным ответом он может смешать карты Во-ротова. Может быть, даже спровоцировать очередную семейную разборку. С другой – не ответить женщине, сидящей сейчас на его кровати, он не мог. Так же как и соврать. Н и кто бы не смог.

– Я полицейский, – просто ответил тогда Андрей, невольно дотягиваясь до лежащего рядом с подносом значка.

Она протянула руку, подняла тяжелую бляху, на миг прикоснувшись пальцами к его пальцам. Андрей отдернул руку, возвращаясь к изучению обеда.

– Финансовый полицейский.

– И что?

Андрей снова замер с приподнятой крышкой, не торопясь оборачиваться. Валерия с интересом вертела бляху в руках, рассматривая со всех сторон. А ведь это тоже не вопрос с подвохом. Спросила, словно действительно не знает. Оторвалась от значка, бросила жетон на кровать, в ожидании уставилась на Андрея. То, что он финансовый коп, ей ни о чем не сказало. Совершенно. Она вдруг поняла его заминку, поменяла позу, вздохнула.

– Ну, я хочу сказать, ты сделал моему мужу что-то не так? Это как-то связано с его бизнесом или исследованиями?

На дуру она не похожа. Андрей опустил так и не поднятую крышку, изумленно повернулся, не замечая, как снова переходит на «вы».

– Валерия, ваш му... господин Воротов часто отпускает вас из этого дома?

Она вдруг покраснела. Разом, мгновенно, опуская голову, пальцами нервно поглаживая лежащий поверх одеяла значок Управления. Ощувив пустоту в груди, Андрей понял, что наконец-то смог спороть действительно качественную чушь и девушка сейчас уйдет. Навсегда. Навсегда-навсегда. И как бы ни сложилась далее его судьба, увидеть ее он больше не сможет. Но она вдруг ответила, стараясь не поднимать взгляда:

– В общем, не очень... Здесь, пойми меня правильно, как бы мой дом. Он меня взрастил, воспитал, сделал счастливой. Я ему всем обязана и... не очень жалею, что...

Она запнулась, взглядом блуждая по ковру. Андрей тактично ждал.

– Да, собственно, почему я пытаюсь юлить?! Ну конечно, нечасто, Андрей! Может быть, даже реже, чем ты можешь себе представить. Как ты уже понял, дом полностью автономен, в нем можно существовать, от рождения до самой смерти ни разу не покинув стен. Здесь есть все, что понадобится для жизни.

Она замолчала. Устало потерла переносицу, взглянула в окно.

– Это тебя угнетает? – осторожно поинтересовался Андрей, как только почувствовал, что сердце успокоилось и больше не отбивает ритмы джиг.

Валерия покривила губой:

– А как ты сам думаешь? Я слышала хорошее слово от одного из гостей... ну, точнее, не очень хорошее, но мне объяснили, что оно очень метко может отражать ряд жизненных ситуаций. Осточертело, Андрей. Вот это слово. Вот определение всей моей жизни в этом доме. Как бы я ни относилась к Илье, его тепло и забота не могут заменить мне простора, что лежит за забором этого особняка. Знаешь, и все бы ничего, – Валерия снова принялась разглядывать ковер, а Андрей затаил дыхание, стараясь ни в коем случае, ни жестом, ни словом не дать ей замолчать. Словно зачарованный, он разглядывал лицо Валерии, ее губы, ее глаза, ресницы, шею, жадно ловя каждое слово этой странной исповеди, – но подчас я чувствую себя полной идиоткой, не знающей о том, что происходит в мире! Да что там, мире, для этого хоть головизоры есть, в соседней деревне...

Нет, точно не дура. Но вот все эти разговоры о добровольном рабстве настораживали. Воротов, собака... Все-таки близко был хвостатый, когда про его отношения с женщинами распинался. Девушка вдруг спохватилась, виновато улыбнувшись:

– Андрей, если я говорю о вещах, тебе неприятных, или о чем-то, о чем говорить как бы не принято, особенно с малознакомыми людьми, ты можешь меня поправить, я не обижусь.

Андрей осторожно развернул стул, садясь к ней лицом.

– Нет, конечно нет, продолжай, все в порядке. Но если уж ты откровенна с малознакомыми мужчинами, то позволь и мне задать откровенный вопрос. Валерия, скажи мне честно. Только честно, прошу. Он держит тебя тут силой?

Она подняла глаза, улыбнулась (озаряя комнату ослепительным светом, как показалось Андрею) и покачала головой.

– Нет, конечно нет, – машинально поправила выбившуюся прядку, нахмурилась, словно раздумывая, насколько правильно понял ее речь Андрей, – не силой, ты не прав. Я нахожусь здесь по собственной воле...

– Но...

– ...потому что это моя судьба. У Андрея перехватило дыхание.

– Это он тебе сказал?

– Да, – она взглянула на него с удивлением, – да, он.

– Вам...

– Тебе.

– Мне?

– Нет, – она улыбнулась, – не тебе, а на «ты».

– О, прости. А тебе вообще-то не кажется, – полицейский потер подбородок, – что все это весьма смахивает на бред?

– Почему?

Андрей открыл рот, закрыл, открыл снова. Что сказать? Почему? Старейший бизнесмен и молодая, выведенная им в свет девушка красоты невиданной. Что странного? Он держит ее взаперти, укрывая от мира, готовя к своему брачному ложу, а она хочет на волю, но верит в собственное предназначение?! Сколько ей лет? Двадцать. Может, двадцать один. Но как красива!

Вновь и вновь разглядывая ее идеальное лицо, Андрей и не заметил, как потерял нить разговора. Тем временем девушка неожиданно поднялась с кровати.

– Мне пора идти. – Она пожала плечами, потеряла кольцо на пальце. – Ты бы поел, а то остынет все. Как закончишь, позвони, слуги унесут посуду. И не стесняйся, если что-нибудь понадобится, только набери номер. Я пойду...

Валерия подошла к двери, открывая задвижку. Андрей поднялся вслед, стараясь уловить причину ее внезапной отстраненности. Словно пламя, бушевавшее в глазах Валерии минуты назад, спряталось, оставив девушку в холоде повседневности. Все-таки не стоило начинать разговор с такой позиции... Кретин. Андрей натянуто улыбнулся, стараясь ни в коем случае не показать, как нервничает. Но она не улыбнулась в ответ. Открыла дверь, не глядя на полицейского, сказала негромко, словно сама себе:

– Думаю, о нашей встрече лучше никому не знать...

– Я... конечно... – запинаясь, начал он, но девушка ушла не оборачиваясь.

Андрей прикрыл дверь, опустил задвижку. Вернулся за стол, невидящим взглядом рассматривая нетронутый обед. Скользнул взглядом по жетону Управления, оставленному Валерией на кровати. В голове кружились, сбиваясь в черные стаи, тысячи мыслей. Разных, противоречивых, странных.

Счастлива ли Валерия здесь? А какое ему в общем-то дело. Что удерживает ее в этом доме? Уж явно не судьба и долг, о которых она тут обмолвилась. А Воротов молодец, свое дело знает. Андрей криво усмехнулся. Нашел девчущку в соседнем селе, привез, накормил, напоил, одел, в обиду не дал. Растил, оберегая, как цветочек аленький, холил и лелеял. Ну, шлюшек при этом никто не отменял, жизнь есть жизнь, но цветок рос совсем для другого.

Воротов растил себе достойную пассию, лепил, как хотел, подправляя здесь, убирая тут. А когда цветок созрел, он накрыл его прочным стеклянным куполом. Подумать только, он вырастил и воспитал собственную невесту. Расчетливо, терпеливо, умело балансируя на грани между отцовством и ролью будущего мужа. Андрей потер лоб. Взглянул на телефон.

И как он раньше-то не подумал? Ведь сказали же, чувствовать себя как дома. Поднял трубку, заказав слуге пачку сигарет. Подумал, добавил в заказ стопку водки. Довольный собственной (хоть и запоздалой) находчивостью, откинулся на спинку стула. За окном лаяли псы.

Слуга появился через несколько минут, через порог протянув Андрею поднос со стопкой и порезанным лимоном и сигареты. Полицейский поблагодарил и замахнул стопарь, едва успев закрыть дверь. Закусил ядреным лимоном, морщась и улыбаясь одновременно. Достал сигарету и подошел к окну, приоткрывая створку. Вниз, на дыбы, старался не смотреть. Наверх, на балкон Валерии, тоже. С удовольствием закурил, глядя вдаль, за далекие горизонты и поросшие лесом холмы, скрытые дымкой.

На душе было погано. Неуютно, мерзко, словно ноги промочил и еще пару часов так проходил. Перед глазами стояла недавняя гостья. Открытая, странная, красивая. Где именно он читал, что все беды приносят красавицы? И от того еще противнее было вспоминать утренний разговор с Яной. «Сейчас не время, понимаешь, ситуация такая, могут следить», и все в таком ключе. Вспомнил, как отодвигался от девушки, как старался не смотреть в глаза. Казалось бы, что такого? Ну перепихнулись пару раз, выручили друг друга, дорогу вместе протопали, как сказал бы Пашка, так теперь что, детей вместе рожать? Но Андрей все равно не мог прогнать навязчивых мыслей.

Да (хоть в этом признаться силы есть), Валерия его зацепила... Ну, пусть это мягко сказано, но хоть так. Зацепила так, как давно уже никто не цеплял. При этом являясь невестой человека, держащего их в плену. Можно сказать, если не врага, то противника точно. А Яна? Ну, в общем, ее и не звал-то никто в этот Елбак. И тем не менее возводимые сознанием баррикады рушились – Андрею все отчетливее казалось, что, даже просто разглядывая идеальные формы Валерии, он предает Яну. Как предал Круглова, обзаведясь крысой. Как предал когда-то Светлану...

«А о мазельке твоей мы еще потолкуем», – сказала ему Янка. Ну что ж, потолкуем. Хоть точки в отношениях расставим, чтоб не обманывался никто. Ну и не терзался лишний раз. Андрей достал из пачки еще одну сигарету, прикурил от первой. Выглянул в окно, прицеливаясь, чтобы запустить окурочек в газон, как тут дом вздрогнул. Тяжело, от основания, едва заметно, словно по стенам прошла волна. Костин обернулся, разглядывая едва заметно раскачивающуюся люстру.

Подвалы. Гонзо сказал, что экспериментальные образцы и матрицы они прячут внизу. Вероятно, там же находится и первая лаборатория Воротова, где ведутся разработки... Биокрибернетическая матрица. Новая модель аналогового организма. Киберг третьего поколения. Чаша Грааля, которую человечество принялось искать с того момента, как научилось пользоваться паяльником. По образу и подобию, хотя и не обязательно. Андрей сцепил пальцы, опуская руки на кованую решетку окна, и принялся рассматривать поднимающийся от сигареты дым.

Сколько лет люди бились над созданием подобного себе электронного организма? Сколько было наломано дров, наделано ошибок, проверено тупиковых путей. И ведь создали... От примитивных киберноидов, до вполне очеловеченных моделей, какие, например, в Управлении используются. Незаменимые шпионы, няньки, хирурги, водители и колонизаторы. Неутомимые солдаты, беспрекословно подчиняющиеся приказам. Летчики-испытатели, жертвующие механическими жизнями ради настоящих людей. Космонавты, пожарные, охранники... Но было мало. Гордыня в них, что ли, играет? Андрей хмыкнул, глубоко затянулся, подумывая, а не заказать ли еще стопарь.

Необъяснимое стремление ученых сделать киберга совершеннее. Еще более похожим на человека. С эмоциями, чувствами, ощущениями боли и удовольствия. Миллионы и

миллиарды рублей, евро, долларов, франков год за годом тратились в попытке создать то, что полноценные мужчина и женщина могут с удовольствием сделать за одну-единственную ночь. Создать человека. Станные они все-таки, богачи эти...

Андрей затаился в последний раз, выбросил окурок в окно, прикрыл створку. Ковырнул вилкой в одной из тарелок, подцепил кусочек мяса, без удовольствия прожевал. Что же делать дальше?.. Не будет ведь он целыми днями стоять у окна, курить и думать о Валерии? Она, Яна, Воротов, разработки новой модели сверхчеловека, ублюдок Шелест, гости, долг полицейского. Ох, закрутилось... Конечно, о побеге он и не думал. Прекрасно осознавал, что собой представляет Воротов, и не помышлял. Тот разберется с гостями, а после скорее всего отпустит обоих, на военных машинах доставив до города. Может быть, будет держать здесь, пока не закончит проект. В любом случае на жизнь и здоровье посягнет вряд ли. А Яна вот подумывает валить. Эх, не наделала бы глупостей. Может быть, имеет смысл попросить с ней встречи. Костин устало опустился на кровать. Интересно, а по двору его прогуляться отпустят?

В дверь постучали. Негромко, нерешительно, но Андрей вздрогнул. Так могла бы постучаться Янка, улизни она из своей комнаты... На негнувшихся ногах поднявшись с кровати, полицейский подошел к выходу, как обычно ожидая худшего. Открыл.

Валерия проскользнула в комнату, осторожно прикрывая за собой дверь. Улыбнулась, виновато и тепло:

– Я подумала, что наш разговор еще не окончен.

Андрей молчал, стараясь справиться с нахлынувшими чувствами. Зачем она вернулась? Узнай Воротов о ее визитах, несдобровать обоим. А девушка тем временем двинулась к кровати, усаживаясь и вновь поднимая на ладонь его служебный жетон. Наморщила носик, с укоризной взглянув на пачку сигарет на подоконнике. Костин закрыл задвижку, прислушался к тишине коридора.

– Расскажи мне о Городе, – тихо попросила она, глядя ему в глаза.

Полицейский вернулся за стол. Зачем она вернулась?

– О Новосибирске? – спросил он, поднимая с подноса чайную ложечку и начиная вращать ее в пальцах.

– О любом Городе...

О Боже! Андрей тяжело вздохнул, покачал головой, не обращая внимания на ее встревоженный и полный непонимания взгляд. Собрался с силами, стараясь лишний раз не глазеть на ее шею, грудь, ноги, тонкие пальцы с простым серебряным колечком. И рассказал, напроочь забыв про остывший обед на столе. Рассказал, не отрывая взгляда от ее серых глаз.

Рассказал про тайны каменных домов, про песни стекла, бетона и стали. Про бесконечные лабиринты, про низкое небо в проемах небоскребов, про машины и людей, про витрины, рестораны и метро. Рассказал про умные квартиры, огромные офисы и карнавалы шествия. Рассказал про толпы народа, в которых теряешься, одновременно чувствуя себя приобщенным к космосу. Рассказал про мириады зажженных в ночи окон, про яркие неоновые витрины, про шумный мир, полный музыки, криков и рева моторов. Рассказал про джунгли, построенные людьми. Рассказал про Город, который так любил.

Она слушала приоткрыв рот, впитывая передаваемые Андреем образы каждой клеточкой своего тела. Слушала, до боли в пальцах сжимая его значок. Когда он закончил, она тяжело вздохнула:

– Ты так и не поел...

Сказала с заботой, действительно переживая, что он все еще голоден.

– Не хочется, – выдавил Андрей, окончательно сбитый с толку неожиданной сменой темы разговора. Ложечка застыла в руке.

– Ты любишь свою подругу?

Как удар под дых. Причем не меньше, чем прикладом. Валерия смотрела прямо в глаза, ожидая самого честного ответа. Андрей молчал, не в силах этот ответ дать.

– Нет, Валерия, – наконец выдохнул он, – мы просто... друзья. Партнеры, как это

принято называть.

Казалось, ответ ее озадачил.

– Вы спите с ней?

– Ну, в общем, да. – Андрей почувствовал, как начинает краснеть.

– А почему же тогда ты ее не любишь?

Второй удар. Полицейский опустил взгляд, наблюдая, как она поигрывает его значком.

– А почему же тогда Воротов не любит своих девок, с которыми постоянно спит? – спросил он вдруг и чуть не зажмурился. Все, теперь точно все. Сейчас она уйдет, оскорбившись, и на этот раз навсегда.

– Я понимаю.

– Что? – переспросил Андрей, в очередной раз убеждаясь в своей гениальности.

– Я сказала, что тогда понимаю, – она вполне серьезно кивнула, – просто, видишь ли, в чем дело... Сколько бы мне ни пытались объяснить, что такое любовь, я так до конца и не поняла.

Ну уж нет. Если она хочет, чтобы он тут тоже исповедался, рассказав о том, как душа рвется на кровавые полосы, не дождется. Сглотнул, поднял голову. Но она не ждала. Просто отметила факт, что-то уяснила, взяла на заметку. Тем не менее провокационный вопрос задала.

– А ты вообще когда-нибудь любил?

Она – что, издеваться пришла? Андрей выдохнул, отложил ложку и потянулся за сигаретами. Станный разговор в странном месте.

– Вообще, да...

– Каково это?

– А? О, Валерия, этого словами не рассказать...

– Все так говорят, – отрезала она, откинулась на смятое одеяло и нахмурилась, – неужели это так сложно...

– Вообще-то да. Очень. – Он достал сигарету, повертел, передумал и отложил.

– Уезжай отсюда, Андрей, – вдруг сказала она. Резко, решительно. – Я практически ничего не знаю о Финансовой полиции, но по всему видно, что ты хороший человек, искренне любящий свой дом. Уезжай при первой возможности. Мой муж не такой. Он сильный, суровый, но сегодня днем вам с подругой могло так и не повезти. Я слишком часто вижу, как он демонстрирует свою силу.

– Он тебя бьет? – внезапно спросил Андрей. Она опустила глаза. – Суровый хозяин крепостных крестьян, держащий тебя здесь как наложницу? – Он вдруг понял, что многое хочет ей объяснить. Молодая и дурная? Это поправимо. – Ты вот сказала мне о своей предначертанной судьбе?! Запертая в доме на краю мира и не знающая, что такое улицы города. Ты хоть сама понимаешь, о чем говоришь?

– Я ему всем обязана! Целиком и полностью, такая, какая я есть... Тебе не понять...

Все-таки она была не такой, какой пыталась казаться. Не то что не такой, как все в этом доме, развращенные богатой ленью и возможностями, а просто не такой, как все, кого встречал в своей жизни Андрей. Ну, кроме Светланы, наверное... Бесконечно легкая, полная света и какой-то огромной теплоты. И ведь врала, ему, самой себе, Воротову наверняка. Зачем? Янка бы только фыркнула.

Даже не приближаясь к такой женщине, можно было с уверенностью сказать, что ее ласки сведут с ума, а уверенные, поддерживающие прикосновения пальцев никогда не дадут упасть духом. Про таких еще говорят – неземная. Она могла бы быть прекрасной женой, а в будущем отличной матерью. Андрей смотрел на Валерию, слушал, жадно впитывал аромат духов, и чем больше проходило времени, тем больше он не понимал, чего невеста его противника, если не врага, хочет от него самого. «Тебе не понять...»

Она была спокойна, даже в своей печали, грациозна и... величественна, что ли. Но было отчетливо заметно, что в совершенно другой ситуации, стоит лишь суметь открыть этот волшебный ларец, она могла быть другой – бурной, откровенно яркой и обжигающей.

Мужчина, находящийся рядом с ней, мог вполне уверенно заявлять, что нашел не только жену, но и надежного друга на всю жизнь. Андрей ничего этого не знал. Но чем больше смотрел, слушал и слышал Валерию, убеждался, что это на самом деле так. Она была совершенна, знала это, наверняка пользовалась этим, но никто и никогда не смог бы ее в этом упрекнуть. «Тебе не понять...»

Андрей опустил глаза, чувствуя, как давно забытое чувство засосало под ложечкой, как пересыхает во рту и знакомые слова разбегаются, оставляя тебя сидеть как дурака с открытым ртом. Она не ослепляла, подобно многим ярким, увлекающим за собой сотни мужчин, красавицам, она просто и непреодолимо очаровывала. Навсегда. Улыбкой, жестом, взглядом или, о Боже, прикосновением.

Где бы господин Воротов ни нашел эту девочку, превращенную в настоящую царицу, ему крупно, просто чертовски повезло. Нет, и работа, конечно, проделана была самая профессиональная, но дело было не в работе – из самой глубины, из души такие вещи исходят, от сущности человека, а косметологи и стилисты только огранку дают. Андрей внезапно ухватил ускользающую в темную нору мыслишку и всмотрелся в нее, морщась от отвращения. Мысль наконец сформировалась – извивающаяся, стыдливо стремящаяся в тень. Зависть... Андрей прикрыл лицо рукой, почесал бровь, ожидая, пока перестанет краснеть, и снова поднял взгляд.

– И все-таки так говорят об отце, а не о собственном муже! – Андрей сам удивился глубокой горечи, наполнявшей его слова. – Хоть раз взгляни на мир не с высоты собственного балкона...

– Андрей, я хочу уехать отсюда, – неожиданно прервала она. Не спросила, не обрисовала планы на будущий год, а заявила, словно у подъезда ждало такси.

– Пока ты не разберешься в себе, – усмехнулся Андрей, представляя, как глупо и банально звучат его слова, – тебе никто не сможет помочь. Ни я, ни Илья Игнатьевич, никто.

– Ты не понял меня.

И тогда он, кажется, начал понимать. Она продолжила, укрепив его предположение:

– Такой возможности не представится еще очень долго. Может быть, никогда. Я хочу уехать и прошу вас с Яной помочь мне.

Андрей глубоко вздохнул, запрокидывая голову. Еще одна. Ну как им объяснить...

– Я помогу вам, вы мне. Уедем вместе, в город, в любой, мне все равно. И не нужно спрашивать, что я буду делать одна, девушка из провинции, в каменном мегаполисе. Я разберусь. Мы разберемся. Я помогу вам, вы поможете мне. Ты ведь хочешь уехать отсюда со мной.

Вот так и сказала. Не просто уехать, а уехать именно «со мной». Они несколько мгновений смотрели друг другу в глаза. Андрей обратился внутрь за ответом и не особенно удивился, когда злорадно потирающий руки его внутренний Я дал положительный ответ. Яна, Круглов, брошенный в лесу Гонзо, кого этот трусливый гаденыш предаст в следующий раз?

– Да, хочу... И если бы спросили меня, – тихо добавил он, – то я бы сказал, что уезжать отсюда нужно не мне, а именно тебе. Это заметно. Сразу. Уезжать надолго. Навсегда. И очень далеко.

– Тогда подумай над моими словами. В ближайшее время я постараюсь сделать так, чтобы вы с Яной смогли увидеться. – В глаза Валерии снова вернулась пустота. Она закрыла кожаные корочки жетона. – Мне пора. – Встала, и Андрей едва сдержался, чтобы удержать.

– Валерия, я...

– Ты очень искренний человек, Андрей, я впервые встречаю такого.

– Извини, если я...

– Ничего. Как и в первый раз, Илье или слугам лучше не знать о моем приходе. – Она положила значок на край стола и подошла к двери. – Спасибо, Андрей.

– Ты не любишь своего жениха? – Ну ведь точно известно, что не стоит задавать таких вопросов девушкам. Но так же точно известно, что удержать их в себе зачастую нельзя.

Андрей нашел в себе силы не отвернуться, когда ее глаза вновь встретились с его.

– Илья нехороший человек. Он многое сделал для меня, очень. Практически не меньшее делает для своих друзей и подруг. – Она невольно поморщилась, и Андрею захотелось побежать сейчас в коридор, схватить со стены секиру и перебить всех этих хихикающих по дому девиц. – Но тем не менее правды не скрыть. Тот, за которого я должна выйти замуж, очень нехороший человек. Знай это и помни об этом...

– Но это совершенно не мешает тебе...

– ...и это совершенно не мешает мне ненавидеть его. И даже помогает. Мне действительно пора. – Она повернулась к двери, ожидая, когда ее проведут.

Андрей поднялся вслед, подошел, отбросил задвижку, не торопясь открывать дверь. Она молча ждала, не поднимая головы. Подавленная, смирившаяся внешне и глубоко внутри буквально кипящая, чего видеть не дано никому.

Нерешительно протянутая рука Андрея нашла ее пальцы. Теплые, живые. Легкое пожатие, и она открыла дверь, шагнула в пустой темный коридор. Перед глазами Андрея встала картина, как он вновь ловит ее руку, притягивая к себе, а она летит навстречу, закрыв глаза и приоткрыв губы. Они встречаются на пороге, слившись в коротком, но невероятно глубоком, поглотившем обоих поцелуе. Но картина размылась, когда Валерия коротко кивнула полицейскому и вышла прочь.

Ковер старательно заглушил эхо ее удаляющихся шажков.

А буквально через еще четыре часа, едва стемнело, случилась беда.

Глава 26. Четверть доли – это ровно двадцать пять...

Пришел Андрей домой, сел на лавку и заплакал.

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

Андрей остался один – ни мохнатых киборгов, ни людей. Он валялся на кровати, пролистывал яркие журналы, принесенные слугой, жевал остывшее мясо и время от времени косился на дверь. Может быть, она придет еще раз. Помочь... Как она собирается им помочь? Хотя, с другой стороны, Валерия знает дом наизусть, все коды, доступы к комнатам и гаражам, хранилища, графики смены охранников. Она сможет. Смогут ли они с Янкой?

«Человек, за которого я должна...» Странная девушка. Пытающаяся найти объяснение понятию любви, превращенная в королеву в зимних садах финансового воротилы. Воротов все-таки ошибся. Недоглядел. Хотя вообще предположить, что птица рано или поздно захочет вырваться из клетки (пусть и покрытой платиной клетки), можно было и заранее.

Тогда Андрей улыбался, переворачивался на спину и мечтал. Уже неприкрыто, смирившись с предстоящим разговором с Яной, с разборками, руганью и взаимными обидами. Хотя, может, и не будет никаких обид. Кто он такой для Яны, по большому счету? Андрей мечтал. До тех пор, пока во дворе не раздавался лай собак и негромкие голоса охранников. Тогда он подходил к окну и вглядывался в вечер, один за другим перебирая в голове планы возможного побега. Их трое, Гонзо тоже где-то здесь, прикроет. Комната давила, а он все мерил и мерил ее шагами, «...ненавидеть его. И даже помогает...» Как же приятно осознавать, что даже такие, как Воротов, способны делать ошибки.

Гонзо больше не появлялся. Сколько Андрей ни открывал окно, ни шарил под кроватью или ванной, киборг не приходил. И чем больше он обдумывал предстоящее отступление, тем отчетливее понимал одно – без помощи напарника им будет гораздо труднее покинуть особняк. Ни вдвоем, ни в одиночку. Втроем...

Он не знал, что делать дальше. Уходить. Это точно – миссия не удалась, необходимо уцелеть и вернуться в Управление, но... Она хочет идти с ним. Она сама настаивает на отходе. Что дальше? Пальцы еще помнили тепло ее ладони... Кроме того, это уже не игра, Андрей чувствовал. Пойдет речь о его невесте, и Воротов начнет стрелять. Без пощады.

Благо кому нажимать на спусковые крючки, у него хватает.

Время тянулось. Время летело.

Это произошло, когда на окно уже как полчаса легла темень. Услышал об этом Андрей через сорок минут, почти в половине десятого. Совершенно бесшумно дом похоронил в себе короткую драку, тяжелое дыхание и вскрики, бег по этажам, писк раций и собачий лай у подъезда. Тяжелые шаги Шелеста. Удары. Андрей очнулся от мыслей и образов, когда за окном, в темноте запрыгали, как вчера ночью, лучи фонарей и громкий мужские голоса снова наполнили площадку. Стучали ботинки, материлась солдатня.

Чувствуя, как холодеет спина, Андрей сорвался с измятой кровати, в один прыжок подскакивая к окну. И едва не закричал, видя, как снова пристегивают к дыбе человека – его стройную светловолосую подругу. Яна молчала, еще не раздетая, но в изодранной клыками псов куртке, гордо и решительно рассматривая своих палачей. Ее лицо было в крови: разбитые губы, опухшая скула. Щурясь на ветру, она вертела головой, награждая пристегивающих ее к конструкции солдат меткими, отточенными словечками. Распятая на ремнях, она не сдалась. Ледяное стекло охладило лоб, пальцы Андрея до боли сжали подоконник. Медленно, оттирая с перчаток кровь, звеня аксельбантами, на площадку вышел Шелест. Неторопливо обошел пленницу, улыбнулся ей в лицо, ловко, почти не дернувшись, увернулся от плевка.

Яна что-то выкрикнула ему, капитан схватил ее рукой за подбородок, наклонился, ответил и прямо в упор расхохотался, тонко, пронзительно. Отбросил ее голову, выпрямился, нависая над девушкой всем своим огромным ростом, и кивнул солдатам.

Едва не высадив раму, Андрей распахнул окно, не обращая внимания на ледяной ветер и мелкий дождь, ворвавшиеся в комнату. На площадке стояли капитан, двое солдат и Воротов, укутанный в короткую дубленку. Охранник у фонтана держал в поводок одну из хозяйских собак.

– Что вы делаете?! – Андрей, как и утром, принял к решетке лицом. – Илья Игнатьевич! Что выделаете? Вы же сами сказали утром!

Никто, кроме Воротова и Яны, головы вверх не поднял, но девушке это до конца не удалось – ее руки уже были пристегнуты. Хозяин дома поднял голову, посмотрел на Андрея, и лицо его, еще совсем недавно казавшееся таким молодым, сейчас посерело, словно прибавив годков двадцать.

– Вы доставляете мне слишком много хлопот, господин полицейский, – негромко сказал он уставшим голосом, – слишком много. Я помню свои слова, Андрей, но сейчас не в силах уже что-либо изменить. И ни вы, ни моя невеста не можете помочь вашей подружке теперь. Полчаса назад Яна пыталась бежать, прихватив с собой немного моих драгоценностей. Пустяк, я бы сказал, но я предупреждал... Вы ведь из тех, кто чтит установленные правила, Костин?

– Не слушай его, Андрюха! – закричала Яна, выворачивая шею. – Беги, пока не поздно, беги! Не бойся, я почти добралась до ворот! А несколько...

Шелест заткнул ее, в очередной раз ударив, теперь по лицу. Девушка обмякла, опуская голову на грудь, и Андрей взвыл, повисая на кованых прутьях.

– Ах ты, сучара! Отойди от нее, засранец! Илья Игнатьевич, не надо!

– Пятнадцать ударов плюс десять, что я вам простил, Андрей. – Воротов отвернулся, что-то говоря Шелесту. Капитан кивнул и повернулся к своим, отдавая последние команды. Солдаты раздели девушку, просто срезав с нее драный пуховик армейскими ножами. В воздухе щелкнул кнут.

И вот тогда Яна закричала. Завизжала так, что на другой стороне дома ответили собаки. Закричала, вкладывая в этот крик весь свой страх, злобу и бессилие. Крик перешел в вой, сорвался на стон, и голова ее снова безвольно повисла. Андрей рванулся прочь.

Когда он, проскочив через задремавших охранников, внезапно влетел на площадку, Яну уже били. Девчонка вздрагивала, покачиваясь на ремнях, но молчала, мотая головой. По обнаженной спине, через свежие, похожие на ухмылки рубцы текла, схватываясь на морозе,

алая кровь. Андрея остановил один из солдат, отбросил прикладом «Сапсана» и выматерился, целясь в лицо.

Андрей замер, из-за солдатского плеча рассматривая, как кнут ровными линиями ложится на гладкую спину девушки, оставляя на ней вечные узоры, до боли сжал зубы. Воротов уже ушел, но на площадке еще оставался капитан.

Шелест, не переставая считать, обернулся и подошел к Андрею, остановившись за автоматчиком. Глядя прямо в глаза полицейского, он продолжал громко считать.

– Двадцать четыре. – Удар. – Двадцать пять. – Удар. Шелест улыбнулся. – Двадцать пять!

Солдат с кнутом замер, опуская оружие.

– Я сказал, – рявкнул капитан, не поворачиваясь, – двадцать пять!

– Но, господин капитан!

– Выполнять!

Андрей рванулся вперед, отталкивая автоматчика, но сложился от удара в живот и упал на колени, ловя холодный воздух открытым ртом. Шелест ухмыльнулся еще шире, качнулся на каблуках надраенных до блеска сапог с отворотами. Свист, удар.

– Двадцать пять! Свист, удар.

– Заткнись, тварь... – прохрипел Андрей, пытаясь подняться.

– И двадцать пять! – Шелест повернулся к Яне. – Сделано. Отцепляй.

Андрей не видел, как они ушли. Не видел, как ухмылялся Шелест, не видел виноватого взгляда солдата, избивающего девушку. Не видел полного слез взгляда с четвертого этажа. Он видел лишь мешком повалившееся на бетон полуобнаженное тело Яны, горячие рубцы, истекающие темной кровью, закатившиеся глаза девушки и ее приоткрытый, словно для поцелуя рот.

Не чувствуя холода, он почти тридцать минут просидел на деревянной балке дыбы, прижимая к себе безжизненное тело девушки. Он положил ее голову к себе на колени, гладил по светлым, почти белым в темноте волосам, пальцами прикасался к губам, раскачиваясь, почти как она этим утром. Кровь ее капала на штаны, пачкала ботинки, руки, рубаху, а он все сидел, словно убаюкивая, не желая поверить в то, что произошло. Все, о чем думал он в течение сегодняшнего дня, стало неважным и мелким, отодвинувшись далеко назад. Осталось лишь тело на руках.

Этого подчас не выдерживают даже мужики. Хорошо, что она потеряла сознание сразу.

Не уберег, не удержал. Не спас, не выручил. Яна ушла. Теперь навсегда...

За телом пришли, осторожно отняли его у Андрея и завернули в плотный непрозрачный полиэтилен. Кто-то из слуг заботливо набросил на плечи полицейского куртку. Потом ее унесли.

Глава 27. Бегство

Дубинка сама пошла колесом, с конца на конец перекидывается по чистому полю; нагнала царя и ударила его в лоб, убила до смерти.

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

Он вернулся в дом, не замечая углов, падающих столиков и скульптур, шатаясь, поднялся к себе в комнату, пинком, едва не сорвав с петель, распахнув дверь. И замер у открытого окна, жадно вдыхая холодный ночной воздух, словно задышался после длинного забега.

Так быстро все произошло. Вот ее и нет... И виноват в этом только он сам. Пришел, сносив девять пар бронзовых башмаков, выполнять свою работу, отдавать государству долг. И подставил человека, за какие-то пару дней ставшего другом. Пусть взбалмошного, излишне самоуверенного и дерзкого, но все же друга. Человека, который вообще никак в

этом деле с конфискацией замешан не был. Совсем никак.

Андрей всхлипнул, поднял руку к щеке, понимая, что уже не первую минуту плачет.

Во что превратилась служебная поездка за деньгами Воротова? Что именно хотели от него в Управлении, отправив на это задание, и что он сможет привезти с собой в город?

Список потерь? Ураган, закрутившийся вокруг Андрея, сейчас буквально разрывал его на куски. Цель операции потеряла всякое значение. Жизнь обесценилась. Иллюзии рухнули тоннами битого стекла. Мир, лежащий за пределами городских стен, готовился вот-вот сломать Андрею хребет.

За спиной скрипнула дверь. Полицейский обернулся, ожидая увидеть кого угодно, только не его. Воротов стоял не поднимая глаз, держа в руке черную спортивную сумку.

– Знаете, я ничего вам не скажу, Андрей, – он опустил сумку на пол, – вы все поймете и сам. Вы ведь не хуже меня понимаете значение слова «закон»? Тут ее вещи. Знаете, Андрей, я думаю, она была не с вами. Сама по себе. Обычная авантюристка и воровка. Я это чувствую. Как чувствую с каждой минутой и то, что мы с вами очень сильно похожи. Очень...

– Это неправда, Воротов, – сказал Андрей, не скрываясь, смахнув со щеки слезу, – не надо нас ровнять, меня от этого тошнит... – Слова слетали из-за сжатых зубов, как пули. – Родство или похожесть на вас – это самое последнее, о чем я только мог бы подумать. И то будучи невменяемым. Веря в разные вещи, мы совершенно разные. А знаете главную причину?! Просто вы служите своим несуществующим идеалам, а я России... Вы говорите мне о значении законов? Вы просто больной, Воротов, сравнивать государство, которому служу я, и феодальную деревню, в которой правите вы. Никто и никогда не давал вам права распоряжаться чужими жизнями и судьбами! Никто!

– Мне очень жаль, Андрей, поверьте. – После этих слов он развернулся и просто ушел, прикрыв дверь. Андрей яростно щелкнул задвижкой.

Вещи человека, который умер. Человека, который был. Андрей вывалил небогатое содержимое сумки прямо на кровать, как вываливал этим утром новенькую, подаренную хозяином одежду. Когда это было? Сколько веков назад?

Что напомнит тебе о ней? Грязные штаны? Старые свитера, что она так ловко сбрасывала с себя ночами? А может, перочинный нож, зеркальце или вскрытая пачка прокладок? Часы, компас или пустые ножны? Старая фарфоровая балерина с отломанной ножкой, что девушка подобрала в паучьем гнезде? А может, семейная фотография в дырявом бумажнике, где Янка, еще такая молодая, весело хохочет, обнимая сестер, братика и столь надоевших отца с матерью?

Или широкий, натуральной кожи пояс-патронташ, заполненный почти наполовину. Андрей замер, не в силах поверить. Поднял на уровень лица и растянул между руками ремень, разглядывая поблескивающие латунные глазки патронных капсулей. Одиннадцать штук.

Андрей перехватил ремень, выбивая патроны на кровать. Теперь он вооружен. Закрыв глаза, собираясь с мыслями и восстанавливая дыхание. Сейчас главное не наделать ошибок. И где только носит этого киборга?! Дельный совет нисколько бы не помешал... Торопливо распахнул новообретенное богатство по карманам и скидал остальные вещи обратно в сумку. Яна обещала ему помочь – она ему помогает, даже после...

Что дальше? Необходимо связаться с Валерией. Возможно, через слуг. Попробовать добраться до гаража. Андрей потер лицо, проверил, как сидят ботинки, застегнул сумку. Любая мелочь, упущенная им сейчас, может стоить дыбы. Хотя, может быть, именно ее он и заслуживает?

Легкий стук в дверь застал его врасплох. Твою мать, чем раздумывать, нужно было сразу хватать любезно оставленный в коридоре обрез! Скинув сумку с кровати, Андрей ногой задвинул ее поглубже и подошел к двери, стараясь не сбить дыхание. Он волновался, словно впервые в жизни сдавал ответственный зачет. Пальцы дрожали, по виску скользнула капля пота. Если это охрана, действовать придется немедленно. Воротов или кто-то из его

людей могли понять, что именно отдали полицейскому вместе с вещами Яны.

Валерия проскользнула в комнату, прикрывая за спиной дверь. Ее лицо было бледным, как скатерть. Прижимаясь спиной к темному дереву, замерла на неоконченном вздохе. И тут же не удержалась, дав волю слезам.

– Андрей. – Он шагнул ближе, обнял, прижимая голову к плечу. – Как же это ужасно! То, что они сделали. Это ужасно! То, что сделал Илья. Яна, она... – Валерия захлебнулась в слезах и закусил губу, пряча лицо на груди Андрея. – Я никогда не думала, что он способен вот так... Нужно немедленно уезжать. Немедленно! Мой муж способен... Андрей, что нам делать? Я больше не могу здесь оставаться...

Он молчал, слушая надрывный шепот девушки, чувствовал тепло ее тела, гладил по волосам, кажется, что-то шептал в ответ. Взгляд полицейского, устремленный в никуда, бесцельно блуждал по комнате. Валерия плакала, обреченно и навзрыд. Руки хватили его за свитер, гладили, царапали, умоляли, требовали, словно в силах полицейского было повернуть ход событий вспять и не дать Яне совершить ошибку.

– Мы уедем. Вместе. Только вместе с тобой, – Андрей отстранился и заглянул прямо в глаза, – только вместе, и больше ни слова про предначертание!

– Уедем, уедем, – словно в полусне повторила она, – только уезжай. Он убьет тебя, как сделал это с твоей подругой. Немедленно... Я больше не могу выносить...

– Успокойся. Слезы. Ветер за окном.

– Я сказал, успокойся, Валерия... Нам нужно успокоиться, иначе обоих ожидает...

Она всхлипнула, но посмотрела спокойнее. Отерла слезы, отодвинулась. Кивнула:

– Да-да, ты прав... конечно. Сейчас. Нужно собраться. Если мы сделаем что-то не так, мы оба погибнем.

Андрей смотрел в ее глаза и видел, как меняется судьба стоящего перед ней человека. Как образ заботливого жениха разлетается на куски, а осознание, что кнут может быть, поднят и на нее, селится там навсегда. Как у Гришки Демина, не так давно в один миг простившегося с детством. У тех, кого предали, всегда очень похожий взгляд.

Андрей уверенно кивнул, наблюдая, как девушка умело и быстро взяла себя в руки. Подошел к двери, послушал. Взял с подоконника сигареты.

– Нам нужно уходить. Как можно скорее. – Закурил. – Смерть Яны поможет нам, они больше не ожидают неприятностей, думают, я сломан. Воротов приходил... принес ее вещи... Он видел меня. Он должен поверить в мою слабость. Валерия, ты проведешь меня к гаражу? Там ведь есть внедорожные машины? Джипы, может, дальнобойные флаеры? Мне нужно, чтобы ты рассказала мне о графиках движения охраны, время смен, может быть, понадобятся коды доступа к служебным помещениям. Уходить нужно как можно тише.

– Конечно. Да, охрана внизу, на этажах у гаражей и на воротах. – Она кивнула, вытирая последние слезы. Задумчиво уставилась на уголек сигареты. – Илья и его гости, они сейчас все насобрании, обсуждают этот с вой новый проект. Это в башне, в западном крыле, через полдома. Ты пройдешь вниз, не по парадной лестнице, а по дальней служебной. Код на лестницу пятнадцать и два, ручку вниз. Спустишься к подъезду, в холле обычно охраны нет, двигайся к гаражам, это сразу налево. Собак водят по аллеям, у подъезда их почти никогда не бывает. Мне нужно время собрать вещи, не больше десяти минут. Жди на улице, я спущусь в гараж, открою ворота изнутри...

– Валерия.

– Что?

– Ты действительно этого хочешь? Подумай, только подумай, как много ты теряешь, помогая мне. Взамен при этом можешь не получить ничего...

Она не ответила, только еще сильнее распахнула глаза. Посмотрела на него долгим-долгим взглядом, задумчивым и глубоким:

– Я уже получила... Может быть, больше, чем за всю свою жизнь.

Она ушла, оглядываясь и невольно пригибаясь, поднимая полы длинной юбки.

Андрей докурил, стараясь не торопиться. Подошел к окну, выбросил сигарету на

цветочную клумбу, всмотрелся в прохладную осеннюю ночь. Огромным усилием заставил себя выждать еще ровно две минуты.

После выскользнул в коридор. Казалось, что огромный дом спит. Ни звуков, ни музыки, ни людей на лестницах. Полицейский двинулся мимо увешанных оружием стен, внимательно прислушиваясь. Замер в нужном месте, задержал дыхание, с едва слышным щелчком отстегнул со стены раритетный обрез. Лязг застежки показался ему оглушительным грохотом. Слух обострился, словно у киборга. Теперь он слышал скрип кресла, тиканье огромных часов в холле первого этажа, лай собак во дворе. Сглотнул, торопливо возвращаясь в коридор. Скользнул в комнату. Перевел дыхание. Теперь обратной дороги точно нет.

Из одиннадцати патронов семь оказались дробовыми, а четыре заряженными пулями. Андрей быстро, но старательно проверил стволы, взвел и опустил курки, зарядил обрез. Жаканами, что берут на медведя...

– Собрался на хищника? – Если бы Гонзо не был таким маленьким, Андрей непременно бы выстрелил. Опуская дрожащую руку с намертво сжатым в ней обрезом, полицейский тяжело осел на кровать. – И без меня?

– Где ты все это время был? Мы уходим! Немедленно.

– А если бы я не успел?

– Ушел бы один, ты и сам о себе неплохо позаботишься!

– О как! А если я тебе то же самое скажу, а?! Собрались они уходить! Где Яна? И отчего такая спешка? Насколько я понял твоё настроение, ещё утром о побеге не могло быть и речи.

– Ты не знаешь? – Голос Андрея все-таки дрогнул.

– Я не всеведущ, как могло показаться!

– Ее убили. Люди Воротова и армейцы.

Гонзо тяжело, но тонко, по-крысиному вздохнул.

– Тогда кто это мы? У тебя появился новый сообщник?

– Я, Валерия и ты, если желаешь...

– Конечно, желаю!

– Где был? – Андрей нервно поглядывал на часы, в очередной раз проверяя, надежно ли застегнуты липы ботинок.

– Внизу, в подвалах. Знаешь, это настоящий Пентагон! Выйти не мог, пока одного из охранников не сменил напарник, представь! Узнал много интересного...

– Об этом позже! Нам пора, выдвигаемся. В случае чего... ну, ты знаешь, что от тебя требуется.

Андрей подхватил пуховик, перчатки, значок и бумажник. Подумал и выдернул из черной сумки бумажник Яны. Постоял немного, повертел в пальцах фарфоровую балерину. Дыхание истории... Сунул фигурку в штаны, вздохнул, отгоняя воспоминания. Спрятал обрез в дутом рукаве куртки и решительно вышел из комнаты, на ходу натягивая шапку.

– В куртке не поедешь, может быть, шумно.

– Да ладно, не сильно-то и хотел. Своим ходом все равно быстрее...

По служебной лестнице спустился вниз, торопливо, только со второй попытки, набрав код. Ни слуг, ни гостей. Вышел в холл и едва не остановился в проходе, неожиданно обнаружив там охранника. Демонстративно не обращая внимания на подозрительные взгляды сидящего на пуфе у входной двери здоровяка, двинулся дальше. Автомата у охранника не было, видать, один из приезжих... А эти полицейского не знают. За садовника примет, и ладно. Гонзо шустро пробирался вдоль стены, став как бы даже серее. Андрей толкнул тяжелую створку входной двери, уже собираясь выйти на улицу, как вдруг властный и до отвращения чеканный голос внезапно остановил его на полпути.

– Собираемся прогуляться? – непринужденно поинтересовался капитан Шелест, выходя из-под парадной лестницы и раскуривая папиросу. Андрей нехотая вспомнил, что забыл забрать из комнаты сигареты. Обернулся, отпуская металл дверной ручки. – Развеять,

так сказать, грусть по ушедшей безвременно подруге, да? Или повторить ее подвиг?

Таких, как Шелест, во все времена вызывали на дуэли. Или ловили толпой в переулке, ломая ноги палками. Или душили во сне. Но только у Андрея не было ни возможности лицезреть спящего капитана, ни толпы с дубьем, да и дуэлировать он не умел. Кроме того, прекрасно понимал, что во все времена такие, как Шелест, могли запросто выигрывать дуэль за дуэлью или в одиночку раскидать в подворотне толпу. Отдавая себе отчет в собственной мощи, на своем поле Шелест выигрывал автоматически. Андрей скосил на приближающегося офицера глаза. Сидящий в двух шагах охранник не изменился в лице, таких в чужие дела не лезть специально натаскивают.

Шелест подошел поближе, очевидно раздосадованный, что ковер не может придать его сапогам нужного стука подков. Как всегда холеный и надменный, одетый словно на парад, на этот раз лишь без фуражки. Андрей сунул руку в глубь куртки, пряча ее в рукав с обрезом. Поежился, словно от холода, и невзначай приподнял пуховик на плечах, прячась от мнимой прохлады. Шелест наклонился (бахрома эполета красиво качнулась вперед) и пригладил ладонью едва заметный ежик светлых волос, сострадательно хмуря брови и выдыхая в лицо Андрею облако папиросного дыма. Ну как же ему везет на капитанов...

– Чем ты расстроен, полицейский? Что-то случилось? Поделись со мной своим горем! – Лешик пальцем качнул стальной аксельбант. – Мы же становимся давними знакомцами, правда? Почти друзьями...

На лестнице неожиданно и бесшумно появилась Валерия. Девушка переоделась, заменив шерстяную юбку на плотные штаны, и набросила куртку. Шелест не обернулся, стоя к лестнице спиной. Медленно опустив широкую спортивную сумку на ступени, Валерия обреченно рассматривала разговаривающих внизу мужчин. Она не пошла в гараж, услышала разговор и пришла с печалью наблюдать, как рушится выстроенный заговорщиками план. И то, что она видела, выражение лица Андрея, его позу и глаза, ей совершенно не нравилось. Уходим как можно тише, так он сказал, да? Лишь уткнувшийся в журнал охранник и окруженный папиросным дымом капитан ничего до сих пор не замечали. Андрей положил пальцы на спусковые крючки и обернулся к Валерии.

– Мы готовы? – просто спросил он.

– Да, – просто ответила она.

– А ведь это здорово, Шелест, что я тебя сейчас встретил, – Андрей нехорошо улыбнулся, – очень здорово, гнида, а то бы потом всю жизнь мучился – искал!

Офицер нахмурился, озадаченно прищурился, оборачиваясь к наконец замеченной на лестнице Валерии. И открыл было рот в попытке материализовать догадку в слова, но разговаривать больше капитан Алексей Шелест был не в состоянии. Приподняв стволы обреза вместе с рукавом куртки почти на высоту капитанского лица, Андрей щелкнул правым курком и нажал на спуск.

Вспышка разорвала бок пуховика, обжигая ребра и руку, а капитан Шелест, так и не донесший руку к кобуре на поясе, уже валился на ковер, обильно украсив холл особняка красным. Охранник, от неожиданности опешивший, изумленно смотрел на падение внезапно ставшего безголовым капитана, слишком медленно пряча руку за отворотом пиджака. А Андрей выдернул обрез из рваной дыры в куртке, взвел второй курок и, практически не целясь, выстрелил тому в грудь. Обрез хлопнул, холл заволокло дымом, и охранник с хрипом отвалился на ковер, роняя пуф. Полицейский обернулся к Валерии:

– Бежим!

Они рванулись в дверь – сначала она, следом Андрей, на бегу перезаряжающий оружие. Заметивший вначале невесту хозяина, а уже потом чужого мужика с горящими глазами, охранник, появившийся из-за подъезда, вообще понять ничего не успел.

– Внимание, слева! – сказал Гонзо.

Захлопывая стволы, Андрей без остановки, по инерции, вскинул оружие и выстрелил. Вышло в лицо. В упор. А заряд оказался дробовым...

Валерия замерла, изо всех сил пытаясь справиться с шоком, когда упавший на колени у

самых ее ног охранник без передней части головы медленно, словно огромный ломоть мяса, повалился вперед, едва не коснувшись пальцами сапога. Андрей подхватил девушку за руку, увлекая к машинам и широким дверям подземного гаража, но Валерия вырвалась, за разорванный рукав неожиданно потащив в совершенно другую сторону.

– Но гаражи?!

– Сюда!

С автомобильной стоянки перед домом зажгли фонарь. Кто-то закричал, щелкнул затвор автомата.

– Бей ниже и левее фонаря, – скорректировал Гонзо, и в ночи снова хлопнул обрез. Яна была бы в восторге – ни одной осечки. Человек заверещал, фонарь ринулся вниз, расчертив темноту причудливым зигзагом, и разбился, на стоянке заработала сигнализация нескольких автомобилей.

В доме начали зажигаться огни, раздались крики, топот ног. В ночи залаяли псы.

Андрей задержался, отбрасывая обрез. Воротов поймет. Он умный. И это срубит его не хуже прямого удара в лицо. Наклонился, снимая с изувеченного картечью охранника «беретту». Рванулся за Валерией, убегающей в самую глубину парка. Куда она его ведет?

– Собака, на десять часов! – Гонзо, как верный поводырь, не отрывался от ноги напарника, не давая дремать. Тот сбросил предохранитель автомата и, поймав в прицел размытую в оконном свете быстро приближающуюся тень, дал короткую очередь. Зверь завопил, споткнулся, переворачиваясь через голову, и упал, судорожно пытаясь вскочить. Андрей побежал дальше, еще одной короткой очередью с ходу добывая собаку.

– Быстрее, сюда! – Валерия уже была в конце северной аллеи.

Из дома выбегали люди, слышались крики, снова ожили прожектора, и вслед беглецам понеслись первые пули. Андрей пригнулся, не оборачиваясь, выстрелил несколько раз назад и прыгнул в кусты.

– Собака, на полдень!

Андрей вскинул оружие, окаменев от ужаса, когда мимо замершей столбом Валерии в его сторону пронесся здоровенный алабай. Хозяйку не тронул... Собака нашла свою смерть на бегу, отнюдь не быструю, мучительную – такие псы умирают долго. Пропахала асфальт аллеи мордой и задержалась в конвульсиях, жалобно и зло рыча. Костин, стараясь не выходить на освещенную прожекторами территорию, по живым изгородям двигался дальше, за удаляющейся в темноте девушкой.

– Это же к вертолету?! – осознал Андрей, выбегая из кустов на открытое место. За спиной стреляли из автоматов, бежали вслед, кто-то заводил мотор машины.

– Ну да! Быстрее, Андрей!

– Я не умею водить такую модель! – Он упал на колено, развернулся и растерял отлично различимые на фоне освещенного особняка два бегущих силуэта. – Что ты задумала?

– Быстрее! Я умею. В этом доме я многому научилась... – Девушка уже была на взлетной площадке и открывала машину. – Прикрой нас!

– Гонзо – в вертолет. – Андрей, пятясь, тоже достиг площадки, переключился на одиночный огонь и продолжил отстреливать силуэты. Еще через пару раненых охрана наконец поняла, что к чему, и залегла за кустами, продолжая поливать взлетную площадку огнем.

Из дома на освещенный подъезд высыпали японцы. Они страшно и бестолково верещали на своем языке, а спешащий за ними следом переводчик надрывался, во всю глотку насадая на игнорирующих его охранников.

– Не попадите в вертолет! Ради Бога, не попадите в вертолет! Кто тут старший?! Кто приказал стрелять?!

Лопасты машины начали медленно раскручиваться над головой Андрея, быстрее, быстрее, прижимая к земле коротко остриженную, устойчивую к сибирским морозам траву. Андрей выстрелил, еще, а потом правое плечо вдруг лопнуло от боли, заставляя выронить

автомат на бетон. Он отшатнулся к вертолету, сползая по холодному черному борту.

– Киборг! – в один голос, стараясь перекричать гул просыпающегося двигателя, закричали Гонзо и Валерия. – Отходи!

Задумчиво глядя на темно-красную теплую струю, падающую с плеча на бетон, Андрей медленно, словно во сне, все же подхватил автомат левой. Вторая пуля щелкнула в опору вертолета, пройдя в сантиметрах от головы. В ухе загудело, но Андрей, скорее по инерции, завалился в сторону и продолжил стрелять с одной руки.

Кого-то даже зацепил. Киборг, скорее всего Станислав, выстрелил еще раз, снова не попал. Искры от асфальта брызнули в лицо. Андрей застонал, кое-как поднялся на ноги, приваливаясь к открытой двери кабины, и отбросил разряженное оружие в темноту.

– Быстро внутрь! – скомандовала Валерия и вдруг, уцепившись за раненое плечо, невероятным усилием резко, одной рукой втащила Андрея в машину поперек пилотского кресла. Лопасти уже ходили вовсю, мотор ровно гудел, готовый подбросить тонны металла вверх. Перепрыгнув на соседнее кресло, Валерия уверенно взялась за штурвал.

Машину качнуло, по обшивке застучали несколько пуль, треснул, рассеченный двумя трещинами, кокпит. От громады дома, уже не особо скрываясь, бежали люди, некоторые на ходу продолжали стрелять, у подъезда все еще суетились японцы; обходя аллею, к вертолету приближался армейский джип, сверкающий десятком фар, как новогодняя елка.

Черная, хищно-обтекаемая машина вздрогнула всем телом, качнулась из стороны в сторону, пробуя отрыв. На движении защелкнула распахнутую дверь и поднялась над площадкой, победно наклоняя нос. По вертолету продолжали стрелять, что-то загудело, елевого борта поползла тонкая полоска дыма, но черную стрекозу уже было не остановить. Поднявшись над особняком, она стремительно набрала скорость и через несколько секунд ушла за лес.

Перед подъездом, совершенно не обращая внимания на отчаянные вопли японских ученых, стоял Илья Воротов, невидящим взглядом рассматривая опасно повисший в расслабленной кисти обреза.

Заключение. Сумма конфискации

Говорит Марья-царевна стрелку:

– Сумел меня взять, умей и удержать – неспешным пирком да за свадьбу. Буду тебе честной да веселой женой.

На том они и поладили.

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».
Русская народная сказка.

– Потерпи, сейчас сядем за лесом, я тебя перевяжу. – Валерия уверенным, практически привычным движением надела наушники, свободной от штурвала рукой настроила рацию. – Главное, не налететь случайно на патруль военных.

Андрей застонал, сел, левой рукой зажимая рану, чувствуя, как голова тяжелеет и уплывает прочь.

– Держись, – сказал Гонзо откуда-то издалека, – прошло навывлет.

– А откуда, – Андрей привалился к холодному стеклу, разглядывая проплывающий внизу ночной лес, – откуда ты умеешь так водить вертолет?

Девушка удивленно пожала плечами:

– Программа пилотирования вертолета зашита в пакет обязательных программ моей модели, вот и все. Но попробовала сегодня впервые. Здорово, тебе стоит это испытать, я покажу как!

Андрей повернулся к Валерии, пытаясь сфокусировать взгляд на ее лице. Образ таял, расплывался и кружился, вытекая из-под пальцев вместе с кровью. Андрей прикрыл глаза.

– Так ты киборг... – выдохнул он, откидывая голову.

– Ну да! – Вместо девушки ответила крыса, забираясь на его ногу. – А я считал, что ты

сразу понял?! Я же сказал – уникальная и хрупкая, совершенно новая и по-новому совершенная модель! А ты думал, я так о человеке сказать могу?

Андрей нашел в себе силы замахнуть на мигот отпрыгнувшую крысу.

– Ну, об одном, пожалуй, все-таки могу, – усмехнулся острыми зубками Гонзо.

– Экспериментальная модель на основе редкоземельных металлов?

Валерия скромно улыбнулась и кивнула, продолжая выискивать место для посадки.

– А сколько ты вешишь, Лера? – улыбнулся в ответ Андрей.

Телефон, укрепленный сразу за креслом пилота, затрещал не неожиданно, как это обычно любят делать телефоны, а даже как-то предупредительно. Андрей скосил глаза. Телефон звонил.

Протянув левую руку за голову и пачкая аппарат собственной кровью, Андрей снял трубку. Телефонный звонок в только что угнанном вертолете? Любопытно. Воротов? Японцы?

– Алло...

– Андрюша!

– Алло?

– Андрюша, ты? – Трубка просто излучала радость.

– Лексеич? Ты как этот номер узнал?! – Андрей почувствовал, что у него заплетается язык.

– Андрюша, – звук был чистым и четким, – не обижай, не в прачечной, чай, служишь! Говорил же я тебе, что своих не бросаем!

Бывший шеф Андрея торопился, был возбужден и сбивчив.

– Ты это... Андрюша, ты как, цел?

– Не целее обычного, но выживу. – Андрей подозрительно покосился на трубку. – Вы как меня нашли? Спутник? Вы следили?

– Да что ты заладил, все как да как?! – притворно рассердился Лексеич. – Мы же Управление, забыл, мы же все можем! Эх, живой, чертяка, слава тебе, Господи... Ты лучше это, вот что скажи. – Он сделал паузу и наконец спросил: – Девочка с тобой? Алло, Андрюша, как слышишь меня? Я спрашиваю, девчонка эта, Валерия, с тобой? Она как, цела? Алло?!

Андрей рванул шнур из штекера, тянуться вешать трубу было просто больно. Да и лень, если честно. Вертолет начал снижаться.

– Кто это был? – Она наклонила голову, прядка темных волос выбилась из-под наушников и перечеркнула левый глаз. Очень красиво.

– Знаешь, – Андрей посмотрел на нее долгим, но не очень четким взглядом, – мы не полетим в Новосибирск, Лера. Скажу честно, на свете есть очень, очень много красивых и больших городов.

Крыса фыркнула, подпрыгивая на собственном хвосте, а девушка-киборг понимающе улыбнулась.

Над самой кромкой леса, на востоке, где-то очень далеко вставало солнце. И от всей души, и ее и его, хотелось надеяться, что сегодняшней восход будет не грязным, низким и размытым, подобным светлой кляксе в темени неба, а нормальным, как лет сто—двести назад. И над лопастями машины медленно поплывут невесомые, так похожие на полосы пуха, белоснежные облака.

2000 год. А. Фролов. Новосибирск